

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ
ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КОММЕРЦИИ**

На правах рукописи

Расулова Гулбахор Негматовна

**Семантико-грамматическая характеристика глагола
в таджикском и английском языках**

Специальность 10. 02. 20. – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель -
кандидат филологических наук,
профессор Усмонов Каримджон

Худжанд - 2016

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Лексико-семантическая характеристика глагола в таджикском и английском языках	
1.1. Семантические особенности глагола в таджикском и английском языках.....	13
1.2. Детерминанты семантики глагольных лексем в таджикском и английском языках.....	18
1.3. К вопросу о дефиниции глагола.....	28
1.4. Онтолого-логические основы семантики глагольной лексики.....	42
Глава II. Общая грамматическая характеристика личных и неличных форм глагола в таджикском и английском языках.	
2.1. Функционально-семантическая классификация глаголов в таджикском и английском языках.....	60
2.2. Общие сведения о неличных и личных формах глагола в таджикском и английском языках.....	63
2.3. Система грамматических категорий глаголов таджикского и английского языков.....	76
Глава III. Грамматические категории времени и вида в таджикском и английском языках.	
3.1. Категория времени в таджикском и английском языках.....	80
3.2. Категория вида в таджикском и английском языках.....	95
3.3. Проблема английских перфектных форм глагола и их таджикские соответствия.....	108
Глава IV. Категории залога, наклонения, лица и числа в таджикском и английском языках.	
4.1. Категория залога в сопоставляемых языках.....	119
4.2. Категория наклонения в таджикском и английском языках.....	130
4.3. Категория лица и числа глагола в таджикском и английском языках.....	146

Заключение.....	160
Список использованной литературы.....	166

Введение

Глагол, как одна из ведущих частей речи с разветвлённой системой грамматических форм, и как единица с особой семантикой, играет важную роль в структурно-семантической организации предложения. У этой части речи имеется своя специфическая лексико-семантическая характеристика.

Актуальность темы

Ознакомление с теоретической литературой в области лексикологии и грамматики свидетельствует о том, что проблема лексического значения глагола изучена недостаточно широко и глубоко. В источниках по лексикологии основное внимание уделяется, главным образом, таким вопросам, как особенности лексики, определение слова, лексическое значение слова, многозначность слова и его семантическая структура, изменение семантической структуры слова, прямые и переносные значения слова и т. д. Однако число работ, освещающих вышеуказанные аспекты слова на примере глагольной лексемы, сравнительно мало. На материале русского глагола изучением этой темы занимались А. А. Потебня [81], А. А. Лекант [70], Л. М. Васильев [19], А. В. Бондарко [18], Д. Н. Шмелёв [118].

Лексико-семантический аспект английского глагола изучен А. А. Уфимцевой [109], Ю. Д. Апресяном [1; 2], А. В. Арнольд [3; 4], Г. Г. Почепцовым [82], Г. Г. Сильницким [94], Г. С. Дзбановской [41], Ф. Р. Пальмером [148], А. Джуиландом и Дж. Макрисом [139], М. Джузом [138], У. Ф. Тводелом [154], У. Дайвером [130], В. Д. Гогошидзе [33] и др.

В таджикском языкознании пионером изучения глагола является Н. Масуми [74]. Но его работы посвящены только грамматической характеристике глагола. О лексико-семантических особенностях таджикского глагола нет даже ни одной статьи, не говоря уже о монографических и диссертационных работах. Под термином “глагол” здесь понимают класс слов, обозначающих действие, состояние, процесс. Нет никакого представления о категориальном значении глагола как слова, обозначающего признак в виде отношения. Проблема

предикативности специально не рассматривается ни в одном учебнике или учебном пособии по грамматике современного таджикского языка. Невозможно также найти информацию об отношении между предикативным признаком и его носителем.

Что касается освещения лексико-семантических особенностей глагола английского языка, то здесь между учёными наблюдаются разногласия по ряду вопросов. В частности, идёт спор о наличии денотации и референции у глагола. Н. Д. Арутюнова полагает, что у глагола нет ни денотации, ни референции, а имеется только сигнификат [5, с. 329]. А. А. Уфимцева же, напротив, находит у этой части речи не только сигнификативное, но и денотативное значение [109, с. 63]. Второе разногласие касается связи между признаком, выражаемым глаголом, и предметом. П. А. Лекант придерживается того мнения, что этот признак приписывается предмету [70]. П. А. Потеня же считает, что такой признак заложен в природе предмета, и он является свойством вещи [81]. Следующее разногласие касается отношения между понятием и лексическим значением глагольной лексемы. Одни говорят, что лексическое значение глагола составляет понятие [118, с. 58], а другие [3, с. 119] - что лексическое понятие не всегда является референтом лексического значения глагола. Кроме того, при определении глагола как части речи остались вне поля зрения исследователей модальные и вспомогательные глаголы, которые не выражают ни действие, ни состояние и ни процесс.

Проблемы, связанные с грамматической системой английского языка, представляются ещё более дискуссионными, чем его лексическая система. Функционирование 16 форм в действительном залоге и 10 форм в страдательном залоге натолкнуло англистов на их комментирование с различных позиций. Одни относят их к видовременным сферам глагола. Другие же классифицируют их по группам, часть из них считая формами времени, а другую часть формами вида. Третья группа учёных расставляют эти формы по трём категориям.

Категория залога также является дискуссионной. Одна группа ученых находит пять залогов, а другая разграничивает два залога. Этой категории дают различные определения.

Весьма дискуссионной является проблема категории наклонения. Различные англисты находят от двух до 16 наклонений у английского глагола.

Лицо и число глагола также стали предметом разнообразных истолкований ввиду того, что у этой категории отсутствует чёткая и последовательная система средств выражения.

Сложность грамматического строя английского глагола стала причиной ещё и того, что в различных грамматических источниках грамматические категории трактуют по-разному.

Что касается таджикского глагола, то, как было отмечено выше, его лексико-семантическая характеристика нуждается в фундаментальных исследованиях. Грамматические особенности этой части речи изучены в пятидесятых годах XX века А. Н. Розенфельд и В. С. Расторгуевой в их грамматических очерках [84; 88]. Более последовательный анализ морфологических особенностей таджикского глагола проведён известным таджикским лингвистом Н. Масуми, который в шестидесятых и начале семидесятых годов прошлого века охарактеризовал структурные типы глаголов, их функционально-семантические типы, грамматические категории этой части речи и т. д. Его наследие по глаголу без изменений перенесено и в учебник по грамматике для вузов, и в академическую грамматику таджикского языка.

Для своего времени взгляды Н. Масуми были большим достижением в области таджикского языкознания, которое большей частью основывалось на традициях русской грамматики. Таджикский глагол остро нуждается в таких исследованиях, которые учитывали бы достижения мировой лингвистики, и в особенности, английского языкознания.

Между тем система глагола английского и таджикского языков до сих пор не становилась предметом сравнительно-сопоставительного изучения. Категория вида стала объектом изучения в кандидатской и докторской диссертациях П. Джамшедова [39]. Глагольный вид этих языков исследовал в семидесятые годы Н. Хамроалиев. Сослагательное наклонение в этих языках исследовал А. Мамадназаров [73]. Недавно А. Тошов попытался в сравнительно-сопоставительном плане охарактеризовать категорию залога английского, русского и таджикского языков [101]. К сожалению, ему не удалось обратить достаточного внимания на данную грамматическую категорию этих языков, которое было более сосредоточено на залоге русского глагола.

Остаются неисследованными в сопоставительном плане категории времени, залога, порядка, лица и числа глагола английского и таджикского языков.

Всё сказанное обосновывает актуальность выбора темы нашей диссертационной работы.

Цель исследования - расширение знания по лексическому значению глагола в таджикском языке и его морфологических категорий на основе теоретических положений по семантике глагола и его грамматических признаков в английском языке, исследование лексико-семантических и грамматических особенностей этой части речи английского и таджикского языков в сравнительно-сопоставительном плане.

Для достижения этой цели в работе ставятся следующие задачи:

- определить семантические особенности таджикского глагола;
- охарактеризовать детерминанты семантики глагольных лексем таджикского и английского языков;
- оценить традиционное определение глагола как части речи и предложить новое его определение;
- расширить знание об онтолого-логических основах семантики глагольной лексики на материале английского и таджикского языков;

- провести функционально-семантическую классификацию глаголов таджикского и английского языков;
- кратко охарактеризовать неличные формы глагола таджикского и английского языков;
- дать сравнительно-сопоставительный анализ категории времени таджикского и английского глаголов;
- выявить категориальные особенности глагольного вида в таджикском и английском языках;
- определить место перфектных форм английского языка в системе грамматических категорий глагола и выявить их эквиваленты в таджикском языке;
- показать особенности категории залога в английском и таджикском языках;
- охарактеризовать категорию наклонения английского и таджикского языков и определить эквивалентность в этой сфере;
- изучить способы и средства выражения категорий лица и числа глагола в сопоставляемых языках.

Материалы исследования и его теоретические основы. В качестве фактологического материала были исследованы художественные произведения таджикоязычных и англоязычных писателей и поэтов. Для выявления эквивалентности между сопоставляемыми языками были отобраны примеры из романов Е. Voynich “The Gadfly” [196] и R. Stevenson “Treasure Island” [193] и их переводов на таджикский язык.

Теоретической основой исследования послужили работы А. И. Смирницкого [95; 96; 97], М. Я. Блоха [123], А. А. Уфимцевой [109; 110], Ч. Филлмора [131], И. В. Арнольд [3; 4], Л. М. Васильева [19], Д. Н. Шмелёва [118], А. В. Бондарко [14; 15; 16; 17; 18], М. М. Гухман [36; 37], В. С. Расторгуевой и А. А. Керимовой [84], Н. Масуми [74], Ш. Рустамова [90], Искандаровой Д. М. [59] и др.

Методы исследования. При изучении семантики глагольных лексем английского и таджикского языков использовались методы компонентного анализа и непосредственно составляющих. Применялись также приёмы сопоставительного метода, а также метод дистрибуции при анализе грамматических категорий глаголов английского и таджикского языков.

Научная новизна работы. В таджикском языкознании предпринята попытка раскрыть категориальное значение глагола, определены детерминанты семантики глагольных лексем, дано новое определение глагола. Охарактеризованы онтологические и логические основы значения глагола. Выявлены черты сходств и различий неличных форм глаголов таджикского и английского языков. На основе теории оппозиции впервые вместо трёх рядов временных форм таджикского глагола выделено два ряда форм. В таджиковедении предложено новое определение категории залога. Предложено выделить категориальную форму таджикского наклонения под названием аудитивное наклонение. Вопреки установившейся традиции, категории лица и числа таджикского глагола проанализированы как морфологические категории. Подвергнуты сравнительно-сопоставительному анализу грамматические категории времени, вида, залога, наклонения, лица и числа, выявлены изоморфные и алломорфные признаки этих грамматических категорий глаголов таджикского и английского языков. Выявлены средства и способы передачи значений перфектных форм английского глагола на таджикский язык.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Глагол выражает динамический признак предмета, который не отделим от него и реализуется в форме отношений.
2. Семантика глагольной лексемы детерминируется: онтологическим параметром; сочетаемостными возможностями глагола; индивидуальной семантикой предметных имён, с которыми вступает в отношение глагольный признак.

3. Глагол обозначает действие, состояние, процесс, а также служит для выражения субъективной модальности и категориальных значений других глаголов.
4. Глагол называет существующие в материальном мире отношения между предметами и явлениями в форме их динамических признаков. За каждым классом объектов материального мира закреплён определённый набор действий и состояний. У каждого разряда действий и состояний имеются свои различительные признаки, которые получают свои отражения в сознании индивида в форме понятий. Эти понятия лежат в основе значений глагольной лексики. Содержательный аспект значения глагола богаче, чем содержание понятия, так как здесь присутствует человеческий фактор.
5. В этих языках глагольная лексика по своим семантико-функциональным признакам делится на смысловую, служебную и вспомогательную. Число последнего разряда глаголов в таджикском языке богаче, чем в английском. В английском языке функционируют четыре неличные формы глагола, а в таджикском их три – отсутствует герундий.
6. У английского глагола имеется шесть грамматических категорий, а у таджикского их пять – нет категории порядка.
7. Категорию времени английского глагола составляет трёхчленная парадигма, тогда как у таджикского глагола имеется двухчленная оппозиция – отсутствует категориальная форма будущего времени.
8. Категория вида в таджикском языке представлена трёхчленной оппозицией, а у английского глагольного вида двухчленная оппозиция.
9. В английском языке имеется категория порядка, которая зиждется на основе противопоставления перфектных форм неперфектным. Перфектные формы передаются на таджикский язык различными аспектуальными формами настоящего и прошедшего времён.
10. В сопоставляемых языках имеются действительный и страдательный залого. Функционирование этих форм в английском языке зависит от

объектности и необъектности глагола, а в таджикском языке данная категория зависит от переходности и непереходности глагола.

11. В сопоставляемых языках имеются изъявительное, повелительное и косвенное наклонения. Число косвенных наклонений в английском языке четыре, в таджикском языке их также четыре. Значения четырёх указанных английских наклонений передаются на таджикский язык формой условно-желательного наклонения. Три косвенных наклонения таджикского языка отсутствуют в английском языке. Они передаются на английский язык либо модальными словами или оборотами или же особыми синтаксическими оборотами.

12. Категории лица и числа у таджикского глагола выражаются чёткой системой флективных средств. Они в английском языке находят своё выражение большей частью в лексических средствах – форме подлежащего, выражаемого личными местоимениями или субстантивными словами.

Теоретическая и практическая ценность работы

Результаты исследования обогащают сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание в Республике Таджикистан. Находки автора в сфере лексического значения таджикского глагола и его грамматических категорий времени, залога, наклонения, лица и числа развивают таджикскую науку о языке.

Итоги нашей работы можно использовать в процессе чтения лекционных курсов по сопоставительной грамматике английского и таджикского языков на старших курсах языковых вузов. То новое, что выявлено в сфере глагольной лексики и морфологии таджикского языка, послужит полезным материалом в процессе обучения студентов факультетов таджикской филологии вузов нашей страны теоретическому аспекту современного таджикского языка. Материалы диссертационного исследования могут быть применимы при написании учебных пособий, курсовых и выпускных работ, а также магистерских диссертаций

студентами и магистрами факультетов иностранных языков нашей республики.

Апробация работы. Результаты нашего диссертационного исследования были представлены в виде научных докладов на научных конференциях преподавателей ТГУК, а также факультета иностранных языков Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. По теме диссертации опубликованы 9 статей, в том числе 4 статьи в журналах, зарегистрированных ВАК Российской Федерации.

Объём и структура работы. Диссертация объёмом в 181 страницу компьютерного набора состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографии из 196 наименований литературы на русском, таджикском и английском языках. К работе прилагается также список источников, послуживших иллюстративным материалом для исследования.

Во введении обосновывается актуальность выбора темы исследования, констатируются цель и задачи работы, названы методы исследования, отмечены положения, выносимые на защиту, указана теоретическая и практическая значимость работы, упомянута её апробация.

В первой главе подвергнута анализу лексико-семантическая характеристика глаголов таджикского и английского языков.

Во второй главе исследуется общая грамматическая характеристика личных и неличных форм таджикского и английского глаголов.

Глава третья посвящена сопоставительному исследованию категорий времени и вида глаголов изучаемых языков.

В четвёртой главе подвергнуты сравнительно-сопоставительному анализу категории залога, наклонения, лица и числа глаголов таджикского и английского языков.

Глава I. Лексико-семантическая характеристика глагола в таджикском и английском языках.

1. 1 Семантические особенности глагола в таджикском и английском языках

Как известно, главным семантическим признаком глагола является обозначение действия или состояния. И действие, и состояние неразрывно связаны с предметом, ибо, с философской точки зрения, основа существования материи есть движение. Это значит, что нет предмета без действия, и нет действия без предмета. В. Д. Гогошидзе, относя прилагательное и глагол к классу признаков слов, основу для их объединения в один класс видит в специфике понятийного содержания глагола и прилагательного выражать несамостоятельно существующий признак предмета. К тому же она считает, что носитель признака – реальность, объект реальной действительности, а признак реален постольку, поскольку есть носитель этого признака [33, с. 107]. С этим её взглядом вряд ли можно согласиться, так как, **во-первых**, согласно положению диалектики, без признака не может существовать объект. **Во-вторых**, её слова о “несамостоятельно существующем признаке” предполагают первичность объекта и вторичность признака. Такая постановка вопроса неправомерна, так как субстанция и признак неотделимы друг от друга, они взаимно предполагаемые понятия друг друга. Не может быть объекта без признаков. Объект существует благодаря определённым признакам, так как согласно диалектике основа существования материи есть движение.

Если применить вышеуказанные слова В. Д. Гогошидзе в сфере грамматики, то подлежащее, выражаемое номинантом носителя признака, должно считаться конституирующим компонентом структуры предложения, а сказуемое как индикатор признака выступает семантически зависимым членом предложения. Такая трактовка статуса главных членов предложения часто критикуется в грамматических источниках. Доминирующим в этом плане является положение о том, что подлежащее и

сказуемое взаимно предполагают друг друга. Поэтому говорят о “соотносительности главных членов предложения” [70, с. 9]. Коль так, то понятийное содержание глагола следует квалифицировать как выражающее соотносительный признак.

Понятие признака тесно связано не только с именем прилагательным, но и с глаголом, так как у них схожая функция, т.е. “прилагательное вместе с глаголом составляет общий класс – класс признаков слов. Поэтому еще Платон и Аристотель рассматривали прилагательное как подкласс глаголов [68, с. 342]. Такое объединение основано, прежде всего, на специфике понятийного содержания глагола и прилагательного – на выражение ими признака предмета” [33, с. 142]. Например: *The dark sky. The sky darkened as the storm approached* = **Осмони тира. Баробари омадани бӯрон осмон тира шуд**. Из этого примера вытекает, что глагол “darken – тира шудан” указывает на актуализацию свойства потускнения, как процесса или деятельности, а прилагательное “dark – тира” – на качество или состояние. Это значит, что для выражения признака посредством и глагола, и прилагательного требуется наличие, по крайней мере, двух слов: 1) слово, обозначающее понятие субстанции, 2) слово, выражающее понятие признака. К словам первого разряда относятся имена существительные и их заместители, а прилагательные и глаголы выступают в качестве индикаторов признака. В случае комбинирования субстантивного слова с адъективным словом происходит констатация отношения “предмет - признак” говорящим лицом. При этом номинируется признак – данность и этот признак носит статический характер. Для актуализации отношения “предмет - признак” говорящий прибегает к конструированию сочетания субстантивного слова с процессуальным и выражаемый этим сочетанием признак носит, наоборот, динамический характер. Признак первого типа (N+Adj.) называется непредикативным статичным признаком, а признак второго типа (N+V) известен в лингвистике под названием предикативный, динамический признак.

Например: 1. *Ҳавои хунук* – *cold weather*, *кӯчаи васеъ* – *wide street*, *бачаи боақл* – *clever boy*. В этих примерах констатируются реальные признаки указанных предметов, и эти признаки составляют их сущностные характеристики. 2. *Шумо баромада рафтед* (156, с. 504). – *You went out*. *Саг бо оҳистагӣ аз ҷояш хест* (там же, с. 224). – *The dog has straightened up slowly*. *Ignosi thought for a moment* (187, с. 127). – *Игнози андаке фикр карда монд*. В этих примерах из сопоставляемых языков выражаемые глаголами признаки представляют собой их проявление в определённой точке времени и на определённом месте. Эти признаки закреплены за данными объектами. Поэтому мы не можем заменить слова “*саг (dog)*” и “*духтар (girl)*” словами “*миз (table)*”, “*мор (snake)*”, “*офтоб (sun)*”, “*мӯрча (ant)*” и тому подобными, так как они не способны совершать указанные действия. В содержательной структуре этих имён существительных отсутствуют те существенные признаки, которые составляют содержание вышеуказанных глаголов-сказуемых. Это значит, что предикативный признак находит своё выражение только в том случае, когда в содержательной структуре слова-подлежащего имеются существенные признаки, образующие понятия действия, номинируемого глаголом-сказуемым. Разница между статическим и динамическим признаками с грамматической точки зрения заключается в том, что модель *N + V* основывается на предикативной, а *Adj. + N* – на подчинительной связи, при которой происходит констатация того или иного ведущего признака объекта, номинируемого именем существительным или его субститутом. Содержанием предикативной связи является пространственно-временная актуализация определённого свойства, заложенного в природе денотата подлежащего в виде процесса или деятельности. Поэтому его называют признаком-отношением.

П. А. Лекант считает, что “предикативный признак приписывается предмету говорящим” [70, с. 11], с чем никак нельзя согласиться, так как А. А. Потенция отмечал: “Термину глагол (*vb. finitum* и *infinitum*), грамматическому сказуемому (*название признака, производимого*

подлежащим – выделено нами Г. Р.) соответствует сила, свойство вещи, познаваемое по отражению на других вещах (объектах), стало быть свойство, в коем сказывается связь между вещами” [81, с. 7]. Это значит, что признак, выражаемый глаголом, заложен в природе предмета, а он не приписывается предмету, как это утверждает П. А. Лекант. Например, в частности, свойства “думать”, “писать”, “читать” и другие присущи человеку, а свойство “летать” присуще птицам и им подобным живым существам, а не человеку.

Следует отметить, что английский глагол может в определённых условиях выражать и статический признак. В первую очередь, это происходит в синтаксических конструкциях типа N + V + Adj. Например: *The fellow was agreeable* (186, с. 239). *Deutscher's perspective is utterly false* (182, с. 11).

То же самое наблюдается и в современном таджикском языке: *Рӯз сафед шуду офтоб баромад* (156, с. 39). *Ў аз ороиши зарфи ҳалво чандон хушнуд нест* (163, с. 21).

В таджикском языке в указанных случаях употребляются глаголы “будан” (*Онҳо ҳисман заифтар буданд.* (163, с. 214)), “шудан” (*Илоҳӣ чаноби олій қаҳонгир шаванд.* (156, с. 194)) или глагол “ҳаст” (*Акнун ин мардумро ба майдони ҷанг баровардан бисёр душвор аст.* (156, с. 302)).

Относительно структур указанного типа нельзя не согласиться с мнением В. Д. Гогошидзе, которая пишет: “... Именно благодаря присутствию глагола бытия английская структура N + V + Adj. (*N + Adj. + V в таджикском языке.* - Г. Р.) актуализирует статику, и прилагательное оказывается не в слабой позиции постглагольного члена. Здесь финитный глагол выполняет функцию сказуемого, а прилагательное – функцию предикативного атрибута” [32, с. 20]. Ещё в одном случае глагол может выражать статический признак. Это происходит в конструкциях типа N + V + Participle II. А в таджикском языке к выражению статического признака способно причастие предшествования в сочетании с каким-либо

глаголом-связкой. Например: *They were all well dressed* (184, с. 70). *Both Houses are handsomely carpeted* (там же, с. 126). **Он дам дарвоза кушодагӣ буд** (176, с. 124).

В семантике глаголов сопоставляемых языков обнаруживается не только признаковая характеристика, но в ней ещё и совмещается общекатегориальное значение имени существительного и прилагательного. В частности, инфинитив и герундий могут употребляться в позиции субстантивных слов. Они выполняют функцию подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого или даже обстоятельства: *To break with the bourgeoisie landlords - such is the first task* (182, с. 157). **Одатан ғузаштани ҳар рӯз бесамар набошиад ҳам, касро то андозае ғамгин мекунад** (159, 158). *On being told that John was about to do something* (186, с. 154). **Пас аз ғундошта гирифтани дастархони палав ... чойникҳои чойи кабуд қатор ғардид** (156, с. 356). *The better part of Stalin's work ... is certain to outeast Stalin* (182, с. 9). **Ягона роҳи ҳалосӣ ... таслим шудан аст** (156, с. 409). *Dancing makes you forget yourself* (186, с. 175). *Fleur was out of hearing* (там же, с. 191).

Причастие I и причастие II английского языка и их таджикские эквиваленты причастия предшествования и одновременности, наряду с глагольными признаками, характеризуются наличием у них свойств прилагательного: *Up and down the shining lift shafts* (196, с. 134). *He dined at Basso's in the covered balcony ...* (там же, с. 148). **Вай чаимони худро аз косахонаи чӯкидаи муйсафед намеканд** (166, с. 323). **Мактуби хондаистодааш аз дасташ афтоду Сафар шах шуда манд** (там же, с. 359).

Таким образом, глагол в английском и таджикском языках, выполняя большей частью функцию сказуемого, служит для выражения предикативного признака, который носит динамический характер. В определённых дистрибутивных условиях он может выражать и статический признак. Права в этом отношении Д. М. Искандарова, которая в своей диссертационной работе указывает на выражение глаголом статического

признака [59]. В семантике отдельных форм глагола могут обнаруживаться свойства прилагательного и существительного.

1.2. Детерминанты семантики глагольных лексем в таджикском и английском языках

С философской точки зрения “движение – это форма существования материи, непрерывный процесс развития материального мира. Нет материи без движения и движения без материи” [77, с. 148]. Номинантом движения в языке является глагол. Поэтому глагол занимает центральное место среди частей речи как средоточие номинативно-категориальных потенций и центром предикативно-функциональной организации предложения. Наряду с глаголом почти такой же характеристикой обладает существительное, которое называет предметы и явления материального мира.

Предметность, как известно, транспонирует категорию субстанции, а глагол, обозначающий понятия действия, состояния или процесса, представляет собой другую мыслительную категорию, известную под названием “признак”. Поэтому права А. А. Уфимцева, которая пишет: “В глагольных лексемах, выражающих своей семантикой понятие отношения (действия, состояния, процесса и т.п.) к его объекту, субъекту или к тому и другому одновременно, эти смысловые отношения как бы выносятся за рамки глагольной лексемы и находят своё выражение в минимальных лексических синтагмах” [109, с. 146], т. е. сочетанием подлежащего со сказуемым или сказуемого с дополнением. Например: 1. - *Ман меравам, - изҳори хоҳиш кард Шариф* (157, с. 43). 2. *Таъсири лагадҳои босмачӣ аз бадани Шохӯҷа батамом рафта буд* (165, с. 42). 3. ... *баъди он болобардори иҷора ҷӯшида меравад* (156, с. 179).

В этих трёх таджикских примерах три раза употреблён глагол “рафтан” (идти). Однако в семантическом плане этот глагол проявляет различные смысловые оттенки.

В первом примере глагол “**рафтан**” обозначает понятие “отправляться”, “направляться куда-нибудь”, “двигаться”, “перемещаться”. А во втором примере этот же глагол употреблён совсем в другом значении. Он проявляет семантику “исчезать”, “поправиться”. В примере под порядковым номером три глагол “**рафтан**”, потеряв своё лексическое значение “идти”, превращён во вспомогательный глагол, который служит для выражения интенсивности действия, указывая на “быстрое и бурное развитие этого процесса” [84, с. 235].

Такое семантическое варьирование присуще и глаголам английского языка, о чём свидетельствуют следующие примеры с глаголом “to go” (**рафтан**) в его разных словоформах: 1. *She has gone to China* (189, с. 529). **Вай ба Хитой рафт** (перевод тинформантов). 2. *This dictionary goes on the top shelf* (там же, с. 529). – **Ин лугат дар рафи болой меистад** (перевод информантов). 3. *This machine goes by electricity* (189, с. 529). – **Ин таҷҳизот бо барқ кор мекунад** (перевод информантов). 4. *Her hair is going grey* (там же, с. 529). – **Мӯи сари ӯ сиёҳу сафед шуда истодааст** (перевод информантов). 5. *My jumper has gone at the elbows* (189, с. 530). – **Љемпери ман аз зери оринҷо шикоф шуд** (перевод информантов). 6. *The company has gone into liquidation* (там же, с. 530). – **Ин ширкат аз байн рафт (муфлис шуд)** (перевод информантов).

Как видно из этих английских примеров, глагол “to go” (**рафтан**) употреблён в шести разных значениях. В первом случае он обозначает движение с одного места на другое. Во втором случае “to go” указывает на местоположение (размещение) какого-либо предмета. В третьем примере этот глагол выражает понятие “работать” или “оперировать”. В четвёртом предложении он обозначает переход из одного состояния в другое. Пятым значением этого глагола является “быть забракованным или выходить из употребления”. В последнем примере “to go” употреблён в значении “обанкротиться”.

Из этого многообразия проявления значения слова возникает вопрос: С чем связано варьирование значения глагольной лексемы?

Традиционная грамматика, пытаясь ответить на этот вопрос, делит глаголы на переходные и непереходные, субъектные и объектные, возвратные, каузативные, безличные и т.д. и связывают указанное явление с направленностью действия на субъект или объект, с характеристикой субъекта действия. С таким ответом вряд ли можно согласиться, так как варьирование семантики глагола связано и с некоторыми другими факторами, о чём пойдет речь чуть позже.

Касаясь вопроса о семантике языковых единиц, У. Чейф отмечает, что в качестве костяка семантической структуры слова выступает глагол, выражающий событие или состояние, и имя существительное, номинирующее предметы как конкретные объекты, так и абстрактные понятия, выраженные существительными. Говоря “Я принимаю, что центральным из них является глагол, а периферийным - существительное” [115, с. 101], он очевидно, допускает ошибку. Доминирующую роль глагола в структуре предложения У. Чейф видит в том, что именно глагол определяет структурный состав предложения, т. е. какие имена существительные употребляются с глаголом и какие семантические роли они выполняют [115, с. 101-102]. Нам представляется, что У. Чейф преувеличивает роль глагола в структурной организации предложения. На наш взгляд, роль глагола как десигната процесса или состояния раскрывается значением его предметных актантов, а не наоборот, как это явствует из указанного взгляда У. Чейфа и представителей традиционной грамматики.

Мы думаем, что лексическое значение глаголов определяется следующими факторами, которые разграничены профессором А. А. Уфимцевой:

- 1) соотнесённостью с реальной действительностью, которая представляет собой в данном случае не мир предметов, а мир их отношений (местонахождение, действие, состояние и т.п.);
- 2) категориальной и индивидуальной семантикой, сочетающейся с глаголом предметных имён.
- 3) типом смысловых отношений между действием, его агенсом и объектом, на который оно направлено, - а соответственно типом моделей “субъект - действие”, “действие - объект”, “субъект – действие - объект” [109, с. 148].

Например: 1) *Исрофил як оҳ кашида монд* (163, с. 122). В этом примере между “Исрофил” и “оҳ кашида монд” наблюдается смысловое отношение агенс + его предикативный признак. 2) “*Listen to the quiet*”, *she said* (180, с. 187). – “*Ба оромӣ тавачҷӯҳ кунед*”, - *гуфт ӯ* (перевод информантов). В этом примере выражено отношение между действием и его адресатом. 3) *Савор асти худро нигоҳ дошт* (156, с. 210). В этом предложении обнаруживаются смысловые отношения между субъектом и его действием, с одной стороны, и между действием и его объектом, с другой.

Суть третьего фактора, играющего большую роль в выражении значения глагола, раскрыта американским учёным Ч. Филлмором в его теории о глубинных падежах. По его мнению, в каждом предложении отражается некая пропозиция. Под этим понятием он подразумевает вневременной комплекс отношений между именем и глаголом. При этом исключаются модус, время, вид и другие категориальные признаки глагола. В указанную пропозицию входят процессы, действия и их именные аргументы, которые играют определённые роли относительно предиката. Эти именные аргументы, включаясь в структуру предложения, проявляют определённые падежные отношения. Ч. Филлмор разграничивает шесть падежей: 1) агентив (A) – одушевлённый возбудитель действия: **Аскарони сурх саф кашиданд**; 2) датив (D) – лицо, затронутое состоянием и действием: *It was pointed out to him* (184, с. 115). – *Ин ба ӯ ишора мекард*

(перевод информантов); 3) инструментал (I) – неодушевлённая сила или предмет, вовлеченный в действие: *Аскарони сурх аз милтиқҳо ба сӯи ҳучумкунандагон оташ кушоданд* (163, с. 85); 4) локатив (L) – место действия или его пространственная ориентация: *He turned and hurried to his room* (180, с. 253). – *Ў ба сӯи хучраи худ рӯ овард ва шитобид* (перевод информантов); 5) фактатив (F) – предмет или существо, возникающие в результате действия: *Ду сол пеш... ҳамагӣ 850 ҳазор тонна пахтаи маҳиннах рӯенда шуд* (158, с. 61); 6) объектив (O) – предмет, затрагиваемый действием: *Арабҳо Эронро фатҳ ва давлати Сосониёнро сарначун карданд* (173, с. 164).

Эти падежные отношения обнаруживаются в высказываниях на любом языке независимо от наличия системы падежа у него. Однако, способы их выражения варьируются в языках мира.

Ч. Филлмор классифицирует глаголы на основе того окружения, в которые они включаются. Эти окружения указывают на те или иные падежные отношения. Поэтому он отмечает, что каждый глагол характеризуется своей падежной дистрибуцией [131, с. 12]. В частности, английский глагол “to show” с именем существительным в позиции прямого дополнения проявляет одно значение (**нишон додан**) и при этом он выступает как переходный глагол, а с именем существительным в позиции подлежащего этот глагол обозначает другое действие (**намудор шудан**) и выступает как непереходный глагол: 1) *He showed me his pictures* (189, с. 1177). – *Ў ба ман нигораҳои худро нишон дод* (перевод информантов). В этом примере у глагола “to show” имеется аргумент “pictures”, который, проявляя семантику объектного падежа, детерминирует значение данного глагола. Этим значением является “**нишон додан**” (показывать). В следующем примере отсутствует такой субстантивный аргумент у данного глагола, а имеется такое падежное окружение, которое указывает на агентивное отношение, что становится причиной изменения значения глагола “to show”: *His fear showed in his eyes* (там же, с. 1177). Здесь после “show” отсутствует прямое дополнение как его аргумент, а присутствует

другой аргумент (fear), выступающий в агентивной функции, что изменяет значение глагола “to show”, т.е. он выражает понятие “**намудор шудан**” (показываться) вместо понятия “**нишон додан**” (показывать). Это говорит о том, что значение глагола во многом детерминируется семантико-грамматической характеристикой предметных имён, с которыми вступает в синтаксические отношения глагольная лексема. Поэтому права Е. С. Кубрякова, которая считает, что роль глагола в названии события чаще всего не ограничивается в нём самом, а дополняется извне – значением предметных актантов, сочетающихся с ним. Такая зависимость глагола от своих субстантивных аргументов и их взаимная обусловленность даёт ей основание считать эти две ведущие части речи равноправными в структурной организации предложения [65, с. 118]. Поэтому несомненным условием изучения семантики глагола является обращение к семантике субстантивных слов, сочетающихся с указанной частью речи.

Другим немаловажным фактором, детерминирующим лексическое значение глаголов, является их онтологический аспект. Как известно, глаголы называют различные действия, состояния и процессы, которые тесно закреплены за предметами и явлениями материального мира. Глаголы типа “to think” (**фикр кардан**), “to remember” (**ба хотир овардан**) и т.п. обозначают такие действия, которые присущи только человеку. А глагол “to smell” (**буй кардан**) называет действие, которое выполняется и людьми, и некоторыми животными. А глагол “to go” (**рафтан**) называет такое действие, которое свойственно множеству предметов материального мира, реализующихся в форме отношений между предметами и явлениями материального мира. Именно благодаря проявлению закреплённых за тем или иным предметом или предметами действий или наступления определённого состояния, данный предмет или предметы продолжает (-ют) своё существование, ибо основа существования материи есть движение, а движение в языке номинируется глаголом. В качестве примера можно привести одну реальную ситуацию, связанную с жизнью студента вуза. Для

того, чтобы сдать экзамен по определенному учебному предмету и получить хорошую оценку для получения стипендии, студент вступает в отношение с другими предметами – учебником, конспектом лекций преподавателя, информацией из интернета и т.д. Это отношение проявляется в форме чтения, так как через действие “читать”, которое свойственно студенту, он вступает в отношение с указанными источниками получения знаний для сдачи экзамена. В таком случае студент выступает как действующее лицо, т.е. агенс, а указанные источники знания – как объекты действия “хондан” (to read - читать). В результате возникает ситуация “*Донишчӯ китобҳоро мехонад – The student reads the books*”. Данная ситуация может отражаться в сознании некоего индивида в форме пропозиции, у которой имеется следующая структура: Субъект + действие + объект. Эта пропозиция может получать своё языковое выражение, если преподаватель этого студента расскажет какому-нибудь лицу данное событие в следующей синтаксической форме: *Донишчӯи ман ин китобҳоро мехонад* (в тадж. яз.) или *My student reads these books* (в англ. яз.). Как видно, позиция номинантов, участников одной и той же ситуации в двух сопоставляемых языках, резко отличается. Тадж. яз: S + O + P. Англ. яз: S + P + O.

Эти примеры из двух языков свидетельствуют о том, что значение глагольной лексемы детерминирована её закрепленностью за тем или иным предметом или предметами материального мира. Но в зависимости от своего синтаксического окружения данное значение может варьироваться.

Например:

Имшаб магар ба вақт намехонад ин хурӯс,

Ушиоқ бас накарда ҳаннӯз аз канору бӯс. (Саъдӣ Ш.).

В данном примере глагол “хондан” (to read) выступает в качестве действия “петуха” (хурӯс), что противоречит логике вещей, ибо понятие “читать” не совмещается с понятием “петух”. Тем не менее, автор этого

бейта Саади счёл возможным скомбинировать два этих несовместимых понятия, что становится причиной изменения лексического значения глагола “хондан” (to read). Здесь этот глагол проявляет значение “петь” (сароидан, сурудан). Из этих примеров вытекает, что сочетаемостные потенции глагольных лексем могут выступать в качестве другого детерминирующего фактора изменения значения глагола. Это значит, что значение глагола может зависеть от категориальной или индивидуальной семантики тех языковых единиц, которые вступают в различные синтаксические отношения с глаголом.

Для подтверждения этой мысли приводим еще несколько примеров из сопоставляемых языков:

1. *Яке зард пирохани мушкбӯй*

Бипӯшиду гулноргун кард рӯй (А. Фирдавсӣ).

2. *Поси хотирдори, эй оина, аз мо ёд гир,*

Айбҳои халқ мебинему менӯшем мо (Сайидо).

3. *Яке бод бархост рамзгоҳ,*

Ҳаворо бипӯшид арди сиёҳ (А. Фирдавсӣ)

4. *Ҳар байдақе, ки бирондӣ, ба дафъи он нӯшидӣ*

ва ҳар шоҳе, ки бихондӣ, ба фарзин бипӯшидӣ (Саъди Ш.).

В первом примере глагол “пӯшидан” (to put on - одеваться) проявляет значение “ба тан кардан (либосро)” благодаря его сочетаемости с существительным “пирохан” (рубашка, платье).

Во втором примере глагол “пӯшидан” обозначает совсем другое понятие – “скрывать”, так как объектом выражаемого им действия выступает понятие “айб” (недостаток, порок). Недостаток одевать нельзя, а его скрывают.

Этот же глагол в примере под номером три выражает понятие “фаро гирифтан” (распространяться, покрываться). Проявление этого значения связано с использованием слова “хаворо” (атмосфера) в качестве объекта действия “пӯшидан” и слова “гард” (пыль) в качестве его субъекта.

В последнем примере “пӯшидан” употреблено в значении “химоя кардан”, благодаря его сочетаемости с косвенным дополнением “ба фарзин” и слова “шоҳе”.

Фактор сочетаемости глагола с субстантивными лексемами в структуре предложения также вызывает изменение значения этой части речи в английском языке. В качестве примера рассмотрим глагол “to put on”, который является эквивалентом вышеприведённого таджикского глагола “пӯшидан”: 1. *What dress shall I put on for the party?* (189, с. 1019). - *Барои иштирок дар базм кадом пироханамро пӯшам?* (перевод информантов) 2. *Let's put the kettle on and have a cup of tea* (189, с. 1019). - *Биёед чойникро чӯшонему як пиёлагӣ чой нӯшем.* (перевод информантов) 3. *How many rounds did you put on over Christmas?* (189, с. 1019). – *Дар рӯзи тантанаҳои солгарди Исо пайгамбар (25 декабр оғоз меёбад) шумо чанд фунт фарбеҳ шудед?* (перевод информантов) 4. *The local drama group are putting on “Macbeth”* (там же, с. 1019). – *Ҳайати драматии маҳаллӣ “Макбет”-ро ба сахна гузошта истодаанд* (перевод информантов).

В первом примере глагол “to put on” обозначает понятие “одевать” (либос пӯшидан), что связано с его сочетанием с существительным “dress” (пирохани занона), выступающим в функции прямого дополнения к этому глаголу.

Во втором случае этот глагол проявляет значение “ба кор андохтан” (в нашем примере - чӯшонидан). Он выступает в этом значении под влиянием слова “kettle” (чойники тунакагин), указывающего на объект действия “to put on”.

В третьем предложении глагол “to put on” переведён на таджикский язык посредством составного глагола “фарбеҳ шудан” (вазн зам кардан), что вызвано его окружением “rounds” (воҳиди вазн, ки баробари 454 грамм аст).

В последнем примере данный глагол выражает понятие “ставить на сцене” (ба сахна гузоштан). Причиной тому является словосочетание “the

local drama group” и название пьесы “Macbeth”. Первый аргумент этого слова находится с ним в предикативном отношении, а его второй актант – в объектном.

Анализ семантики двух эквивалентных глаголов таджикского и английского языков свидетельствует, что в большинстве случаев сочетаемостный фактор, влияющий на значение глагола, не совпадает, т.е. глаголы этих языков проявляют неадекватные лексические значения в сочетании с субстантивными словами, выступающими в качестве субъекта или объекта данного глагола. Для подтверждения этой мысли обращаемся к глаголу “донистан” (знать) и его английскому эквиваленту “to know”. Таджикский “донистан” в предложении в зависимости от своих субстантивных аргументов может означать: “фахмидан” или “огох шудан”, “шинохтан”, “ташхис додан”, “муайян кардан”, “пиндоштан”, “гумон кардан”, “хисобидан”, “тавонистан”, “қудрат доштан” [174, с. 388]. Глагол “to know” в различных окружениях может означать следующие понятия: “дар хотир нигоҳ доштан”, “боварии қавӣ доштан”, “шинос будан бо чизе ё касе”, “шиносоӣ ё маълумот доштан”, “маълум будан”, “фарқ карда тавонистан” и т.д. [189, с. 692]. Это говорит о том, что в любом языке в содержании глагола заложено обязательное или потенциальное отношение действия к некоторому субъекту и определённым типам объектов.

Таким образом, лексическое значение глагола детерминируется рядом факторов. Первый фактор связан с онтологическим аспектом глагола. Эта часть речи обозначает действие или состояние. В реальной действительности эти понятия закреплены за определёнными предметами материального мира и представляют собой мир отношений между этими предметами. Второй фактор предполагает комбинаторные потенции глагола с предметными именами. Третий фактор связан с семантикой тех языковых единиц, которые выступают в качестве аргументов действия, обозначаемого глаголом.

В онтологическом плане между английским и таджикским языками обнаруживается много изоморфного в проявлении семантики глагольного слова. А в лингвистическом плане между этими языками наблюдается больше алломорфизма, что диктуется историями их развития.

1. 3. К вопросу о дефиниции глагола

Традиционно глагол характеризуется как лексико-грамматический разряд слов, обозначающих действия, состояния и процессы. Профессор А. А. Уфимцева, указывая на недостаточную полноту этого определения, отмечает, что “эта классификация не затрагивает самые основные свойства вещественного значения глаголов, а именно: характер семантической структуры глагольных лексем, потенциал их семантической валентности, сопряжённой с синтаксической, языковые условия и характер семантического развёртывания лексем при относительной актуализации (конкретизации) в лексико-семантической системе и при абсолютной реализации в актуальной речи” [109, с. 149]. К этой мысли А. А. Уфимцевой хотелось бы добавить и то, что в имеющихся определениях глагола не учтена характеристика всех семантических разрядов глаголов по их функции. В частности, слова типа “to have”, “to be”, “shall”, “do”, “will”, “should”, “would” в английском языке, в следующих примерах не выражают ни действие, ни состояние, ни процесс, а выполняют грамматическую функцию или придают высказыванию модальный оттенок:

1. “*You have insulted my honour*”, he said (196, с. 100).
2. *The new branch of the party had to be organized on a basis of exceptional secrecy* (179, 71).
3. “*But I ll wait twenty years, if she ll have me*”, says he (193, с. 307).
4. “*Would you care to join them?*” (196, с. 130).
5. *I m to be the humble servant of that person’s daughter* (193, с. 183).
6. *If thought it, I should never be happy again* (183, с. 218).

В таджикском языке также функционируют подобные глаголы. В частности глагол “шудан” в предложении “*Баъди лаҳзае аз тирезаи кушода*

ба телефон сухан кардани Довар аранг шунида шуд” (167, с. 173) лишён значения становления, но служит для выражения значения пассива. Таким же образом таджикский глагол “мондан” в предложении “*Давлат... беихтиёр хомӯш шуда монд*” (161, с. 202), теряя своё лексическое значение, приобретает функцию указания на способ действия, т.е. приобретает аспектуальное значение.

А в предложении “*Ахмадҷон махсусу се рӯз тайёри дида буд*” (170, с. 254) глагол “будан”, лишаясь своего лексического значения, выражает грамматическое значение преждепрошедшего времени. Таджикский глагол “истодан” означает “стоять”, но в примере “*Дар олам чӣ ҳодисаҳо рӯй дода истодаанд!*” (167, с. 229) этого значения у него нет. Он указывает на грамматическое значение длительности действия.

Кроме того, в английском и таджикском языках имеются так называемые модальные глаголы типа “can”, “may”, “must”, “тавонистан”, “шояд”, “бояд” и другие, которые также не обозначают ни действие, ни состояние, ни процесс. Тем не менее, и маркеры аналитических форм, и ряд лексических средств выражения значения модальности называются глаголами в грамматических источниках и английского [145, с. 137; 123, с. 158; 11, с. 20] и таджикского языков [79, с. 161; 51, с. 81; 49, с. 244].

В связи с этим возникает вопрос: Отрицают ли существующие определения глагола сущность всех разрядов этой части речи? Нам представляется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, так как вспомогательные компоненты глагольных аналитических конструкций, а также модальные глаголы, как свидетельствует анализ вышеприведённых примеров, не обозначают ни действие, ни состояние, ни процесс.

Исходя из этого, следует либо изменить, либо дополнить существующее определение глагола, либо исключить так называемые вспомогательные и модальные глаголы из системы процессуальных слов.

Для того, чтобы принять одну из этих двух альтернатив, считаем целесообразным проанализировать особенности глаголов, которые

разграничиваются по полноте их семантики и по функции. Их в грамматических источниках называют смысловыми или знаменательными, служебными, вспомогательными глаголами. Однако, в большинстве грамматических источников по таджикскому языку [74, с. 192; 79, с. 164] и вспомогательные, и служебные глаголы объединяются в одну группу, под названием “**фeълxои ёридиxанда**” (вспомогательные глаголы), что мы считаем неприемлемым. Об этом пойдёт речь на последующих страницах этой работы.

Для определения семантико-функциональных особенностей этих четырех разрядов глаголов выдвигаем следующие критерии разграничения:

1. Свойства вещественного значения глагола;
2. Функция глагола в предложении;
3. Валентностные потенции глагола;
4. Смысловые отношения глагола с актантами действия.

Все глаголы английского и таджикского языков по своему вещественному значению нельзя поставить в один ряд, о чём свидетельствуют следующие примеры из этих языков:

- 1) *Ибни Сино дар фалсафа найрави Арасту мебошад* (173, с. 123).
- 2) *She is as honest as any woman in England* (193, с. 131).

В этих двух примерах встречаются таджикский глагол **будан** в словоформе “**мебошад**” и английский глагол *to be* в словоформе “*is*”. Они обозначают понятие бытия (является, есть). У этого глагола сопоставляемых языков имеется ослабленное лексическое значение, которое проявляется главным образом в структуре предложения. Эти глаголы потому называются чистыми или идеальными связками, поскольку именно в этом заключается их функция. Права в этом отношении Л. И. Вострикова, которая пишет: “Понятие связочных глаголов – это понятие функциональное; поскольку связочная функция есть результат определённых синтаксических связей (этот глагол связывает номинант предмета с его признаком. – Г. Р.), то сущность её можно выяснить только

путём анализа этих связей, а не через признаки, которые замкнуты в самом слове, выступающем в данной функции” [27, с. 60]. Следует отметить, что в зависимости от семантики слова, обозначающего такой признак, значение глаголов “to be” (is) и “будан” (мебошад) может ослабляться в большей или меньшей степени: *Alastair was with me some of the way* (196, с. 130). – *Аластаир дар роҳ каме ҳамроҳи ман буд* (перевод информантов).

В этом предложении лексическое значение “was” и “буд” меньше ослаблено, чем в проанализированных примерах. В следующем же предложении значение этих глаголов утрачено ещё меньше: *Боз якчанд рӯз Алёна дар беша буд*. (167, с. 413) – *For some more days Alyona was in the forest* (перевод информантов). Это говорит о том, что эти глаголы могут функционировать в качестве глагола-связки только вместе с предикативным членом. Следовательно, они не могут считаться полноценными глаголами, о чём дополнительно свидетельствует их неспособность самостоятельно употребляться в структуре предложения.

В следующих двух примерах употреблены ещё два глагола сопоставляемых языков, которые нельзя считать полноценными: *I’m sure I can find you a better job* (196, с. 134). – *Бовар дорам, ки ман ба шумо кори беҳтаре ёфта метавонам* (перевод информантов).

Английский глагол “can” и его таджикский эквивалент “тавонистан” не обозначают ни действие, ни состояние. Хотя они лексически являются более или менее насыщенными по сравнению с глаголами “to be” и “будан”, тем не менее они не могут самостоятельно выступать в синтаксической функции сказуемого. Их функция заключается в привнесении в семантику другого глагола модального значения “уметь”, “мочь”.

В следующих двух предложениях из сопоставляемых языков употреблены по два глагола (*шуда буд*; are being), которые нельзя включать в разряд этой части речи: 1) *Дар майдон чанд ҳандақи дароз ва чуқур кофта*

шуда буд (163, с. 230). 2) *Great blocks of ice are being carried into shops and bar-rooms* (183, с. 86).

Таджикский глагол “**шудан**”, как правило, употребляется как глагол-связка со значением “стать” (становиться), а глагол “**будан**”, как было отмечено выше, в значении “быть”. Однако в этом примере они полностью потеряли своё лексическое значение и выступают для выражения грамматических значений пассива (**шудан**) и предпрошедшего времени (**будан**). Это значит, что они внешне являются словами, а функционально выступают как морфемы. Поэтому в англистике такие единицы называют словами-морфемами [140, с. 15].

В английском примере имеются слова “are” и “being”, которые представляют собой разные формы одного и того же глагола “to be”, который выше выступал как глагол-связка. Здесь “are” – форма настоящего времени множественного числа глагола “to be”, а форма “being” – причастие настоящего времени того же глагола “to be”. В обоих случаях глагол “to be” полностью лишён своего лексического значения. В первом случае (are) “to be” служит для выражения пассива, а во втором случае (being) указывает на видовое значение следующего за ним глагола “carry” (носить) т.е. на значение длительности этого глагола. Следовательно, подобно таджикским “**шуда**” и “**буд**”, глагольные формы “are” и “being” представляют собой слова-морфемы. Из этих примеров можно заключить, что эти единицы нельзя назвать глаголами, так как у них нет своего лексического значения, а есть только грамматическая функция, они не могут самостоятельно употребляться в предложении и, соответственно, отдельно не выступают в качестве члена предложения.

Теперь приводим два примера из сопоставляемых языков, в которых глаголы и семантически, и функционально резко отличаются от трёх вышеприведённых разрядов глаголов: *We take his money but we don't spend it* (183, с. 147). *Фарогат хаёлолуд сӯи комбинат мерафту ганҷои Акрамҷон дар паси гӯшаи қарангос мезаданд* (170, с. 197).

В английском предложении словоформы “take” и “don’t spend” являются сказуемыми. У них есть и грамматическое (они указывают на действие и выполняют функцию сказуемого) и лексическое значение. Они выражают понятие, которое не характерно ни для глаголов-связок, ни для слов-морфем. Они могут самостоятельно функционировать как в структуре предложения, так и вне его. Эти глаголы выражают предмет мысли и указывают на процессы, совершаемые субъектами этих предложений. У глаголов этого разряда имеется своё ядерное значение, которое закреплено за каждым конкретным глаголом как словарная единица языка. Включаясь в структуру предложения, в зависимости от своих субстантивных аргументов, такие глаголы могут либо проявить своё ядерное значение, либо приобрести новые семантические парадигмы:

- 1) *Дигар ки нахоҳӣ даромад ба ҷанг,
Фалак ҳам даровард пояш ба санг (Низомӣ).*
- 2) *Ба Худо, ки шармам ояд, чу туро хитоб созам,
Ки забон ба ҳарф лағжад, чу ту дар сухан дароӣ (Шохин).*
- 3) *Он мард аз об даромад ва ҷома бипӯшид (Мачмаъ-ул-ансоб).*
- 4) *Чу кардам бад-ин нийят ин ҷо даранг,
Даромад ба чашмам яке лавҳи санг (Ҷомӣ).*

В этих примерах, взятых из “Фарҳанги забони тоҷикӣ” [174, с. 334], глагол “даромадан” в зависимости от своего окружения проявляет четыре разных значения: 1) **ворид шудан**, 2) **оғоз кардан**, 3) **баромадан**, 4) **намоён шудан**.

Такая же картина наблюдается и в английском языке, о чём свидетельствуют следующие примеры, взятые из словаря А. Hornby “Oxford advanced learner’s dictionary”: 1) *We met quite by chance*” (189, с. 774) – *Мо фавкуллода рӯ ба рӯ шудем*” (перевод информантов). 2) *Meet my wife* (там же, с. 774) – *Ба завҷаи ман шинос шавед* (перевод информантов). 3) *Will you meet me at the station?*(189, с. 774) – *Шумо маро дар стансияи роҳи оҳан пешвоз мегиред мӣ?* (перевод информантов) 4) *The champion and the*

challenger meet next week (189, с. 774). – *Чемпион ва рақибаш ҳафтаи оянда во мехуранд* (перевод информантов).

Как видно, глагол “to meet” (встречать или встречаться) благодаря своим актантам выступает в значениях “встречаться”, “познакомиться”, “встречать”, “видеть” и др.

Глаголы, которые частично или полностью теряют своё лексическое значение, а также модальные глаголы, не способны изменить своё значение в зависимости от своего окружения. Именно смысловые глаголы способны к таким семантическим вариациям. Поэтому они являются реальными глаголами, отвечающими определениям этой части речи в грамматических источниках.

Теперь переходим ко второму критерию характеристики четырёх вышеуказанных групп глаголов английского и таджикского глагола. В качестве этого критерия принята функция этих глаголов в предложении. Начнем с глаголов-связок. Эти глаголы не могут самостоятельно выступать в функции сказуемого. В таджикском языке глагол “будан” в словоформах “аст” (хаст) может даже опускаться из структуры предложения в настоящем времени, что очень редко наблюдается в английском языке: 1) *Яъне овозаи Рустам бех аз Рустам?* (177, с. 182). 2) – *Аз кучо донистӣ? –Аз муомилааш. Ситорааш ҳам гарм.* (163, с. 118). 3) “*How about that?*” he said. (196, с. 75).

В первом примере в конце предложения опущено “аст”. Во втором предложении после прилагательного “гарм” отсутствует глагол в словоформе “мебошад”. В английском примере после вопросительного слова “how” пропущено “is”. Такое опущение глагола-связки лишний раз свидетельствует о ничтожности его роли в семантике предложения. Поэтому глаголы-связки считаются глаголами неполной предикации. Главная роль глаголов-связок сопоставляемых языков заключается в следующем: 1) Они определяют модально-временную семантику сказуемого. 2) Они связывают субъект с его квалификативным признаком.

3) Эти глаголы также указывают на принадлежность квалификативного признака к тому или иному лицу или лицам. 4) Они выступают в качестве показателя предикативности. Поэтому прав профессор А. И. Смирницкий, который считал связочность не лексическим, а грамматическим качеством [95, с. 372]. Поддерживая эти слова А. И. Смирницкого, профессор Л. С. Бархударов писал: “Связки – это слова, несущие в строе предложения чисто грамматическую функцию, причём эта функция находит своё выражение как в лексическом значении связочных глаголов, так и в их форме” [10, с. 113].

Другая группа глаголов, называемых вспомогательными, по своей функции стоит близко к глаголам-связкам. Но, в отличие от последних, они употребляются в предложении не с именными частями речи, а исключительно с другими глаголами. Поскольку у вспомогательных глаголов отсутствует лексическое значение, они носят исключительно грамматическую функцию. Наиболее употребительными являются таджикские вспомогательные глаголы “будан”, “шудан”, “истодан”, “аст” (ҳаст). В английском языке в этой функции употребляются: shall, will, should, would, to be, to have, to do и другие. В подавляющем большинстве случаев также глаголы выступают в личной форме и соответственно указывают на категории лица, числа, времени, залога, вида, и наклонения употребляемых с ними смысловых глаголов: 1) *Шӯхрати Абӯалии ба умр ҷавону ба дониш пир ба Хоразм ҳам расида буд* (173, с. 77). 2) *Ҳама аз ҷой бархостанд. Саросема, гӯё касе аз пасашон пеш карда бошад, ... берун баромаданд* (177, с. 109). 3) *Дастёрони партизанҳо борои сӯикасд намудан ба солдату офитсерони Германия ба дор кашида мешаванд* (167, с. 328). 4) *Суратгирию суратсозӣ акнун ба мароми муайян даромада истодааст* (163, с. 158).

В первом примере употреблено слово-морфема “будан” в форме III лица ед. числа прошедшего времени. Она указывает на действительный залог, изъявительное наклонение, предпрошедшее время глагола “расидан”.

Во втором примере имеется тот же вспомогательный глагол “будан”, который употреблён в форме III лица ед. числа аориста. Аорист является формой глагола, указывающей на условно-желательное наклонение. Это значит, что “бошад” служит в качестве грамматического форманта смыслового глагола “пеш кардан”, выражающего значение нереальной модальности.

В третьем предложении встречается другой вспомогательный глагол “шудан”, который стоит в форме III лица мн. числа настоящего времени изъявительного наклонения. Его основная функция заключается в указании на форму страдательного залога смыслового глагола “ба дор кашидан”.

Последний пример иллюстрирует функцию глагола “истодан”, который, будучи вспомогательным глаголом, употреблён в форме III лица ед. числа настоящего времени. Его основная функция – указать на грамматическое значение длительности действия “даромадан”.

Вспомогательные глаголы английского языка также выполняют различные грамматические функции:

- 1) *I should go and get some dinner if I were you* (196, с. 227).
- 2) *The parcels have been confused at the shop* (там же, с. 244).
- 3) *He was growing beautiful so rapidly in Tom's eyes* (183, с. 191).
- 4) – *Will you see that gentleman, sir?* (там же, с. 196).

В первом примере “should” выступает в качестве маркера условного наклонения глаголов “to go” и “to get”, причём он является спрягаемой частью глагола-сказуемого.

Во втором примере употреблены два вспомогательных глагола: have, been. У них нет своего лексического значения. Слово-морфема “have”, употреблённое в личной форме настоящего времени, служит для образования формы Present Perfect. Глагольная словоформа “been” является формой Participle II глагола “to be”, который здесь служит в качестве маркера страдательного залога глагола “to confuse”.

В третьем предложении тот же самый глагол “to be” служивший в предыдущем примере как выразитель значения пассивности, выполняет другую грамматическую функцию. Он указывает на видовое значение длительности действия “to grow”. Эти две функции этого глагола разграничиваются на основе грамматической формы того глагола, маркером которого он является. Если основной глагол стоит в форме Participle I, то “to be” указывает на длительность действия, а если он употреблён в форме Participle II, то это слово-морфема служит показателем страдательного залога. Он напоминает таджикский “шудан”, который в одном случае указывает на условно-желательное наклонение, а в другом на предпрошедшее время: *Ту дар ҷанг иштирок карда будӣ?* (163, с. 309). *Гӯё ... ба хизмати мерафта бошам* (там же, с. 356).

В последнем примере слово-морфема “will”, будучи в личной форме, служит для выражения грамматического значения будущего времени.

Как показывает анализ примеров из сопоставляемых языков, вспомогательные глаголы выполняют грамматические функции указания на лицо, число, время, вид, залог и наклонение. Эти функции в обоих языках почти совпадают полностью, причём один и тот же глагол (английский “to be” и таджикский “будан”) в разных окружениях выполняют две различные грамматические функции.

Всё это говорит о том, что такие глаголы нельзя считать глаголами, если исходить из выполняемых ими в предложении функций. Они как бы являются “служанками” знаменательных глаголов в силу отсутствия у них своих лексических значений.

Третья группа глаголов, называемых дефектными, обладает совсем иной функциональной направленностью, которая не характерна для других глаголов. Они служат для выражения различных модальных значений и употребляются исключительно с формой инфинитива другого глагола в английском и с формой причастия или инфинитива смыслового глагола в

таджикском языке. Они не выражают предикацию, у них нет форм вида, залога, наклонения.

Кроме того, в английском языке они лишены форм причастия и инфинитива, они не принимают морфем лица и числа. Например: 1) *But he ought to be locked up.* (186, 158). – *Вале ӯ бояд ҳабс карда шуда бошад* (перевод информантов). 2) *Michael can't come* (там же, с. 95). – *Михаил омада наметавонад* (перевод информантов). 3) *I won't be a sister to any man* (191, с. 181). – *Ман ба ягон мард хоҳар шудан намехоҳам* (перевод информантов). 4) *She might smack you* (там же, с. 280). – *Ӯ шояд шуморо шатта зада бошад* (перевод информантов). 5) *I must forget you* (186, с. 235). – *Ман бояд туро фаромӯш кунам* (перевод информантов).

Как явствует из этих примеров, модальный глагол “ought” и его таджикский эквивалент “бояд” служат для выражения модального значения необходимости. В обоих языках этот глагол не спрягается. Глагол “can” и его эквивалент “тавонистан” служат для выражения модального значения возможности. “Can” не спрягается, а “тавонистан” спрягается. Модальный глагол “will” и таджикский “хостан” указывают на модальное значение желания. А глаголы “might” и “шояд” служат для выражения модального значения предположения. Глагол “must” и его аналог “бояд” указывают на долженствование.

Таким образом, модальные глаголы обоих языков самостоятельно не выполняют функцию сказуемого. Они всегда требуют другого смыслового глагола для выражения модальных значений, на которые направлены эти дефектные глаголы обоих языков. Поэтому они не являются полноценными глаголами.

Четвёртая группа глаголов под названием “знаменательные” обладают широкими функциональными характеристиками. Они в личной форме самостоятельно или в сочетании с модальными, вспомогательными глаголами могут выполнять синтаксическую функцию сказуемого. Они участвуют в выражении предикативного отношения и поэтому активно

участвуют в структурной организации предложения, и в частности, в установлении связи и отношения между субъектом и объектом, на что никак не способны другие виды глаголов. Критерий валентностных потенций глаголов не применим к двум семантико-функциональным разрядам глаголов. Валентностные характеристики не присущи модальным и вспомогательным глаголам, так как они не способны принять субъект и объект в силу того, что они не обозначают ни действие, ни состояние. Поэтому не играют никакой роли в структурной организации предложения. Они связаны только со смысловым глаголом в плане выражения их различных грамматических категорий (вспомогательные глаголы) или отношения говорящего к содержанию действия (модальные глаголы). Что касается глаголов-связок, то они находятся в синтаксическом отношении только с субъектом, квалификацию которого они констатируют. Они не способны принимать объектных или сирконстантных модификаторов, которые связаны только с действием, а не со связками существования, становления, сохранения.

Что касается знаменательных глаголов, то они образуют макет предложения. Поэтому профессор Г. Г. Почепцов выдвигает идею классификации глаголов на основе синтагматического принципа, который основывается на учёте глагольных валентностей, т.е. количества и качества партиципентов действия [82, с. 14]. Как отмечает Л. М. Васильев, число выделяемых аргументов у разных авторов колеблется от 5 до 50 (например, у У. Р. Шенка – 5 [117], у Ч. Филлмора, У. Чейфа, В. Г. Гака и И. П. Сухотина – 7 [131; 115; 29; 98], у В. В. Богданова – 14 [13], у Ю. Д. Апресяна – 25 [1], у Н. Н. Леонтьевой – 50 [71]). Он сам разграничивает субъектную, объектную, агентивную, пациентивную, перцептивную, локативную и другие семантические валентности, которые предполагают смысловые отношения глагола с актантами действия, которые составляют четвертый критерий разграничения глаголов различных разрядов [19, с. 38]. Эти отношения подробно раскрываются в работе Ч. Филлмора “Дело о

падежах” [131]. Вот несколько примеров: 1) *Our way lies through a beautiful country* (184, с. 190). – *Роҳи мо аз саҳрои зебое мегузарад* (перевод информантов) (субъектная валентность). 2) *Stalin reported the success to the Council of Commissars* (182, с. 203). – *Сталин ин музаффариятро ба Шӯрои Комиссарон иттилоъ дод* (перевод информантов) (агентивная валентность). 3) *Mae opened a drawer* (191, с. 179). – *Мае куттиро кушод* (перевод информантов) (пациентивная валентность). 4) *We all felt the earthquake tremors* (182, с. 445) – *Мо ҳама заминларзаро ҳис кардем* (перевод информантов) (перцептивная валентность). 5) *He stopped at a wayside inn to eat* (186, с. 22) – *Барои тановул кардан ӯ дар назди меҳмонхонаи лаби роҳ бозистод* (перевод информантов) (локативная валентность).

В первом примере словоформа “lies” (мегузарад) нуждается в восполнении носителем этого действия, которым является “way” (роҳ). Слово “way” (роҳ) является субъектом действия. Поэтому между “way” (роҳ) и “lies” (мегузарад) имеется субъектная валентность. Такая валентность характерна также и для глаголов-связок: *Вай шаҳиди ҷанг аст* (167, с. 437). – *He is a victim of war* (перевод информантов). Здесь между “шаҳид аст” и “вай” имеется субъектная валентность, т.к. носителем квалификативного признака “быть жертвой” является субъект “he - вай”.

Во втором примере наблюдается агентивная валентность. Содержанием этой валентности является то, что действие “reported” (иттилоъ дод) выполняется Сталиным, т.е. Сталин является исполнителем (агенсиом) этого действия. Такая валентность характерна только для смысловых глаголов, а не служебных, включая глаголы-связки.

В третьем предложении обнаруживается пациентивная валентность. Понятие пациента подразумевает тот предмет, который подвергается воздействию со стороны субъекта. Таковым здесь выступает “a drawer” (кутти). А слово “Мае” (имя собственное) является субъектом. Следовательно, глагол “to open” является двухвалентным, т.е. он требует субъекта и объекта.

В четвертом примере имеется перцептивная валентность, содержанием которой является то, что субъект (we all – **мо хама**) не действует, а воспринимая, ощущает действие, производимое объектом (earthquake – **заминчунби**). Здесь глагол “to feel” (**хис кардан**) является двухвалентным.

В последнем примере наблюдается локативная валентность, под которой понимается то, что субъект действует и его действие локализуется на определённом месте. Здесь в качестве субъекта действия “stopped” (**бозистод**) выступает “he” (**ӯ**), а это действие происходит в гостинице возле дороги.

Из этих пяти валентностных отношений только первое характерно для глаголов-связок. Сущность всех этих валентностных отношений заключается в том, что без участников действия содержание глагола остаётся нераскрытым, а структура предложения ущербной.

Таким образом, глаголы английского и таджикского языков в семантико-функциональном плане нельзя поставить в один ряд. Часть из них обладает всеми признаками этого разряда слов: обозначает понятие действия и процесса; самостоятельно выступает в функции сказуемого, как отдельно, так и в структуре предложения проявляет своё вещественное значение; спрягаясь, указывает на временные, видовые, залоговые, модальные и другие отношения; имеет свои неличные формы; даёт предложению жизнь; включаясь в структуру предложения, требует от одного до пяти или более аргументов и при этом проявляет различные типы отношений.

Такие глаголы называются смысловыми и существующие определения глагола как единиц, выражающих действия или процессы, подходят именно к этому типу слов.

Другие разряды глаголов лишены большинства из этих признаков и это говорит о том, что они не являются полноценными глаголами. В частности, глаголы-связки не выражают ни действие, ни процесс, они просто обозначают состояние и притом только в сочетании с какой-либо именной

частью речи. Модальные и вспомогательные глаголы не выражают ни действие, ни состояние, ни процесс. Поэтому требуется либо исключить эти глаголы из состава этой части речи, либо изменить определение глагола. Мы выбираем вторую альтернативу и предлагаем следующее определение глагола. Глагол – это часть речи, которая обозначает понятие действия, состояния, процесса или служит для выражения субъективной модальности и различных грамматических категорий. В последней части нашего определения речь идёт о грамматической функции отдельных разрядов глаголов, а не о семантике.

Как пишет Э. Косериу “Грамматика – это тоже семантика в той степени, в которой она занимается содержанием грамматических форм” [20, с. 4].

1. 4. Онтолого-логические основы семантики глагольной лексики

Глагол, как в английском, так и в таджикском языке характеризуется широтой своего содержания. Более того, у него имеется множество грамматических категорий и форм словоизменения, и он вступает в сложные парадигматические и синтагматические отношения со словами субстантивной семантики. Поэтому роль глагола велика в конструировании словосочетаний и предложений в обоих языках. Прав в этом отношении профессор А. В. Бондарко, который подчеркнул, что лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами [16, с. 155], т.е. имеет место соотношение этой части речи с другими лексико-грамматическими разрядами слов определённого класса. Если лексическое значение слова связывать только с этим фактором, то приходится игнорировать назначение слова как номинанты окружающей нас материальной действительности. Поэтому прав Д. Н. Шмелёв, который считает, что при определении лексического значения слова невозможно ограничиться собственно языковыми моментами, такими, как сочетаемость и соотношение данного слова (в нашем случае глагола – Г. Р.) с другими сопоставленными с ним по

определённым признакам. Сочетаемость - важнейший показатель значения слова, но именно показатель, а не само значение [118, с. 55-56].

Исходя из этого, значение слова, и в частности семантику глагола, следует искать, в первую очередь, в отражении в нашем сознании копий предметов, признаков и отношений, существующих в материальной действительности. Эти копии сохраняются в сознании носителей языка в виде понятий, под которым понимается, согласно Е. К. Войшвилло, мысль, представляющая собой результат обобщения (и выделения) предметов или явлений того или иного класса по более или менее существенным (а потому и общим для этих предметов и, в совокупности, специфическим для них, выделяющим их из множества других предметов и явлений) признакам. У каждого понятия имеется своё содержание, под которым понимается совокупность общих и существенных признаков предметов и явлений, которые выступают основой для обобщения их в данное понятие. У понятия имеется также объём, под которым тот же Е. Войшвилло понимает “класс обобщаемых в нём предметов. Отдельные элементы этого класса (предметы, мыслимые в понятии, объекты мысли) называются элементами класса или элементами объёма понятия, а подклассы его – частями класса или частями объёма понятия” [23, с. 164]. В качестве примера можно привести глагол “to go - **рафтан**” (идти). В сознании и англичан и таджиков имеется понятие об этом действии. Содержанием этого понятия является следующее: 1) оно предполагает движение, 2) у движения имеется направление, 3) у движения имеется средство (ноги, колёса), 4) оно характерно для человека, животных и др., 5) у движения есть скорость и т.д. У глагола “to fly – **паридан**” (летать) имеется совсем иное содержание. Этот глагол обозначает такое действие, которое подразумевает птиц, самолёт, небо, скорость полёта и т.д. У каждого из этих действий имеется свой объём, который предполагает каждое проявление этих действий, у которых есть свои носители: идёт доктор, идёт автомашина, идёт дождь, работа идёт; летит журавль, летит

самолёт, летит время, полетели его деньги и т.д. Именно благодаря своему объёму значение глагольной лексемы может расширяться или сужаться, т. е. происходит изменение семантики глагола.

Как явствует из этих примеров, и у глагола “to go - **рафтан**”, и “to fly - **паридан**” имеются различные значения, которые связаны с их сочетаемостью со своими аргументами. Среди этих значений имеются исходное и производное значения. Исходное значение глагола “to go – **рафтан**” возникло, очевидно, на основе понятия движения, связанного с человеком, ибо у первобытного индивида, очевидно, появилось понятие “идти” на основе совершения этого действия им самим или другими индивидами.

Увидев подобные движения других существ (муравьёв, медведей, собак), люди стали увязывать понятие “идти” и с этими существами. В результате стали говорить: *Father goes to the river – Падар ба назди дарё меравад. The ant goes into a hole – Мўрча ба чонаби шикофӣ меравад. The bear goes to the forest – Хурс ба чангал меравад. The dog goes to the gate – Саг ба назди дарвоза меравад.*

Одни народы приписали это движение в применении и к воде, и ко времени, и к возрасту и т.д.: *Об ба сахро меравад. Вақт рафта истодааст. Маро дастгоҳи чавонӣ бирафт.* Другие народы стали использовать понятие “идти” и по отношению к другим предметам. Англичане говорят: *How did your holiday go? – Таътилатон чӣ хел гузаист (рафт)?, My clothes won't all go into that tiny suitcase - Ҳамаи либосҳоям ба ин чомадонча намегунчанд (намераванд), This key won't go into the lock – Ин калид ба ин сӯроҳи намедарояд (намеравад).* Русские применяют это понятие по отношению к дождю, снегу, одежде, крови, заключению и т.д.: *Сейчас идёт война – Хозир чанг рафта истодааст. Идёт дождь – Борон меборад. Идёт снег – Барф меборад. Это платье вам не идёт – Ин пероҳан ба шумо намеzeбад. Из носа идёт кровь – Аз биниятон хун рехта истодааст. Я пришёл к заключению – Ман ба хулоса омадам.*

Таким же образом понятие “to fly - **паридан**” разные народы стали применять по отношению не только к птицам, но и к другим предметам материального мира, которые могут совершать более или менее схожие с “летать” действия. Например, таджики говорят: *кайфам парид, чашмам парид, онҳо ба аспон париданд, якбора рангаи парид. Фуломон дар ин мард париданд* и т.д. Англичане говорят: *The children flew to meet their mother – Бачагон ба пешвози модар давиданд (париданд). The train flew by – Поезд гузашта рафт (парида рафт). Doesn't time fly? – Вақт намегузарад – мӣ (наменарад - мӣ)?* и т.д.

Из анализа этих примеров можно прийти к заключению, что исходное значение слова обладает прямой предметной соотнесённостью, что составляет онтологическую основу семантики слова. Однако, значение слова соотносится с предметами, явлениями и процессами материального мира не прямо, а через понятие, которое представляет собой отражение существенных и различительных признаков предметов и их движений в реальной действительности. По этому поводу удачно высказался Л. С. Выгодский [28], говоря, что в слове следует различать две стороны: его “предметную соотнесённость” (обозначающую функцию слова) и ту систему связей и обобщений, которая стоит за словом и является его значением. Он также отчётливо показал, что при одной и той же предметной соотнесённости слово может иметь разные значения, и что на последовательных этапах онтогенеза значение слова развивается [72, с. 151], о чём ярко свидетельствуют наши вышеприведённые примеры из таджикского, английского и русского языков. Но степень этого развития находится в разных языках на неодинаковом уровне, что зависит, очевидно, от уровня развития мышления каждого народа.

Следовательно, значение слова, в том числе и глагола, в первую очередь, тесно связано с онтологическим фактором, а затем с психологическим процессом возникновения понятия как отражения в сознании человека существенных и различительных признаков предметов, свойств, действий и

явлений материального мира. Прав Д. Н. Шмелёв, который пишет: “Лексическое значение слова определяется как соотносённостью слова с соответствующим понятием (что составляет ядро лексического значения слова), так и его местом в лексической системе языка (т.е. с различными связями данного слова с другими словами)” [118, с. 58].

В связи с наличием тесной связи со значением слова и понятием возникает два вопроса: 1) Лежит ли в основе лексического значения слова понятие? 2) Каково соотношение между понятием и словом?

По первому вопросу между учёными-лингвистами наблюдается разногласие. В частности, Д. Н. Шмелёв на одной странице [118, с. 58] своей работы пишет, что “лексическое значение слова определяется соотносённостью слова с соответствующим понятием”. Из этой цитаты выходит, что любое слово соотносится с понятием. А на другой странице [там же, 60] он отмечает, что “в основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие”. Чуть ниже [118, с. 61] читаем: “Связь между значением и понятием не является односторонней. Сами понятия как категории мышления формируются и закрепляются в языке, в словесных знаках”.

Из этих высказываний Д. Н. Шмелёва вытекает, что оформителем понятий выступает язык, что является, по нашему мнению, неприемлемым взглядом, так как в принципе в основе понятия лежит отражение материального мира в нашем сознании. Отражаются и закрепляются в голове человека существенные и дифференциальные признаки предметов, явлений и отношений, существующих вне нас. Нам представляется, что не каждое слово заключает в себе понятие. В частности, у междометий нет своих денотатов, и соответственно в нашем сознании отсутствуют понятия о них. В качестве другого примера можно привести союзы типа “**ки**” – “that”, предлоги типа “of”, “дар” и т.д., у которых не может быть ни денотатов, ни десигнатов. То же самое можно обнаружить в сфере глагольной лексики. Например: 1) *Аммо бо мурури вақт аҳвол дигаргун*

шудан гирифт (173, с. 56). 2) *Бояд касоне, ки барои танбеҳи деҳаи Ишриниен рафта буданд, омада истода бошанд* (156, с. 389).

В первом примере у глагольной словоформы “**гирифт**” нет никакого лексического значения и поэтому она не обозначает никакого понятия. Во втором предложении словоформы “**буданд**”, “**истода**” и “**бошанд**” лишены своих десигнатов.

Примеры из английского языка: 1) *Since then I have been working in Natal* (187, с. 53). 2) *I would have removed from those works if I had had the power* (180, 71). В первом примере у словоформ “**have**” и “**been**” нет понятийной основы. Не выражают понятия также и элементы “**would**”, “**have**” и первый “**had**” во втором примере. Кроме того, следует отметить, что человек своим языком может выражать не только внешний мир, но и свой внутренний мир, свои чувства, у которых могут отсутствовать онтологическая и логическая основы. Поэтому права И. В. Арнольд, которая пишет, что у местоимений имеется указательная функция, что говорит о почти полном отсутствии у них сигнификативной функции, т.е. они только указывают, но не сообщают никакой информации о предмете [4, с. 119]. Исходя из этого, она приходит к совершенно правильному заключению о том, что “логическое понятие является очень часто референтом лексического значения, но не всегда, так как могут быть и другие референты, такие, как реальные объекты” [там же, с. 119].

Таким образом, у подавляющего большинства слов, в том числе и у глаголов как таджикского, так и английского языков имеются свои референты, однако часть лексических единиц этих языков не соотносится с понятием.

Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, какое соотношение имеется между понятием и словом. И в этой сфере психолингвистики наблюдаются разногласия. В частности, академик И. И. Мещанинов считал, что “семантика слова – это понятие, выражаемое формальными сторонами слова. Слово называет предмет, выражает понятие, отличное от

других предметов и понятий” [75, с. 38]. Д. Н. Шмелёв по этому поводу пишет: “Будучи отображением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно включает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящееся в определённой связи с другими понятиями” [118, с. 60].

Как видим, эти два автора отождествляют семантику слова и содержание понятия.

Несколько иная точка зрения выдвинута проф. И. В. Арнольд относительно связи значения слова с понятием. Она думает, что понятия всегда эмоционально нейтральны, так как они относятся к категории мышления. А язык выражает всевозможные аспекты человеческой сознательности. Поэтому значение многих слов выражает не только некоторое отражение объективной реальности, но также и состояние разума говорящего и его отношения к тому, о чём он говорит... Отсутствие не только тождества, но даже регулярного одного к одному соответствия между значением и понятием чётко обнаруживается в значении тех слов, которые относятся к некоторым специфическим стилистическим уровням... Понятие относится к абстрактной категории логики и поэтому у него нет связи со сферой стилистики и следовательно, у него отсутствует эмоциональный компонент [4, с. 119-120].

Думаем, что права И. В. Арнольд в том, что нет полного соответствия между значением слова и содержанием понятия. Значение слова богаче и шире, чем понятие. Один из факторов широты лексического значения глагола по сравнению с понятием действия связан с его использованием в составе пропозиции, а также со стилистической направленностью глагола в потоке речи. Кроме того, парадигматические связи, а также сочетаемостные потенции слов, и в особенности глагольных лексем, влияют на обогащение содержания слова, что хорошо прокомментировала И. В. Арнольд, о чём говорится на странице 120-й указанной работы. Словом, лексическое значение слова детерминируется не только

онтологическими и логическими параметрами, но и человеческим фактором.

Нам представляется, что И. В. Арнольд преувеличивает роль языковых факторов при решении вышеуказанной проблемы. В каждом языке функционируют тысячи терминов, у которых абсолютно нет коннотативно-стилистического колорита. Наряду с ними имеются тысячи единиц нейтральной лексики. Кроме того, при анализе соотношения между лексическим значением слова и понятием следует брать слова вне контекста, в изолированном состоянии, ибо в человеческом сознании каждое понятие зафиксировано отдельно и в двух случаях индивид вспоминает то или иное понятие: 1) когда он включает данное понятие в свою речь, 2) когда он увидит денотат этого понятия или же услышит слово, которое номинирует это понятие.

Когда мы говорим о семантическом поведении какого-либо слова в синтагматическом плане, то следует сравнить выражаемое им понятие не в изолированном положении, а в составе пропозиции. Здесь уместно привести слова А. Р. Лурии о том, что “если слова, включенные в предложение, будут поняты слушающим, а основные синтаксические связи между ними останутся неясными, понимание сообщения будет неполным и должно будет замениться догадками, не опирающимися на объективную структуру высказывания” [72, с. 148-149].

Данное высказывание А. Р. Лурии лишний раз свидетельствует о том, что одно и то же слово по своей семантике вне контекста не полностью тождественно с этим же словом в случае его вступления в синтагматические отношения. Поэтому десигнаты этого слова также различаются, т.е. понятие и его номинант не всегда совпадают по своему объему и содержанию.

Теперь хотелось бы остановиться на отношении понятия и слова. У ребенка понятия в первые дни и недели рождения нет. У него постепенно появляются понятия о конкретных предметах, с которыми он сталкивается

в своей повседневной жизни, но он не знает, как они называются. По ходу времени, из уст матери или членов семьи он учится произносить названия этих понятий. У каждого понятия имеются свой объём и свое содержание. Под объёмом понятия понимается класс предметов, явлений или процессов, о которых осведомлён индивид. Объём понятия расширяется по мере того, как индивид знакомится с новыми видами того или иного предмета, понятие о котором в него заложено. Под содержанием понятия подразумеваются ведущие и различительные признаки, которые запечатлеваются в сознании индивида.

Объём и содержание понятий о действии и состоянии отличаются от объёма и содержания понятий о предметах реальной действительности. Поскольку у предметов имеется конкретная форма и явные признаки, понятие о них имеет чёткую границу. Действия и состояния как таковых в чистом виде не существует и у них нет чётких контуров. Действия и состояния тесно связаны с предметами реальной действительности и они проявляются как отношения между предметами. Исходя из этого, содержание понятия о действии или состоянии носит расплывчатый характер, так как зависит от особенностей участников действия или состояния. Объём понятия о действии или состоянии зависит от числа его проявления. Поэтому и у объёма понятия о действии или состоянии нет чётких границ.

Следует отметить, что каждое понятие фиксируется в языке особым знаком, который называется словом. У слова имеются две стороны: звучание и значение. Например: to eat – **хӯрдан**. Английское слово “to eat” состоит из пяти звуков, а таджикское “**хӯрдан**” из шести звуков. Значение данного слова представляет собой содержание понятия “кушать”, которое предполагает следующие существенные и различительные признаки этого действия: 1) оно связано с едой, 2) в его совершении участвуют рот, зубы и т.д. Участие зубов в реализации данного действия отличает его от понятия “пить”, в котором зубы нейтральны.

Именно эти ведущие и различительные признаки понятия “пить” формируют значение слова “to eat - **хӯрдан**”, т.е. содержание понятия составляет основу лексического значения слова. На начальном этапе формирования понятия и его закрепления в языке в словесных знаках между значением слова и содержанием понятия существует отношение один к одному. По мере расширения и углубления знания индивида о денотате данного понятия и его отношения с другими предметами, явлениями и действиями материального мира у индивида расширяется и содержание понятия, и значения слова.

Развитие мышления всех носителей языка способствует углубляющемуся проникновению в существующие отношения между предметами и явлениями материального мира. Отдельные признаки одного класса предметов обнаруживаются у другого класса, и этот признак приписывают этому другому классу и называют его именем носителя этого признака. Например, часто говорят: *Фалонҷӣ, ту шер ё ту рӯбоҳ*. Или же таджики говорят: *Ба чавоби ин савол мелангам*. Здесь слово “лангидан” употреблено не в своем исходном значении. Или и в английском, и в таджикском языке говорят “*kill the light – чароғро куш*”, где глагол “kill” далеко ушёл от своего исходного значения.

Именно такой фактор становится причиной расширения лексического значения слова и несоответствия между значением слова и понятием, порождающим данное слово. Профессор И. В. Арнольд, как было отмечено выше, данное явление увязывает с языковыми синтагматическими и парадигматическими отношениями, а также со стилистическими факторами. Нам представляется, что в основе таких отношений и стилистических нюансов лежит проникновение человеческого сознания в ранее незамеченные связи и отношения между предметами, явлениями и процессами материального мира, а также приписывание признака одного предмета другому предмету, которому даётся название первого предмета, что было проиллюстрировано вышеприведёнными

примерами из таджикского и английского языков. Вот ещё два примера: *Як қисми обро замин мемакид* (156, с. 351). *Evening slowly steals upon the landscape* (183, с. 163).

В таджикском примере глагол “макидан”, который в своей понятийной основе связан с живым существом, в результате переосмысления его значения носители языка стали увязывать и с неодушевлёнными предметами, в нашем примере с землёй (**замин**). А в английском примере глагол “to steal” (воровать, красть и т.д.) первоначально был связан с деятельностью индивида, а здесь он употреблён в значении “покрывать” или “охватывать”, “наползать”, “обволакивать” и такое действие приписано не лицу, а неодушевленному предмету (вечер).

Таким образом, в качестве основы лексического значения подавляющего большинства слов как в английском, так и в таджикском языке выступает содержание понятия, которое запечатлевается в сознании индивида на начальной стадии формирования того или иного понятия. Поскольку понятие носит интернациональный, а значение слова национальный характер, то понятие со своим объёмом и содержанием остаётся почти неизменным, а значение слова может в большей или меньшей степени расширяться, что связано с переносом значения одного объекта на другой, а также с необходимостью выражения человеческих чувств и эмоций. В результате содержание слова становится богаче, чем содержание понятия, хотя первоначально понятие лежало в основе лексического значения слова. Для подтверждения вышеуказанных мыслей приводим понятия “*сохтан – to build – строить*”, “*хондан – to read – читать*”, “*мурдан – to die – умереть*” и т.д. Эти понятия являются общими для всех наций и народностей, но они получают своё выражение в разных языках через неодинаковые языковые знаки. Однако, у этих знаков есть одно общее значение. В частности, у таджикского “**сохтан**”, английского “to build” и русского “строить” исходное значение почти полностью совпадает. Они обозначают понятия создания, творения. Но эти три слова в этих языках расширили своё

первоначальное значение. В частности, таджикское “**сохтан**” означает также “подготовить”, “составить”, “наряжать”, “показывать (формально)”, “довольствоваться малым”, “терпеть”, “быть приятным”, “играть (на музыкальном инструменте)” [175, с. 262 – 263].

Английское слово “to build”, кроме основного значения, приобрело ещё и следующие дополнительные значения: “сооружать”, “основывать”, “полагаться”, “вделывать”, “вмуровывать”, “воздвигать”, “укреплять (здоровье)”, “монтировать (машину)”, “основывать”, “закладывать кирпичом” и т.д. [164, с. 104].

Русское слово “строить”, кроме своего основного значения “создавать”, развило следующие дополнительные значения в ходе своего исторического развития: “организовывать”, “мысленно создать”, “выражать”, “формулировать”, “вычерчивать на основании расчётов”, “делать что-либо”; оно также входит в состав фразеологизмов “строить глазки”, “строить рожу”, “строить из себя дурака” и тому подобные.

Как явствует из анализа различных значений слов “to build – **сохтан** - строить”, выражающих в своём исходном значении одно и то же понятие, носители этих трёх языков по-разному расширили лексическое значение данной лексической единицы. Это свидетельствует о том, что между содержанием слова и содержанием понятия нельзя поставить знак равенства. Содержание большинства слов любого языка шире содержания понятия, что связано с человеческим фактором, с его мыслительной деятельностью, т.е. с переносом значения слова с одной сферы человеческой жизни в другую, а также с необходимостью выражения индивидами своих чувств и эмоций.

Как известно, у слов в языке, кроме лексического значения, имеется также и грамматическое значение, от которого во многом зависит лексическое значение слова. Как отмечает И. В. Арнольд, лексическое значение каждого слова зависит от того, к какой части речи оно относится. Каждое слово может употребляться в ограниченном кругу синтаксических

функций и с определённой валентностью. У слова имеется определённый набор грамматических значений и определённая группа форм [4, с. 120-121]. Частиречный фактор играет огромную роль в изменении значения слова в английском языке, где широко распространено явление конверсии. Здесь тысячи слов относятся одновременно и к существительному, и к глаголу. Например: boat – лодка, to boat – кататься на лодке, buffet – удар, to buffet – наносить удары, discharge – разгрузка, to discharge – разгружать, go – ход, to go – ходить. Или же одно и то же слово может обозначать и признак, и действие, и предмет: blue – голубой, to blue – окрашивать в синий цвет, blue – синий цвет, голубая краска.

В приобретении таких грамматических значений велика роль сочетаемости слов в предложении. Например: *There are tea leaves in the bottom of my cup.* *Дар тағи ниёлаи ман шаммаи чой ҳаст.* (bottom - существительное). *Put the books on the bottom shelf* – *Ин китобро ба рафи поёнӣ гузор* (bottom - прилагательное). *There is no sign that the recession has bottomed out yet.* – *Ягон нишони он нест, ки поёнравӣ то ҳол баанҷом расида бошад.* (bottom - глагол). В таджикском языке такой грамматический процесс отсутствует, за исключением отдельных случаев типа “дарома́д” (вошёл) и “дарома́д” (прибыль) или “бино́” (здание) и “бино́” (зрячий), где переход слова из одной части речи в другую происходит благодаря изменению места ударения в слове.

Таким образом, лексическое значение слова, и в том числе глагола, тесно связано с онтологическим, логическим и человеческим факторами. Первый фактор служит основой формирования понятия о предметах, явлениях и отношениях, существующих в реальной действительности. Второй фактор выступает в качестве основы значения слова. Третий (человеческий) фактор подразумевает дачу названия сформированному понятию и комбинированию этих номинантов с целью выражения своей мысли индивидом. В ходе этого процесса происходит расширение значения слова, включая процесс приобретения им стилистических функций.

Из двух компонентов в семантике глагола, которые называются лексическим и грамматическим значениями, первое тесно переплетается со вторым и они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Поэтому, как верно подметил Л. М. Васильев, общепринятой классификации глагольной лексики, как известно, нет, да и вряд ли она вообще возможна, ибо любая классификация обуславливается какими-то принципами и аспектами [19, с. 39].

В лингвистических источниках обычно выделяются три принципа классификации глагольной лексики:

- 1) Тематический принцип;
- 2) Парадигматический принцип;
- 3) Синтагматический принцип [там же, с. 39].

Первый принцип считается традиционным. Он предполагает расчленение всех предметов, признаков, явлений и отношений, отражённых в сознании человека и получивших языковое выражение. Такое расчленение производится на основе общности ведущих и дифференциальных признаков указанных объектов и явлений материальной действительности.

В частности, у глаголов типа “*to go* – **рафтан** - *ходить*”, “*to walk* – *қадам задан* - *шагать*”, “*to move* – **ҳаракат кардан** (*неи рафтан*) - *двигаться*”, “*to fly* – **паридан** - *летать*”, “*to run* – **давидан** - *бежать*” и десятка других имеется один общий признак, т.е. они указывают на движение. Поэтому в языкознании их объединяют в одну тематическую группу глаголов под названием “глаголы движения”. Или же такие глаголы как “*видеть* – **дидан** – *to see*”, “*смотреть* – **нигоҳ кардан** – *to look*”, “*глядеть* – **назорат кардан** – *to watch*”, “*мельком взглянуть* – **назар андохтан** – *to glance*” и множество других имеют один общий признак – они обозначают зрительное восприятие и поэтому их объединяют под общим названием “глаголы зрительного восприятия”.

В целом в сфере глагольной лексики выделяют следующие тематические группы: глаголы восприятия (to understand – **фахмидан**), глаголы чувства (to feel – **хис кардан**), глаголы звучания (to cry – **дод гуфтан**), глаголы речи (to say – гуфтан), глаголы движения (to run – **давидан**), глаголы мышления (to think – фикр кардан), глаголы осязания (to touch – **палмосидан**), глаголы обоняния (to smell – **бӯй кардан**), глаголы внимания (to watch – **назорат кардан**) и др. Это были глаголы, выражающие действия.

Имеется также тематическая группа глаголов, обозначающих состояние. В частности глаголы “*to be glad – шод будан*”, “*to be happy – хушбахт будан*”, “*to be rejoice – хурсанд будан*” и т.д. входят в тематическую группу глаголов состояния, обозначающих различное эмоциональное состояние человека. Наши наблюдения показали, что число таких глаголов в таджикском языке больше, чем в английском. Такие глаголы как “*хушхол будан*”, “*зиқ будан*”, “*сарбаланд будан*”, “*чехракушод будан*”, “*биниборо будан*”, “*чехрахандон будан*”, “*бадқавоқ будан*” и десятки других глаголов этого класса, очевидно, отсутствуют в английском языке.

Число глаголов действия или состояния, входящих в определённую тематическую группу, не совпадают в сопоставляемых языках. В частности, в таджикском языке имеется группа глаголов, входящих в тематическую группу, связанную с обрядами. В английском языке отсутствуют глаголы типа “*намоз хондан*”, “*таҳорат кардан*”, “*хатнатӯй кардан*”, “*қубба хондан*”, “*рӯзакушоён кардан*”, “*гӯру чӯб кардан*”, “*чил кардан*”, “*гӯр сӯхтан*”, “*Қуръон хондан*”, “*ҷаноза хондан*”, “*гаҳворабандон кардан*”, “*домодталабон кардан*”, “*рӯйкушоён кардан*”, “*фотиҳа кардан*”, “*талоқ кардан*” и др.

Наоборот, в английском языке функционирует ряд глаголов, которые в силу отсутствия в таджикском языке подобных понятий, не имеют своих эквивалентов. Например: *to knight* – *давать звание рыцаря*, *to knoll* – *звонить в колокол*, *to jive* – *танцевать под джазовую музыку*, *to polk* – *танцевать польку*, *to knell* – *звонить при похоронах* и т.д.

Значение слов этого разряда передаётся с одного языка на другой тремя способами: 1) путём транслитерации, 2) путём транскрипции, 3) путём описания или комментирования. Для примера можно привести следующие таджикско-персидские слова типа: *pilaf* – **палов**, *caravanserai* – **корвонсарой**, *hajji* – **хочӣ**, *Radishah* – **подшоҳ** и десятки других.

Второй принцип классификации глагольной лексики называется парадигматическим, он основывается на “выделении в значениях слов (при их сравнении с идентификатором) тождественных и дифференциальных компонентов” [19, с. 40]. На основе этого принципа глаголы делят на следующие группы: 1) глаголы, обозначающие действия: *to wash* – **шуштан**, *to build* – **сохтан**, *to eat* – **хӯрдан** и т.д.; 2) глаголы, выражающие состояние: *to be* – **будан**, *to become* – **шудан**, *гардидан*, *to be tired* – **ҳаста шудан**, *to be proud* – **фахр кардан**, и др.; 3) глаголы, которые называют свойства предметов: *to fear* – **тарсидан**, *to cry* – **гиря кардан**, **фарёд кардан**, *to break* – **шикастан**, **кафидан**, *to hope* – **умед бастан** и др.; 4) глаголы, указывающие на отношения: *to love* – **дӯст доштан**, *to meet* – **вохӯрдан**, **пешвоз гирифтан**, *to talk* – **сӯҳбат кардан**, *to kiss* – **бӯса кардан** и др.

Кроме того, на основе парадигматической классификации проф. А. В. Бондарко группирует глаголы на различные лексико-грамматические разряды [16, с. 51]. По этому принципу глаголы можно подразделять на аспектуальные группы типа: 1) предельные глаголы: *to break* – **шикастан**, *to fall* – **афтодан**, *to tear* – **дарондан**, *to jump* – **чаҳидан**, *to bend* – **хам шудан** и др. 2) неопредельные глаголы: *to think* – **фикр кардан**, *to know* – **донистан**, *to go* – **рафтан**, *to live* – **зиндагӣ кардан**, *to love* – **дӯст доштан** и т.д. 3) нейтральные или промежуточные глаголы: *to read* – **хондан**, *to show* – **нишон додан**, *to build* – **сохтан**, *to page* – **саҳибандӣ кардан**, *to sell* – **фурӯхтан**, *to look* – **нигоҳ кардан**.

Глаголы первого типа обозначают такое действие, у которого имеется предел, т. е. указывают на законченность выражаемого им действия. У глаголов второго типа, наоборот, такое аспектуальное значение

отсутствует, т. е. они обозначают действие, у которого нет конца, предела. Глаголы третьего разряда занимают промежуточное положение.

На основе парадигматического принципа глаголы делятся также на каузативные и некаузативные. Например: *сохтан – созондан, навиштан – нависондан, давидан – давондан, сабзидан – сабзондан, хестан – хезондан*. В каждой из этих пар глаголов первые являются некаузативными, а вторые каузативными глаголами. В английском языке таких пар глаголов очень мало. Например: *to rise (бардоштан) – to raise (бардорондан)*.

Интересную парадигматическую классификацию глаголов дает проф. Г. А. Золотова. Она носит дробный характер. Она подразделяет глагол на следующие группы: 1) Акциональные глаголы, которые обозначают действие, процесс, 2) Статуальные глаголы, которые обозначают состоянием (*to grow – сабзидан, to darken – торик шудан*), 3) Неполнозначные глаголы, куда входят глаголы типа “*to begin – огоз кардан*”, модальные глаголы (*can – тавонистан, must – бояд, may – шояд* и т.д.), 4) глаголы-компенсаторы. В свою очередь, она разграничивает пять групп акциональных глаголов [52, с. 365].

Кроме того, в различных источниках по глаголу в значении этой части речи разграничивают такие сигнификативные компоненты, как начало действия или процесса, а также его становления, указывается и на результативность и нерезультативность действия.

Третий принцип классификации глагольной лексики называется синтагматическим. В советском языкознании на эту проблему обратил особое внимание проф. Г. Г. Почепцов. Его теория основывалась на учёте семантического содержания глагольных валентностей [82, с. 8-10]. Под валентностью понимается потребность слова вступить в синтаксические отношения для восполнения своей семантики. Если сказать “**Ман мефиристо нам – I send**” семантика глагола “**фиристодан**” (*to send*) остаётся нераскрытой. Данный глагол требует, чтобы назвался объект отправления и адресат этого действия. Поэтому следует сказать: *Ман ба модарам*

мактуб мефуристонам. – I send a letter to my mother. Это говорит о том, что у глагола “*фуристодан – to send*” должны быть три участника действия: 1) исполнитель действия (агенс), 2) объект действия, 3) адресат действия. Поскольку у данного глагола имеются три потребности, его называют трёхвалентным глаголом. У глагола “*хондан (to read)*” имеются два участника действия: 1) агенс, 2) объект: *Ман рӯзнома мехонам. – I read a newspaper.* Глагол “*to die – фавтидан*” требует только агенса: *Suddenly the poet died. – Шоир ногаҳон фавтид.* Поэтому его называют одновалентным глаголом. У русского глагола “светает” отсутствует валентность. Таких глаголов в английском и таджикском языках, очевидно, нет.

Таким образом, в семантическом плане глагол представляет собой сложное и многоаспектное явление языка. Его обычно классифицируют на основе трёх принципов: денотативный, парадигматический, синтагматический. Первый принцип основывается на онтологическом расчленении предметов и их отношений, которые находятся в тесной связи между объектом и явлениями материального мира. Парадигматический принцип связан с процессом выделения в семантике глагольной лексики тождественных и различительных характеристик. Синтагматический принцип классификации учитывает сочетаемостные потенции глагольных слов с их аргументами, что называется валентностью глагола.

Глава II. Общая грамматическая характеристика личных и неличных форм глагола в таджикском и английском языках.

2.1 Функционально-семантическая классификация глаголов в таджикском и английском языках.

Глагол, как в таджикском, так и в английском языке характеризуется сложной грамматической системой.

Как было отмечено в первой главе, по своей семантике глаголы делятся на три большие группы: знаменательные глаголы, служебные глаголы, вспомогательные глаголы. Подавляющее большинство глаголов в обоих языках составляют смысловые глаголы, которые выражают определённое понятие и самостоятельно могут выполнять синтаксическую функцию сказуемого. Служебные глаголы лишены такой возможности. Они вместе с другим глаголом или именной частью речи выражают предикацию. Вспомогательные глаголы лишены лексического значения и служат для выражения различных грамматических значений знаменательных глаголов.

Глаголы как в английском, так и в таджикском языке, по способу образования своих грамматических форм классифицируются на две группы, согласно этому принципу в английском языке разграничивают две группы глаголов: 1. Стандартные или правильные глаголы. Правильные глаголы образуют формы прошедшего времени и причастия второго при помощи морфемы *-(e)d*: liked, worked, wanted, showed, hoped и т.д. 2. Нестандартные или неправильные глаголы образуют вышеуказанные словоформы путём изменения звука состава корня или при помощи морфемы *-en*. Например: build – built – built, take – took – taken, meet – met – met, begin – began – begun и т.д. Некоторые глаголы этого разряда могут образовывать указанные формы либо без изменения, либо супплетивным способом: go – went – gone, be – was, were – been, put – put – put, cut – cut – cut.

В таджикском языке различные категориальные формы глагола образуются от двух основ. 1. **Презентные основы**, которые равны форме единственного числа повелительного наклонения: *рав, гир, хур, шав, гуй* и

т.д. 2. **От претеритальной основы.** При образовании этой основы таджикские глаголы можно также подразделять на две группы: 1. правильные глаголы 2. неправильные глаголы. Первая группа глаголов, как отмечается в монографии под редакцией Расторгуевой В. С. “Основы иранского языкознания. Новоиранские языки”, отличается по способу образования претеритальной основы от презентной лишь наличием особой основообразующей морфемы **-ид: хар – харид**, или только морфемой **-д: хон – хонд**, или морфемой **-од: фирист – фиристод**, либо морфемой **-т: куш – кушт**, или же морфемой **-ист: дон – донист**.

У неправильных глаголов презентная и претеритальная основы находятся в более сложных морфонетических отношениях с определенными типами закономерных чередований конечных корневых согласных, реже – корневых гласных звуков. Например: **дор – дошт, тоб – тофт, намо – намуд** [79, с. 132].

Глаголы в сопоставляемых языках с точки зрения их отношения к объекту делятся на две группы 1. Переходные глаголы: *to take – гирифтан, to show – намоиш додан, to send – фиристодан* и т. д. 2. Непереходные глаголы: *to go – рафтан, to come – омадан, to stand – истодан, to arrive – ворид шудан, омадан* и т. д. В английском языке разграничивается также особая группа глаголов, которая носит смешанный характер, т.е. в одном случае такие глаголы выступают как переходные, а в другом как непереходные: *to return – баргаштан, баргардонидан, to vote – овоз додан, эйтироф кардан, to grew – сабзидан, парвариш кардан*, и др.

Переходные глаголы в обоих языках на основе своих валентных потенциалов требуют прямого дополнения. Здесь можно назвать несколько таких глаголов из сопоставляемых языков: *to read – хондан, to show – нишон додан, to find – ёфтан, to build – сохтан, to give – додан* и т.д.

Непереходные глаголы неспособны принимать прямое дополнение. Здесь можно назвать несколько глаголов этого разряда: *to look – нигоҳ кардан, to speak – гап задан, to fall – афтодан, to swim – шино кардан*.

Английские глаголы типа *to sell, to run, to fly, to sale* и т.д. в одном значении выступают как переходные, а в другом значении как непереходные глаголы. Например: *Will you sell me your camera?* (189, с. 1148) (переходное значение). *The car is selling well* (там же, с. 1148). (непереходное значение). *He ran his eyes over the page* (186, с. 1107). (переходное значение). *He ran home in tears to his mother* (там же, с. 1107). (непереходное значение). *Only experienced pilots fly large passenger aircraft* (186, с. 473). (переходное значение). *The dog flew down the road after the cat* (там же, с. 473). (непереходное значение).

Для выявления таджикских эквивалентов этих глаголов даём перевод этих предложений: *Шумо дастгоҳи филбардориятонро ба ман мефурӯшед – мӣ? Ин автомашина хуб фурӯхта шуда истодааст* (перевод информантов).

В первом предложении глагол “to sell” переведён на таджикский язык при помощи переходного глагола “**фурӯхтан**”, а во втором предложении этот же глагол передан на таджикский язык посредством формы страдательного залога глагола **фурӯхтан**.

Глагол “to run” в двух вышеуказанных примерах переводится на таджикский язык следующим образом: *Ў ба он саҳифа чаши давонд. Ў ба чашимони гирён ба хона назди модараш давид* (перевод информантов)..

Как видим, в обоих случаях глагол “to run” в таджикском языке передан посредством непереходных глаголов “**чашм давондан**”, “**давидан**”.

Глагол “to fly” передаётся на таджикский язык следующим образом: *Танҳо халабони бо тачриба тайёраҳои мусофиркаши калонро идора мекунад. Саг аз паси гурба бо роҳ пар-парон рафт*(перевод информантов)..

В первом примере вместо “to fly” – *паридан* использован другой глагол *идора кардан* с переходным значением, а во втором примере “to fly” передан на таджикский язык при помощи непереходного глагола **пар-парон рафтан**.

Переходность и непереходность глагола в таджикском языке влияет на употребление залоговых форм. Только переходные глаголы имеют категориальные формы действительного и страдательного залогов, о чём

пойдет речь в последующих параграфах этой главы. Наоборот, переходность и непереходность не влияет на употребление залоговых форм английского глагола. Здесь залог тесно связан с объектностью и необъектностью глагола. Только объектные глаголы способны употребляться в форме действительного и страдательного залогов, о чём пойдет речь позже.

По своей валентности, как было отмечено в первой главе, глаголы делятся на три группы: 1. Одновалентные глаголы *mana to hesitate* – **дудила шудан**, *to die* – **мурдан** и т.д. 2. Двухвалентные глаголы типа *to read* – **хондан**, *to find* – **ёфтан** и т.д. 3. Трёхвалентные глаголы типа *to give* – **додан**, *to send* – **фиристодан** и т. д.

Одновалентные глаголы в качестве своего аргумента требуют употребления субъекта действия. Двухвалентные глаголы нуждаются в упоминании субъекта и прямого объекта действия, а трехвалентные глаголы для восполнения своей семантики требуют субъекта, прямого объекта и косвенного объекта.

В некоторых языках, в частности, в русском языке, функционируют безвалентные глаголы типа “темнеть и вечереть”, которые отсутствуют в английском и таджикском языках.

2. 2. Общие сведения о неличных и личных формах глагола в таджикском и английском языках

У глаголов сопоставляемых языков имеются предикативные и непредикативные формы. В обоих языках функционируют в качестве неличных форм глагола инфинитив и причастие, а в английском языке функционирует ещё одна неличная форма глагола под названием “герундий”.

У инфинитива в обоих языках имеются признаки глагола и имени существительного. Они проявляются в структуре предложения. У английского инфинитива имеются следующие глагольные признаки: 1. У него есть категория вида – общий вид и длительный вид: *to go* – *to be going*,

to sing – to be singing. 2. Категория залога: *to write* (действительный залог), *to be written* (страдательный залог) 3. Категория временной отнесённости: *to find – to have found*. Подобно глаголу инфинитив может подчинить себе дополнение и обстоятельство.

У таджикского инфинитива имеются следующие категориальные формы глагола: 1. категория залога: **хондан** (действительный залог) – **хонда шудан** (страдательный залог); 2. категория вида: **хондан** (совершенный вид) – **хонда истодан** (длительный вид). Как отмечает Б. Сиёев, инфинитив может принимать дополнение и обстоятельство [91, с. 81].

Субстантивные признаки английского инфинитива проявляются в структуре предложения. Они выполняют синтаксические функции подлежащего, дополнения, именной части именного составного сказуемого: *She liked to bring most persons who came near her...* (193, с. 58) (дополнение). *And surely the Nation which reposes confidence in her appointed servants is likely to be better served...* (184, с. 127) (именная часть составного сказуемого). *To go far away quickly was the only thing to do* [186, с. 116] (подлежащее).

Субстантивных признаков у таджикского инфинитива больше, чем у английского инфинитива. Таджикский инфинитив, подобно английскому инфинитиву, может выступать в синтаксических функциях подлежащего, дополнения и именной части составного именного сказуемого. Например: **Омада мондани писари Қодир хавфро боз зиёд мекунад** (179, с. 46) (подлежащее). **Тарозудорҳо ҳам ба рафтани ҳозир шуданд** (156, с. 67) (дополнение). **Вазифаи ман девори ҳавлию тавораҳои боғро ҳам таъмир кардан буд** (176, с. 298) (именная часть составного сказуемого).

Кроме того, таджикский инфинитив подобно существительному может принимать морфему множественного числа, энклитические местоимения и предлог и послелог, а также изафет *и*: ... **аз таъсири гирд омадани ҳазорон мардуми фозил, адиб ва олим дар он шаҳр ва бисёрии маҷлисҳои илмию адабӣ бояд бошад** (173, с. 40). **Фардо аз инҳо бисёр сирҳоро фаҳмида гирифтани мон**

мумкин аст (156, с. 293). *Занчир ... бепарво гузаштанаширо писандида ба дил гуфта буд...* (176, с. 148). *Менависам ман суруди сулхро бо хуни дил – Бо тапиданҳои беороми рӯзафзуни дил* (172, с. 64).

В английском языке выделяют два причастия: 1. Participle I или причастие настоящего времени: writing, going, asking и т.д. 2. Participle II или причастие прошедшего времени: written, played, built и т.д.

В таджикском языке К. Усмонов и Р. Ибрагимова разграничивают три причастия: 1. Причастие предшествования: *рафта, гуфта, нурсида*, 2. Причастие одновременности: *рафта истода, гуфта истода, нурсида истода*. 3. Причастие следования: *мерафтагӣ, мегуфтагӣ, менурсидагӣ*. [108]

У двух вышеуказанных английских причастиях имеются признаки глагола, прилагательного и наречия. Подобно глаголу, у Participle I имеются две грамматические категории: 1. категория залога: writing – being written. 2. категория временной отнесённости: writing – written. У Participle II нет грамматических категорий, но, подобно глаголу оно может выступать в качестве компонента сказуемого (*I have written a letter; The letter was written yesterday*), а также может принимать дополнение или обстоятельство (*The letter written by me yesterday*).

Адъективные и адвербиальные признаки этих двух причастий проявляются в их синтаксических функциях. Оба эти причастия могут выступать в функциях определения и обстоятельства: *He obeyed, slipping the set into the sleeve of his flannel shirt* (187, с. 90) (обстоятельство). *The last soft of light of the setting sun had fallen on the earth...* (183, с. 179), (определение). *The brigade commanded by Major-General Webb gave and received about as hard knocks as any that were delivered in that action...* (193, с. 373) (определение). *Arrived at her own door, she was alighting ...* (184, с. 128) (обстоятельство).

Что касается причастия в таджикском языке, то самым широко употребляемым причастием являются образования типа **хонда(гӣ)**, которые в таджикских грамматиках называются причастием прошедшего времени,

но как доказано в работе Р. Ибрагимовой [53], у таджикского причастия нет времени. Причастие здесь указывает либо на предшествование, либо на одновременность, либо на следование действия, выражаемого причастием действию глагола сказуемого предложения, в котором имеется причастие или причастная конструкция. Например: *Субҳ аз хоб чаши кушода, воқеаи дишабаро бори дигар ба ёд овардам...* (176, с. 202). В этом примере *чаши кушода*, являясь причастием, обозначает действие, которое предшествует действию, выражаемому глаголом-сказуемым *ба ёд овардам*. Поэтому данное причастие следует назвать причастием предшествования. В этом предложении данное причастие соответствует английскому причастию I в перфектной форме, о чём свидетельствует перевод этого предложения на английский язык: *Having waken up dawn, I remembered the event which happened last night* (перевод информантов). Данное причастие таджикского языка обладает признаками и глагола, и прилагательного, и наречия. Как глагол причастие предшествования может выступать в функции сказуемого, принимая личные окончания, вспомогательные глаголы или же служебные глаголы. Например: 1) *Дар асри XII “Алқонун” ба забони лотинӣ, ки дар ҳамаи мамлакатҳои Аврупо забони илм, забони тибб буд, тарҷима карда шуд* (173, с. 113). 2) ... *ҷавонон қариб кори якҷузро анҷом дода буданд* (177, с. 206). 3) *Шайхурраис ... дар мусиқӣ рисолае таълиф кардааст* (173, с. 131). 4) ... *дар ин дунё хӯроки нағзтар ёфта наметавонӣ* (177, с. 31).

В первом примере *тарҷима карда шуд* является сказуемым. Оно состоит из причастия предшествования *тарҷима карда* и вспомогательного глагола в форме *шуд*. Данное сказуемое переводится на английский язык как *was translated*; следовательно, *тарҷима карда* соответствует в английском языке причастию II *translated*, а вспомогательный глагол *шудан* в форме *шуд* эквивалентен английскому вспомогательному глаголу *to be* в форме *was*.

Во втором примере в качестве сказуемого выступает словоформа *анҷом дода буданд*. Она состоит из причастия предшествования *анҷом дода* и

вспомогательного глагола *буданд* в спрягаемой форме. Словоформа *анҷом дода буданд* соответствует словоформе *had finished*, где *finished*, будучи причастием II, соответствует причастию предшествования *анҷом доданд*. Функцию вспомогательного глагола *буданд* выполняет глагольная форма *had*. Разница между функциями причастий сопоставляемых языков в этих двух примерах заключается в том, что в первом примере и таджикское и английское причастие входят в состав категориальной формы пассива. Во втором же примере причастия этих языков служат в качестве компонента предпрошедшего времени таджикского глагола и Past Perfect английского глагола. В третьем примере причастие *таълиф карда* вместе с вспомогательным глаголом в форме *аст* образует форму перфекта таджикского языка. Данная словоформа передаётся на английский язык формой The Present Perfect Tense (*has written*). В четвёртом примере причастие *ёфта* употреблено вместе с личной формой модального глагола *тавонистан*. Вместе они образуют составное глагольное сказуемое с модальной семантикой. Данный глагол-сказуемое соответствует в английском языке сочетанию модального глагола *can* с формой инфинитива глагола *to find* без частицы *to* (*can find*).

Причастие предшествования может функционировать как прилагательное, выполняя функцию определения или именной части составного сказуемого: 1) *Чомаи саг дарондаашро аз танаши кашида ба болои зин партофт* (156, с. 211). 2) *Дарвозаатон баста аст* (там же, с. 214). В функции определения причастие предшествования соответствует английскому Participle II. В функции именной части сказуемого оно передаётся на таджикский язык тем же причастием II. Об этом свидетельствуют переводы вышеуказанных предложений на английский язык: 1) *He put off the gown torn by the dog and put it on the saddle.* 2) *Your gate is closed* (перевод информантов).

Причастие предшествования может функционировать и как наречие, выполняя функцию различных видов обстоятельств: 1) *Даре кушода шуда,*

марде берун баромад (177, с. 259). – *One of the doors opening, a man came out* (перевод информантов). 2) *Ба муродамон расида, ба Москва рафта истодаем* (там же, с. 273). – *Having succeeded our aim, we are starting for Moscow* (перевод информантов).

В первом примере имеющаяся номинативная абсолютная причастная конструкция *даре кушода шуда* выполняет функцию обстоятельства времени. Она передана на английский язык при помощи номинативной абсолютной причастной конструкции Participle I (a door opening). Во втором примере причастный оборот таджикского языка, выполняющий функцию обстоятельства причины, передан на английский язык при помощи перфектной формы Participle I, которая также функционирует как обстоятельство причины.

Из переводов причастия предшествования таджикского языка на английский язык можно прийти к заключению о том, что оно передаётся на английский язык либо причастием I, либо причастием II.

Другим причастием таджикского языка является образование, состоящее из причастия предшествования и вспомогательного глагола *истодан* в форме того же причастия предшествования. От глагола *рафтан* (to go) образуется форма *рафта истода*. Она указывает на одновременность действия, выражаемого данной причастной формой с действием, выражаемым глаголом-сказуемым предложения, в котором употребляется данная причастная форма. Например: *Гулрӯ гӯсоларо аз дари кӯча бароварда истода ... ба скарони сурҳ назар андохт* (179, с. 218). *Офтоби ба гуруб рафта истода ... ба рӯи ҳама нури охиринаширо нисор мекард* (177, с. 94). Поэтому образование типа *бароварда истода, ба гуруб рафта истода* целесообразно назвать причастием одновременности вопреки распространённому в таджиковедении термину “Сифати феълии замони хозираи муайян” [49, с. 339].

Причастие одновременности, так же как и причастие предшествования, обладает признаками глагола, прилагательного и наречия. Как глагол оно,

принимая личные окончания, служит для выполнения функции сказуемого: - *Ба Вахи рафта истодаӣ?* (162, с. 64). Как прилагательное оно выполняет функцию определения: *Аспи нимҷони торафт ҳам шудаистода аз байни пойҳои ӯ баромад* (177, с. 194). Причастие одновременности, подобно наречию, может выступать в функции обстоятельства: *Салима ... як роҳи пурдари кашода истода, ба гапаш давом намуд* (176, с. 72).

В функции и сказуемого, и определения, и обстоятельства причастие одновременности соответствует неперфектной форме причастия настоящего времени английского глагола: *Аз байни деҳотиён ҳам шахсоне пайдо шудаанд ки ба хизмати немисҳо гузашта ба ватан хиёнати бисёр карда истодаанд* (163, 301). – *Among the inhabitants of the village there appeared such persons who serving for Germans are betraying their Motherland* (перевод информантов). *Алёна хаяҷон зер карда, чизи гуфта истодаашро намедонист* (167, с. 434). – *Being surprised, Alyona couldn't understand his uttering words.* *Рухсора аз дарвоза даромада истода якбора ба ман нигоҳ кард* (176, с. 306). – *Passing through the gate, Rukhsora suddenly looked at me.*

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что причастие одновременности таджикского языка почти всегда соответствует простой форме Participle I.

Третим причастием таджикского языка являются образования типа **мерафта(гӣ)**, **мехонда(гӣ)** и тому подобные. Данное причастие употребляется главным образом в определительной функции и указывает на действие, которое следует моменту речи. Поэтому такая словоформа называется причастием следования. Например: - *Хайрон нашавед, ман ақлам дарчояш, одами назаратон мегирифтагӣ мебошам* (176, с. 125). *Дигар хандаю шӯҳиҳои ӯ кас намедидагӣ шуд* (160, с. 56). Данное причастие таджикского языка не имеет непосредственного своего эквивалента в английском языке. Оно передаётся на английский язык формой пассивного инфинитива, выступающего в функции определения. Словосочетание *одами назаратон мегирифтагӣ* переводится на английский язык *the man to be*

acknowledged. Другие виды таджикского причастия типа *рафтанӣ, раванда* и т.д. находятся на современном этапе развития таджикского языка на стадии перехода в разряд прилагательных, так как словоформы типа *карданӣ*, как отмечается в одном авторитетном источнике по иранским языкам [79, с. 169] произошли от прилагательного, а причастие на *-анда* (*гӯянда*) в указанном источнике охарактеризованы следующим образом: “Производные слова, образуемые от презентной основы с суффиксами *-анда, -а*, которые часто относят к числу причастий, фактически не являются таковыми” [там же, с. 169]. Исходя из этого, эти образования не будут рассмотрены в нашей работе.

Теперь переходим к краткому анализу английского герундия и его соответствия в таджикском языке. Следует отметить, что герундий и причастие I являются омонимичными образованиями. У них имеются одинаковые категориальные формы, которые отличаются тем, что у Participle I имеются признаки глагола, прилагательного и наречия, а у герундия признаки глагола и имени существительного. Эти признаки обнаруживаются только в структуре предложения. Кроме того, у герундия и причастия I обнаруживаются особые дистрибутивные условия функционирования в структуре предложения.

Для подтверждения указанной мысли обращаемся к языковому материалу: 1) *Next day we made our arrangements for starting* (187, с. 65). В этом примере слово *starting* является герундием, а не причастием, так как перед этим словом стоит предлог *for* и выполняет, подобно существительному, синтаксическую функцию косвенного дополнения. Причастие I не может иметь при себе предлога и не выступает как дополнение, а может быть определением: 2) *... there was the champagne fizzing and boiling about in the bottom of the dirty cargo boat* (там же, с. 44).

В первом примере герундий *starting* передаётся на таджикский язык посредством инфинитива, о чём свидетельствует перевод данного предложения: **Рӯзи дигар мо барои рафтан азм кардем** (перевод

информантов). А во втором примере словоформы *fizzing* и *boiling* не являются герундием, а выступают как причастие I и, выполняя синтаксическую функцию определения, они переводятся на таджикский язык посредством причастия одновременности: *Дар таги қаиқи боркашони ифлос шампани фавворазадаистода ва чӯшидаистода мавҷуд буд* (перевод информантов).

В предложении “*I will give you the writing* (187, с. 39)” тоже имеется слово с морфемой *-ing*, но это слово (*writing*) не является ни герундием, ни причастием I. Оно функционирует как отглагольное существительное, так как перед ним употреблён артикль *the*, к чему не способен ни герундий, ни причастие I. Оно переводится на таджикский язык именем существительным: *Ман мехоҳам ба шумо дастхатро диҳам* (перевод информантов). В предложении: *The sittings ... take place in the day* (184, с. 122) словоформа *sittings* также является отглагольным существительным, так как оно употреблено с артиклем *the* и с флективной морфемой множественного числа имён существительных *-s*. Поэтому *the sittings* переводится на таджикский язык как имя существительное: *Чаласаҳо рӯзона баргузор мегарданд* (перевод информантов).

Разница между причастием I и герундием заключается также и в том, что герундий как имя существительное может выполнять синтаксические функции подлежащего, дополнения и обстоятельства вместе с предлогом. Эти характеристики чужды причастию I. Для подтверждения указанной мысли приводим следующие примеры: *I thank you, sir, for giving him such company* (193, с. 128) (дополнение). В функции дополнения герундий переводится на таджикский язык при помощи инфинитива: *Чанобам ман шуморо барои бо чунин ҳамнишинон тақдир карданатон изхори миннатдорӣ мекунам* (перевод информантов). *On reaching the captain I found him in a great state of excitement* (187, с. 58) (обстоятельство). В функции обстоятельства герундий также переводится на таджикский язык

посредством инфинитива с предлогом: *Баробари ба назди капитан расидан ман ўро дар ҳолати ошуфтаҳолии беандоза дидам* (перевод информантов).

В предложении “*Going far away and quickly was the only thing to do*” [186, с. 67] герундий выступает в качестве подлежащего и переводится на таджикский язык с помощью инфинитива: *Хар чи тезтар ва дуртар рафтан ягона роҳи халосӣ буд* (перевод информантов).

У английского герундия имеются те же грамматические категории, что у причастия I, т. е. у герундия имеется категория залога и категория временной отнесённости. Например: *After having shaken hands neither he nor I had apparently anything more to say* (187, с. 154). Здесь герундий *having shaken* стоит в форме перфекта, которая входит в парадигму категории временной отнесённости. Этот герундий переводится на таджикский язык при помощи инфинитива: *Баъди дастфишурӣ кардан на ў ва на ман аз афташ ягон чизе гуфтание надоишем* (перевод информантов). А в следующем примере герундий *buying* стоит в неперфектной форме, которая является другой категориальной формой категории временной отнесённости: *After buying a book or two he could not even afford himself a fire ...* (188, с. 124). И данная форма герундия переводится на таджикский язык посредством инфинитива: *Баъди харидани як ё ду китоб ў хатто натавонист барояш як таҷхизоти хонагармкунӣ гирад* (перевод информантов).

Хотя внешне формы перфекта и неперфекта причастия I и герундия выглядят тождественными, но функционально они различаются. Эти формы причастия не могут функционировать в предложении подобно существительному, а формы перфекта и неперфекта герундия функционируют как имя существительное.

Залоговые формы герундия также внешне похожи на залоговые формы причастия I, но в предложении формы герундия проявляют признаки имени существительного, что не характерно для причастия I: 1) *I am very fond of being confided in my children, and am happy being usually favoured in that*

respect ... (183, с. 78). 2) “*I never stop anyone from doing anything,*” *he said* (186, с. 120).

В первом примере герундии *being confided* и *being favoured* употреблены в форме страдательного залога, а во втором примере герундий *doing* стоит в форме активного залога. Переведём данные предложения на таджикский язык: 1) *Ман, аз он ки бачагонам ба ман бовар мекунад, шодам, ва аз он хушбахтам, ки аз ин одатан манфиат мебинам* (перевод информантов). В данном случае две пассивные формы герундия переводятся личными формами таджикского глагола, но обычно такая словоформа также переводится формой пассива таджикского инфинитива. Следующее предложение с герундием *doing* переводится на таджикский язык следующим образом: 2) “*Ман харгиз касеро аз иҷро кардани коре боз намедорам*”, - *гуфт ӯ* (перевод информантов). Здесь форма актива герундия переводится на таджикский язык посредством того же инфинитива.

Таким образом, между причастием I и герундием имеются существенные различия, которые проявляются в структуре предложения. Причастие I проявляет наряду с признаками глагола признаки прилагательного и наречия, а у герундия проявляются признаки глагола и существительного.

У английского глагола имеется и другая неличная форма, которая называется Participle II (причастие II или причастие прошедшего времени). Оно обладает признаками глагола, прилагательного и наречия. Его глагольные признаки проявляются в его сочетательных потенциях. Оно может принимать, подобно другим неличным формам глагола, дополнение или обстоятельство. Например: *This plant, hidden from the light, has kept its flowers till the autumn* (188, с. 34). В данном примере причастие *hidden* имеет своего адъюнта *from the light*. Причастие II в данном предложении переводится следующим образом: *Ин дарахти аз рӯшноӣ паноҳ ёфта гулҳояшро то тирамоҳ нигоҳ доштааст* (перевод информантов). Как видно, причастие *hidden* соответствует таджикскому причастию предшествования *паноҳ ёфта*. В следующем примере Participle II

принимает обстоятельство: *Taken on both flanks ... Twala's regiments broke into flight* (187, с. 156). В данной функции Participle II переводится также формой таджикского причастия предшествования: *Ба ду тарафи нишибиро ҷойгир шуда ... полки Твала ба ҳамла даромаданд* (перевод информантов). Как видим из перевода, *taken* соответствует таджикской словоформе *ҷойгир шуда*.

У причастия II имеются некоторые другие глагольные признаки. Оно может входить в состав аналитических форм глагола и выступать в синтаксической функции компонента сказуемого: *The workers were armed* (182, с. 148). Здесь Participle II *armed* входит в состав именной части составного сказуемого и переводится на таджикский язык прилагательным *мусаллаҳ*: *Коргарон мусаллаҳ буданд* (перевод информантов). В предложении: *Lenin was supported by Zinoviev and Kamenev* (182, с. 215) причастие II *supported* образует вместе с вспомогательным глаголом *to be* в личной форме категориальную форму пассива. В этой функции причастие II передаётся на таджикский язык при помощи формы причастия предшествования, которое, так же как в английском языке, входит в состав аналитической формы пассива вспомогательным глаголом *шудан*, о чём свидетельствует перевод данного предложения на таджикский язык: *Ленин аз ҷониби Зиновев ва Каменев ҷонибдорӣ карда мешуд* (перевод информантов).

Participle II как глагол может входить в состав перфектных форм английского глагола. Например: *We had not waited in this room many minutes before the black messenger returned* (184, с. 129). – *Пеш аз баргаштани қосиди сиёҳпӯст мо дар ин хучра дақиқаҳои зиёд интизорӣ накарда будем* (перевод информантов). Как видно из перевода, словоформа *had not waited*, состоящая из вспомогательного глагола *have* в прошедшем времени и представляющая собой форму Past Perfect Tense, соответствует в таджикском языке форме причастия предшествования *интизорӣ накарда*, частицы *на* и вспомогательному глаголу *будан* в личной форме

прошедшего времени. Данное образование называется предпрошедшим временем глагола, а в терминологии Н. Масуми “**замони гузаштаи дур**” [74, с. 255].

Ещё одним глагольным признаком Participle II является то, что оно имеет пассивное значение и указывает на последствие какого-либо действия, совершённого над каким-либо предметом. Например, в словосочетании *a broken cup* (**пиёлаи шикаста**) причастие *broken* выражает состояние чашки впоследствии действия, совершённого над ней кем-либо. И в этой функции Participle II соответствует таджикскому причастию предшествования, у которого, по мнению авторов “**Забони адабии хозираи тоҷик. қисми I**”, имеется и пассивное и активное значение. В частности, в словосочетании *одами хондагӣ*, словоформа *хондагӣ* имеет значение актива, а в конструкции *китоби хондагӣ* та же словоформа обладает семантикой пассива.

Как было отмечено выше, у Participle II, кроме свойств глагола, имеются признаки прилагательного и наречия. Подобно прилагательному, оно может выступать в синтаксической функции определения. Например: *These words uttered in the wildness of a grief ... rung in Esmond's ear* (193, с. 231). В этом примере причастие *uttered* в качестве постпозитивного определения служит для модификации слова *words*. Данное предложение переводится на таджикский язык следующим образом: *Ин суханони дар айни авҷи гуссаи ӯ эрод намуда дар гӯшони Есмонд чарангос мезаданд* (перевод информантов). Как видно из перевода, и в функции определения Participle II передаётся на таджикский язык посредством причастия предшествования *эрод карда*.

Адвербиальные признаки Participle II проявляются в том, что оно, подобно наречию в предложении, может функционировать как обстоятельство: *Arrived at her own door, she was alighting, when ... offered her his arm* (183, с. 83). – *Ба назди дараи расида, ӯ аз фойтун фаромада истода буд ки, касе ... дастаиро ба ӯ дароз кард* (перевод информантов). Как видно

из перевода, и здесь Participle II переводится на таджикский язык посредством причастия предшествования: *arrived* = *расида*.

Таким образом, Participle II английского языка главным образом соответствует таджикскому причастию предшествования. Разница заключается в том, что у Participle II имеется всегда значение пассива, тогда как у таджикского причастия предшествования в одной форме заложены значения и пассива и актива.

2.3. Система грамматических категорий глаголов таджикского и английского языка

Личные формы глагола как таджикского, так и английского языка богаты грамматическими категориями. В англистике эти категории разработаны глубоко и всесторонне, чего нельзя сказать в отношении таджикского языка. Господствующими являются взгляды Н. Масуми относительно грамматической категории таджикского глагола. И в учебнике для вузов по таджикскому языку, и в академической грамматике таджикского языка повторяются результаты исследования этого учёного, проведённого в конце 60-х годов XX века. Они повторно изложены в его собрании сочинений, часть II, изданном в 1980 году. Поэтому в ходе нашей работы, опираясь на основные положения его наследия, попытаемся высказать своё мнение по отдельным вопросам грамматической категории таджикского глагола, так как в указанной монографии Н. Масуми составители в виде примечания на странице 143 пишут, что некоторые положения работ Н. Масуми в определённой степени ослабили своё значение с точки зрения современного этапа развития науки о языке.

Н. Масуми находит у таджикского глагола два залога (действительный, страдательный), два вида (совершенный, длительный), четыре наклонения (изъявительное, условно-желательное, повелительное, предположительное), три времени (прошедшее, настоящее, будущее). При этом он внутри этих трёх времен разграничивает другие временные формы. В частности, к формам прошедшего времени он относит: простое прошедшее время,

прошедшее пересказательное время, прошедшее повествовательное время, прошедшее повествовательно-пересказательное время, давнопрошедшее время, давно прошедшее пересказательное время, давнопрошедшее длительное время, давнопрошедшее длительное пересказательное время, прошедшее предположительное время.

К настоящему времени он относит: настоящее продолженное время, настояще-будущее время.

В будущее время он включает: повелительный глагол, настояще-будущий глагол, будущее отдалённое время, будущее предположительное время.

В общей сложности он разграничивает у таджикского глагола 14 временных форм [74, с. 243 – 267].

Нам представляется, что в этой системе времён, разработанной Н. Масуми, отсутствует чёткий принцип разграничения времени, вида и наклонения. Эти три грамматические категории глагола необоснованно рассматриваются под углом зрения категории времени. Исходя из этого, на последующих страницах нашей работы мы предлагаем наше видение категории времени таджикского глагола.

Как было отмечено выше, в английском языке разные учёные-англисты находят неоднородное число временных форм, в частности, профессор Н. Ф. Иртеньева [58] систему времени английского глагола разделяет на две группы. Центром первой группы является настоящее время, а центром второй группы времён является прошедшее время. В первую группу входят: Present, Present Perfect, Future, Present Perfect Continuous. Во вторую группу она включает: Future, Future-in-the-Past, Past Continuous, Past Perfect Continuous. Как видно, она вместо трёхмерной системы времени предлагает двухмерную [58, с. 77].

Датский языковед О. Есперсен исключает из системы английских времён глагола все формы будущего времени. Он обосновывает эту точку зрения тем, что глаголы *shall* и *will* в составе форм типа: *shall/will + infinitive*, *shall* и

will сохраняют свои исходные значения: *shall* – необходимость, *will* – желание. Поэтому указанные сочетания, как он полагает, представляют собой не словоформу, а словосочетание [137, с. 50].

Другой англист А. Корсаков предлагает другую систему времён английского глагола. Он разграничивает абсолютные и относительные времена, а также статические и динамические времена. В его системе под абсолютными временными формами понимаются формы Present, Past, Future Indefinite, а к относительным временам он относит перфектные формы глагола: Present, Past, Future, Perfect. Все формы Continuous он включает в динамическую систему времени, а недлительные формы называет статическими временами. В общей сложности он разграничивает 6 времён: настоящее – донастоящее, прошедшее – допрошедшее, будущее – добудущее. В каждой из этих трёх пар форм имеются длительные и недлительные формы [62].

Профессор А. И. Смирницкий находит три времени у английского глагола: 1) настоящее время: *I write a letter* – *I am writing a letter*, 2) прошедшее время: *I wrote a letter* – *I was writing a letter*, 3) будущее время: *I shall write a letter* – *I shall be writing a letter*. Он исключает все перфектные формы глагола из системы времени. По его мнению, перфектные формы противопоставляются неперфектным формам глагола, в результате чего порождается новая категория, которую он называет категорией временной отнесённости. Формы так называемого Future-in-the-Past исключаются А. И. Смирницким из категории времени. Он их относит к числу форм условного наклонения, поскольку формы Future-in-the-Past и условное наклонение внешне совпадают, т.е. они представляют собой сочетание *should/would* + infinitive смыслового глагола в перфектной или неперфектной форме.

Таким образом, у А. И. Смирницкого система категории времени зиждется на основе противопоставления трёх пар форм глагола. Между

парами наблюдаются видовые отношения длительности и недлительности действия.

Данная точка зрения поддерживается Б. А. Ильишом [135], Б. С. Хаймовичем и Б. И. Роговской [140] и многими другими англистами. Мы также в своей работе придерживаемся взгляда А. И. Смирницкого при рассмотрении категории вида и времени английского глагола. Будем сравнивать и сопоставлять систему категории вида и времени таджикского глагола с системой, разработанной этим учёным в сфере вида и времени английского глагола.

Глава III. Грамматические категории времени и вида в таджикском и английском языках

3.1. Категория времени в таджикском и английском языках

В учебниках и учебных пособиях по нормативной грамматике английского языка утверждается мысль о том, что в английском языке имеется 16 времён, и они подразделяются на 4 группы:

1) Группа Indefinite	2) Группа Continuous
I write a letter	I am writing a letter
I wrote a letter	I was writing a letter
I shall write a letter	I shall be writing a letter
I should write a letter	I should be writing a letter
3) Группа Perfect	4) Группа Perfect Continuous
I have written a letter	I have been writing a letter
I had written a letter	I had been writing a letter
I shall have written a letter	I shall have been writing a letter
I should have written a letter	I should have been writing a letter

Большинство учёных-англистов не разделяют точку зрения о наличии 16 времён у английского глагола. Мы также присоединяемся к взгляду о невозможности включения всех этих 16 форм в категорию времени, так как и Past Indefinite, и Present Perfect, и Past Perfect обозначают действие, законченное в прошлом. Таким же образом формы I shall write, I shall be writing, I shall have written и I shall have been writing указывают на действие, которое происходит в будущем или же формы I write, I am writing обозначают действие, относящееся к настоящему времени. Более того, пары типа: I have written – I have been writing, а также I had written – I had been writing во временном плане ни чем не отличаются друг от друга. Они указывают на действия, которые совершились в прошлом.

Что касается форм типа: I should write, I should be writing, I should have written, I should have been writing, то в координате времени для них нет

места, так как с философской точки зрения существуют три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Поэтому словоформы со вспомогательными глаголами *should* и *would* никак нельзя считать категориальной формой времени английского глагола.

Как пишет Е. С. Трауготт, “лингвистическое время, которое само по себе является не столько временем, сколько выражением осмысления времени говорящим, формирует независимую систему, лишь отчасти связанную со временем, изучаемым физиками, философами, психологами” [153]. Осмысление времени индивидом и его языковая реализация осуществляются тремя способами:

1) при помощи слов или конструкций, обозначающих время. Например: *Баъди як соат хозир кун* (176, с. 125). *Ман ба хона пагоҳ ҳам рафта метавонам* (177, с. 146). *I am leaving again for Port Elisabeth by car to-morrow at dawn* (187, с. 67). *Thus they had often finished their breakfast ... by seven o'clock* (183, с. 119).

В вышеприведенном таджикском примере на отнесённость действия к будущему времени указывает словосочетание *баъди як соат*, а во втором примере об отнесённости действия к будущему времени сообщает наречие *пагоҳ*. Если заменить слово *пагоҳ* на наречие *хозир*, то глагол-сказуемое обозначает действие, относящееся к настоящему времени.

В английском примере глагол употреблён в форме так называемого настоящего продолженного времени, но благодаря конструкции *to-morrow at dawn* данная конструкция обозначает будущее время, а не настоящее. Во втором английском предложении обстоятельственный оборот *by seven o'clock* указывает на законченность действия и его отнесенность к прошедшему времени.

2) Отнесённость действия к тому или иному времени может выражаться контекстуальными средствами. В таких случаях речь идёт о таксисных отношениях между предикативными группами состава предложения. Например: *Одамон ба сари вай рафтанд, ки рӯ ба замин дароз кашида буду аз*

тахти пайкари калонаш берун омада тир меустод (177, с. 192). *I went into the cellar; all the barrels were gone, and of the bottles a most surprising number had been drunk out and thrown away* (192, с. 171).

В таджикском примере время действий *дароз кашида буд* и *тир меустод* определяются по отношению к действию *рафтанд*, а в английском примере таким же образом действия второго и третьего предложений определяются на основе действия, выраженного в первом предложении.

3) Осмысление времени говорящим лицом и его выражение в языке происходит посредством специальных форм глагола. Например: 1) *Every market-girl comes up to me with bunches of flowers* (195, с. 11). – *Дар бозор ҳар як духтари гулфурӯш ба назди ман бо дастагулҳо меояд* (154,13). 2) *They went out into the still, shadowy cloister garden* (195, с. 8). – *Онҳо ба сӯи боғи сокиту пурсоян савмиа* (монастырь. - Г. Р.) *баромада рафтанд* (158, с. 11).

В первой паре примеров об отнесённости действия к настоящему времени сообщают словоформы *comes* и *меояд*. Во второй паре предложений словоформы *went out* и *баромада рафтанд* указывают на отнесённость действия к прошедшему времени.

Во всех трёх вышеуказанных случаях осмысление времени говорящим происходит в момент речи, поэтому время совершения действия исчисляется относительно данного момента. Говорящий может осмыслить истекшее действие и выразить его соответствующими языковыми средствами. Он может осмыслить то действие, которое по времени совпадает с моментом речи. Он также может говорить о действии, которое будет происходить после момента речи. Прошедшие действия могли происходить в разных точках времени в прошлом, т. е. до момента речи. Поэтому нельзя считать временными формами глагола словоформы типа *have (has) written, have (has) being writing, was writing, had written* и *had been writing*, поскольку они выражают такие действия, которые произошли в разных временных точках до момента речи. Эти формы указывают не на время, а на что-то другое, о чём пойдет речь позже. Таким же образом,

словоформы типа *shall/will be writing, shall/will have written, shall/will have been writing* указывают на отнесённость действия к будущему времени. Эти формы также служат для выражения не времени, а других грамматических значений, что будет проанализировано на последующих страницах нашей работы.

Поэтому совершенно правильным является определение категории времени, которое предлагает профессор О. С. Ахманова: “Время – это грамматическая категория глагола, соотносящая действие (процесс) с моментом речи. Момент речи принимается в качестве точки отсчёта для различения трёх грамматических времён: прошедшего – до момента речи, будущего – после момента речи, настоящего – с включением момента речи” [7, с. 87-88].

Исходя из того, что осмысление времени происходит в момент речи, нельзя говорить о функционировании относительных времён, что опирается на определение категории времени рядом лингвистов, которое гласит: “Грамматическая категория времени (*tense*) – отношение действия к моменту отсчёта, которым является, в первую очередь, условный момент речи” [55, с. 52]. Как видно, И. П. Иванова говорит не об отношении действия к моменту речи, а об отношении действия к моменту отсчёта. Соответственно, она находит точку отсчёта в прошедшем времени, а также временной центр в будущем времени.

С таким мнением многие лингвисты не соглашаются, так как любая точка отсчёта времени определяется моментом речи, поскольку говорящий вспоминает о любом действии, произошедшем в разных временных точках именно в момент речи, а не в какой-то временной точке в прошедшем или будущем. Исходя из этого, мы не склонны выделять особые временные формы, которые соотносятся с каким-то временным центром в прошлом или будущем. Исходя из этого, так называемые формы давно-прошедшего времени, прошедшего повествовательного времени, прошедшего длительного времени, прошедшего повествовательного пересказательного

времени в таджикском языке не являются временными формами, не говоря уже о так называемых предположительных временах (**замонҳои эҳтимоли**), (но тут же он в скобках оговаривается, что это наклонение) [74, с. 255-262]. То же самое можно сказать в отношении перфектных, перфектно-длительных и длительных форм английского глагола. Как было отмечено выше, они входят не в категорию времени английского глагола, а они составляют другие грамматические категории глагола, о чём речь пойдет позже.

Таким образом, вслед за профессором А. И. Смирницким, мы разграничиваем три времени у английского, а в таджикском языке предлагаем разграничивать два времени, поддерживая мнение Усмонова К. У.

В английском языке действие, относящееся к настоящему времени, выражается двумя способами: первый способ – это исходная форма глагола для всех лиц и чисел, кроме третьего лица единственного числа. В третьем лице единственного числа к основе глагола прибавляется морфема -(e)s, а в других лицах и числах глагол употребляется без каких-либо окончаний. Например: *I think we are like many* (186, с. 22). *Is there any particular thing you want to see over here?* (там же, с. 28). *He lives in one wing of it* (195, с. 209). *Simply because we know it's no earthly* (186, с. 24). *They work like cart-horses ...* (195, с. 256).

Все эти словоформы в английских грамматиках объединяются под общим названием The Present Indefinite Tense (настоящее неопределённое время). Нам представляется целесообразным назвать их The Non-Continuous Present Tense (настоящее недлительное время). Данное время обозначает три вида действия: 1) Действие, которое совпадает с моментом речи, но оно непродолжительное. Например: *I give you a golden guinea* (монета стоимостью в 21 шиллинг) *for a noggin* (192, с. 22) – **Ман ба ту ба ивази як кружкача ром як гинейи тилло медиҳам** (171, с. 21).

Данное значение этой временной формы, как видно из перевода, передаётся на таджикский язык словоформой *медихам*, которая состоит из основы настоящего времени смыслового глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личным окончанием *-ам*.

2) Оно служит для выражения действия, которое обычно повторяется в настоящем времени: *I never waste good money of mine* (192, с. 23). – *Ман молу чизи чамъ кардаамро аз даст намедихам* (171, с. 22). Как явствует из перевода, и в этом случае данная словоформа передаётся сочетанием префикса *ме-* и личного окончания с основой настоящего времени таджикского глагола.

3) Эта временная форма служит также для обозначения общеизвестных фактов и событий (universal truth): *The Earth moves round the sun* – *Замин дар гирди офтоб давр мезанад*.

И в этом значении The Present Non-Continuous Tense соответствует таджикской словоформе указанного типа.

Кроме того, данная временная форма английского глагола с целью живоописания служит для выражения происходящих в прошлом серии действий. В. В. Гуревич, вслед за другими англистами, называет данный случай употребления этого времени “настоящим историческим” (Historical Present). По его словам, указанная функция этого времени наиболее характерна в изображении ряда прошлых действий последовательной цепи. И он приводит следующий пример: *Suddenly John comes in and says*. Здесь вместо *came and said* употреблено *comes and says*. Кроме того, как правильно подметил этот англист, “существуют контексты, в которых форма настоящего времени вообще не относит действие ни к какому конкретному временному плану. Это обычно связано с наличием скрытых модальных значений: *Do you speak French?* (= can't you speak?); *I tell you it's true!* (= wish to tell you); *I give you a warning!* (= I want this to be a warning to you); *Why don't you tell me the truth?* (= why don't you want to tell me?)” [35, с. 31].

Таджикская словоформа типа *ме-* + *основа глагола* + *личное окончание* также может выражать последовательность действий в прошлом. Например: *Дина соати панҷ ман дар хона менишастам. Ногаҳон дар кушода мешавад ва ба хона ҷавони бист-бисту дусолаи баландқомат медарояд. Ё ба ман салом медиҳаду изҳори муҳаббат нисбат ба духтари ҳабдаҳсолаи ман мекунад ...*

И в вышеприведённых примерах В. В. Гуревича глагольные формы *speak, tell, want* переводятся на таджикский язык вышеприведённой словоформой таджикского языка.

Во всех источниках таджикского языка данная словоформа называется формой настоящего-будущего времени, с чем выражает своё несогласие К. Усманов, мотивируя это тем, что в одной словоформе не могут сосуществовать два противоположных значения настоящего и будущего времён. Поэтому он называет эту словоформу настоящим непродолженным временем, с чем солидарны и мы [102]. Следовательно, можно прийти к заключению о том, что The Present Non-Continuous Tense английского языка соответствует форме настоящего недлительного времени (*замони хозираи ғайридавомдор*) таджикского языка.

Второй способ выражения действия, относящегося к настоящему времени, состоит в английском языке из личных форм глагола *to be (am, is, are)* + *основа глагола* + *морфемы -ing*. Такую словоформу в английских грамматиках называют формой The Present Continuous Tense (настоящее длительное время). Данная временная форма служит для выражения следующих типов действий: 1) действие, которое протекает в данный момент, т. е. в момент речи: *Oh! I'm talking nonsense!* (195, с. 149). – *Хо, ман чӣ гапҳои бёманӣ гуфта истодаам* (158, с. 147). 2) Иногда Present Continuous Tense служит для выражения действия, которое происходит в ближайшем будущем и оно было заранее запланировано: *I am going away on Tuesday* (195, с. 30). – *Ман рӯзи панҷшанбе аз ин ҷо рафта истодаам* (158, с. 31).

Эти два грамматических значения The Present Continuous Tense, как явствует из вышеуказанных переводов, передаётся на таджикский язык при помощи формы причастия предшествования смыслового глагола и вспомогательного глагола *истодан* в форме того же причастия с личными окончаниями (**гуфта истодаам, рафта истодаам**).

Кроме этих двух функций, М. А. Ганшина и Н. М. Василевская находят ещё одну функцию у этой временной формы: “настоящее время длительного вида может быть использовано для выражения действий, постоянно характеризующих субъект. В этой функции оно приобретает эмоциональный колорит” [133, с. 159] и они приводят следующие примеры: “*That’s what you are always saying,*” Geogre. (Gordon). “*He is always thinking about other people.*” (Maxwell) [там же, с. 160].

Данная функция этой временной формы английского языка передаётся на таджикский язык формой инфинитива смыслового глагола в сочетании с модифицирующим глаголом *гурифтан* в личной форме и с префиксом *ме-*, т. е. *I am always saying* и *He is always thinking* соответственно переводятся на таджикский язык *доим гуфтан мегиред, доим фикр кардан мегирад*.

Таким образом, и в английском, и в таджикском языке для выражения действия, относящегося к настоящему времени, используются две разные формы, о различии которых пойдёт речь при рассмотрении категории вида. Это говорит о том, что в этой сфере грамматических категорий глагола между сопоставляемыми языками обнаруживается почти полное тождество, так как для этой цели служат одна синтетическая (*give - медихам*) и одна аналитическая форма (*am talking – гуфта истодаам*). Разница между языками заключается в том, что английская синтетическая форма почти лишена флективных морфем, тогда как в таджикском языке употребляются две такие морфемы: морфема *ме - ... - ам (- ӣ, - ад, - ем, - ед, - анд)*. Кроме того, в составе аналитической формы настоящего времени в английском языке употребляется вспомогательный глагол *to be*, тогда, как в таджикском языке используется вспомогательный глагол *истодан*.

Другая разница состоит в том, что в составе аналитической формы в английском языке сначала идёт вспомогательный глагол, а потом смысловой, а в таджикском языке совсем наоборот.

Для выражения действия, относящегося к прошедшему времени, английский язык использует также две формы: 1) основа глагола + морфема *-ed* для правильных глаголов и различные чередования у неправильных глаголов. У такой глагольной формы полностью отсутствуют личные окончания. Например: 1) *Montanelli changed the subject hastily* (195, с. 31). – *Монтанелли зуд мавзӯи гуфтугӯро дигар кард* (158, с. 32). 2) *I dropped into the hollow, lifted the side of the vent* (192, с. 154). – *Ман лаби чодирро бардошта, ба чукурӣ фуромадам* (171, с. 164). 3) *But now, at last, I had my chance* (192, с. 167). – *Дар охир бахтам тофт* (171, с. 176). 4) *For a moment they sat quiet silent in the darkness* (195, с. 15). – *Дуяшон боз чанд дақиқа дар торикӣ хомӯш нишастанд* (158, с. 17).

Во многих грамматиках английского языка словоформы указанного типа называют формами The Past Indefinite Tense (прошедшее неопределённое время). Мы склонны назвать их формами The Past Non-Continuous Tense.

Данная временная форма английского глагола в основном выражает два вида действия: 1) действие, которое закончилось в определённой точке времени в прошлом и соответственно такое значение подкрепляется при помощи наречий и адverbиальных оборотов типа: *yesterday, last week, ten years ago* и т. д.: *I told you as much yesterday* (186, с. 56). – *Ман дина ба ту чанд бора гуфтам* (перевод информантов). *Two or three days later he heard that Arabella and her parents had departed* (188, с. 76). – *Баъди ду ё се рӯз ӯ шунид, ки Арабелла ва волидайнаш алакай монда рафтаанд* (перевод информантов).

Как видно из перевода английских предложений, указанная временная форма передаётся на таджикский язык при помощи специальной глагольной формой, состоящей из основы прошедшего времени с личными

окончаниями (-ам, -й, -Ø, -ем, -ед, -анд). Способы образования основы прошедшего времени разнообразны и сложны в таджикском языке и здесь глаголы делятся на правильные и неправильные, как в английском языке. Правильные глаголы образуют эту форму при помощи морфемы *-m* или *-d* от основы настоящего времени: *хон – хонд, рав – равт*. У неправильных глаголов происходят сложные процессы чередования и изменения в основе настоящего времени глагола, что подробно описано в работе, изданной под редакцией В. С. Расторгуевой “Основы иранского языкознания. Новоиранские языки” [79, с. 131-142]. Данную форму таджиковеды называют простое прошедшее время. Мы предлагаем использовать для этой временной формы термин прошедшее законченное время. Данная временная форма таджикского глагола обозначает законченное действие в прошлом: *Абумаъшари Балхӣ дар илми ҳайат сиҷанд асар таълиф кард* (173, с. 35). – *Abumashari Balkhi wrote more than thirty works on the science of Cosmology*(перевод информантов)..

Как видно из перевода, данная временная форма таджикского языка переводится на английский язык формой The Past Non-Continuous Tense.

Форма The Past Non-Continuous Tense имеет и другую функцию. Она обозначает действие, которое повторялось в прошлом. Повторяемость действия дополнительно маркируется при помощи наречий типа: *often, always, usually*, а также другими синтаксическими средствами. Такое действие обычно выражается формой The Past Non-Continuous Tense неопределённых глаголов: *The hamlet lay not many hundred yards away ...* (192, с. 30). - *Қишлоқча аз мо дар як чанд ярд дуртар меҳобид* (171, с. 28). *She always knew what not to say, even when we were babies* (195, с. 10). – *Ӯ ҳамеша, ҳатто замоне, ки дуямон хурдсол будем, хуб медонист аз чӣ хусус набояд суҳан ронд* (158, с. 13).

Как видим из перевода этого предложения на таджикский язык, эквивалентом данной функции, указанной временной формой английского глагола является словоформа, состоящая из трёх значимых единиц:

префикс *ме-*, который указывает на длительность или повторяемость действия, 2) основа прошедшего времени смыслового глагола, 3) личные окончания (**мехобид**, **медонист**). В наших примерах в качестве личного окончания глагола выступает нулевая морфема.

Таким образом, форма The Past Non-Continuous Tense передаётся на таджикский язык двумя словоформами: одна из них указывает на законченность действия, а другая на его повторяемость.

Другой способ выражения прошедшего действия в английском языке представляет собой сочетание личной формы вспомогательного *to be* в прошедшем времени в сочетании с формой Participle I смыслового глагола. Например: *Just while I was meditating, a puff came, caught the “Hispaniola”, and forced her up into the current* (192, с. 159). – *Ҳанӯз ки ман таъхир карда меистодам ба ногоҳ тӯфон ҳамла карда “Испаниола”-ро ба муқобили ҷараёнӣ об тела дод* (171, с. 66). *Two English artists were sitting on the terrace* (195, с. 25). – *Дар айвон ду рассоми англис менишастанд* (158, с. 26).

Данная временная форма в английских грамматиках называется The Past Continuous Tense. Она обозначает действие, которое продолжалось в определённой точке времени в прошедшем. Как видно из вышеуказанных переводов, она передаётся на таджикский язык двумя способами: 1) сочетанием формы причастия предшествования со вспомогательным глаголом *истодан*, который принимает префикс *ме-* и личное окончание к своей форме основы прошедшего времени: **ме + истод + анд**. Такая форма глагола не комментируется в источниках по грамматике таджикского языка, но широко употребляется в разговорной речи таджиков, хотя иногда попадает и в книжный литературный язык. Поскольку самой длительной формой таджикского глагола является новообразование, возникшее в годы советской власти, формы типа *таъхир карда меистодам* относятся к более позднему времени развития таджикского языка в указанном переводе. Поэтому она находится на стадии проникновения в таджикский литературный язык. Данная форма указывает на действие,

которое продолжалось в какой-то точке времени в прошедшем и называется действие без своего предела. Возникновение этой формы связано, очевидно, с тем, что словоформа типа *мехондам* обозначает два вида действия. В зависимости от контекста или предельности или неопределенности глагола она обозначает действие либо повторившееся, либо продолжавшееся в прошлом: *Арслонали дар назди ҳол интизори маҳбубии худ меистод* (177, с. 184). Здесь словоформа *меистод* выражает длительное действие. Кстати, глагол *истодан*, будучи неопределенным, может выступать в качестве смыслового глагола, как в нашем примере, либо в функции вспомогательного глагола. Наоборот, в примере: - *Амакатонро медонам, ҳаққи мардумхӯре буд. Аз тарозую аз пул мезад* (там же, с. 214), словоформа типа *мезад* указывает на действие, которое повторялось в прошедшем.

Думается, что вторая функция словоформы типа *мехондам* будет замещена словоформой типа *хонда меистодам*.

Во втором примере словоформа *were sitting* передается на таджикский язык словоформой *менишиастанд*. Данная форма, как мы уже отметили выше, здесь проявляет свою вторую функцию – указание на продолжившееся действие в прошлом. Данная форма в таджикских грамматиках называется прошедшее повествовательное время (*замони гузаштаи хикоягӣ*). Нам представляется, что пока следует сохранить за данной формой указанный термин, а новообразование типа *таъхир карда меистодам* следует назвать “*замони гузаштаи давомдор*”.

Таким образом, в английском языке для выражения прошедшего действия используются две формы (*worked, was working*), разница между которыми будет проанализирована при рассмотрении категории вида. А в таджикском языке для выражения прошедшего действия используются три формы: *навиштам, менавиштам, навишта меистодам*. Первая форма английского глагола соответствует таджикским формам первого и второго

типа, а вторая форма английского глагола может передаваться либо формой второго, либо третьего типа.

Для выражения будущего времени в английском языке используются два ряда форм: 1) shall/will + инфинитив без частицы *to*, 2) shall/will + be + Participle I смыслового глагола.

Первая форма служит для выражения двух видов действия: 1) действие, которое заканчивается после момента речи в определённой точке времени: *She will be down in a few minutes* (195, с. 98). – *Хонум баъд аз чанд дақиқа поён мефуроянд* (158, с. 97). *I shall be late at the hospital* (195, с. 158). – *Ман ба касалхона дер мемонам* (158, с. 155). *I'll come to your office as soon as I obtain their consent to the plan* (188, с. 56). – *Хамин ки розигии онро нисбати ин нақша мегирам ман ба идораи шумо меоям* (перевод информантов). В этих трёх примерах словоформы *will be down*, *shall be late*, *'ll come* переданы на таджикский язык словоформами *поён мефуроян, дер мемонам, меоям*. Эти и подобные словоформы называются в таджикском языке формами настояще-будущего времени [74, с. 268]. Такие формы не могут обозначать действия, относящегося к двум временным сферам – настоящему и будущему. Поэтому в таджикском языке отсутствует специальная грамматическая форма, обозначающая отнесённость действия к будущему времени. На такое значение в таджикском языке указывается при помощи либо контекста, либо наречия, либо обстоятельственных оборотов, которые относят действия к будущему времени. В наших примерах эту функцию берут на себя контекстуальные условия вышеприведённых предложений. Возьмём два примера из таджикского языка: 1) *Акнун баъди андак вақт сохиби хонаву чо шуда метавонед* (177, с. 168). Здесь на отнесённость действия *шуда метавонед* указывает обстоятельственный оборот *баъди андак вақт*. 2) *Ман харакат мекунам, ки аз кор зудтар баргардам. Бо ҳамроҳии ту зиёфати Марияро хӯрда, баъд ба пеши муаллим меравем* (160, с. 179).

Как было указано выше, на будущность действия указывает также аналитическая форма типа *shall/will be writing*, которая обозначает действие, продолжающееся в будущем в определённой точке или периоде времени в будущем. Например: *I shall be cleaning it up when you come with my things* (185, с. 119). – *Вақте, ки ту чизҳои маро меорӣ, ман инро тоза карда меистам* (перевод информантов). Из перевода вытекает, что указанная словоформа передаётся на таджикский язык при помощи формы причастия предшествования в сочетании со вспомогательным глаголом *истодан*, к которому прибавляется префикс *ме-* и личные окончания. Данная форма также является новообразованием в таджикском языке, которое ещё не включено в грамматические источники таджикского языка, но они встречаются и в разговорной речи, и частично, в таджикской художественной литературе.

Других форм для выражения будущего времени в таджикском языке нет. В работе Н. Масуми, а также других источниках по таджикской грамматике упоминается функционирование будущего далёкого времени (*замони ояндаи дур*) или будущее литературное время [74, с. 269]. Как отмечает К. Усмонов с таким мнением нельзя согласиться, так как данная точка зрения противоречит определению понятия грамматической категории. В одной грамматической форме не могут сосуществовать два противоположных значения одной грамматической категории. Так например “*мехонам*” не может обозначать действие, относящееся и к настоящему и к будущему времени. В природе наблюдается такое же положение – одно лицо не может быть и женщиной и мужчиной, один цвет не может быть и белым и чёрным, действие “идти” не может обозначать “приходить”, один фрукт не может быть и яблоком и грушей. Такая двусмысленность противоречит законам материи и жизни.

Исходя из этого нельзя считать словоформу типа “*мехонам*” формой и настоящего и будущего времени. Данная словоформа вне контекста обозначает только действие, относящееся только к настоящему времени,

поэтому она входит в парадигму настоящего времени таджикского глагола [105, с. 121-122]. Далее К. Усмонов продолжает, что форму типа “**хохам хонд**”, считаемую в таджиковедении формой будущего далёкого времени (**замонаи ояндаи дур**) [74, с. 269] нельзя отнести в парадигму категории времени. К. Усмонов приводит следующие аргументы:

- 1) Данная словоформа не обозначает реальное действие, т. к. его выполнение не известно. Поэтому к предложению “*Ту нагоҳ китоб хоҳи хонд*” нельзя поставить вопрос “*Ту нагоҳ китоб хоҳи хонд ми?*” Такой вопрос нельзя поставить и к высказыванию “*Ў дина китоб хондагист*”, т. к. глагол-сказуемое “**хондагист**” подобно словоформе “**хохад хонд**” обозначает нереальное действие.
- 2) Словоформа “**хохам хонд**” почти не употребляется в речи таджиков. Она изредка употребляется в высоком литературном стиле.

И в историческом плане данная словоформа не может обозначать будущего времени, о чём пишет Э. Бенвенихт. Он также полагал, что “эти формы (настоящего-будущего времени Г. Р.) в согдийском, в отличие от других иранских языков не могут выражать будущее время [80, с. 484].

Согласно известному теоретику Дж. Лайонзу, выражение понятия “будущего” в английском и других языках (выделено нами Г. Р.) связано в равной степени как с наклонением, так и с категорией времени, ибо утверждения о будущих событиях обязательно основываются на вере, предсказании или намерениях говорящего, а не на знании фактов [68, с. 382].

Кроме вышеуказанных доводов можно сослаться на взгляд крупных советских лингвистов О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степанова, которые пишут: “Временные формы будущего времени служат для выражения действия, которому предстоит осуществиться. Поскольку с будущим связаны известная неуверенность, представление лишь о вероятности, т. е. как о возможности и невозможности осуществления действия. Формы будущего времени имеют довольно разнообразную и порой яркую

модальную окраску. В подобном употреблении модальное значение выступает на первый план (выделено нами Г. Р.), а временная отнесённость к будущему стирается” [20, с. 159].

Исходя из вышесказанного, мы вслед за К. Усмоновым выдвигаем гипотезу о том, что словоформу типа “**хохам хонд**” следует включать в парадигму категории условно-желательного наклонения таджикского языка.

Таким образом, для выражения будущего действия в английском языке употребляются две формы (*shall/will + infinitive, shall/will + be + ing-form*), разница между которыми будет освещена при анализе категории вида. В таджикском языке для выражения действия, относящегося к будущему времени, служат наречия времени, обстоятельственные обороты или контекстуальные условия. Кроме этого, в таджикском языке для выражения продолжающегося в будущем действия возникла новая аналитическая форма типа *хонда меистам*. Формы типа *мехонам, менависам* никак нельзя считать средством выражения будущего времени, так как они являются формой только настоящего времени. Английскую форму типа *shall/will come* следует назвать как будущее недлительное время, а форму *shall/will be writing* формой будущего длительного времени.

3.2. Категория вида в таджикском и английском языках

Данная категория считается в сопоставляемых языках дискуссионной и многогранной. Категория вида наиболее чётко и глубоко исследована на материале русского и других славянских языков. А в английском и таджикском языках видовое значение переплетается с временным. Кроме того, одно видовое значение может выражаться двумя или более формами глагола. К тому же у большинства английских глаголов обнаруживаются особые значения предельности и неопределённости выражаемого глаголом действия. У таджикских глаголов также наблюдаются эти два аспектуальных значения. Кроме того, в таджикском языке имеются некоторые глаголы, которые, присоединяясь к другому смысловому

глаголу, выражают различные аспектуальные значения. Например: *Дар Исфара ӯ ногаҳон Содирҳони Ҳофизро дида мемонад* (177, с. 180). *Дар Хучанд инро ҳар кас ба ҳар мақом гирифта хонда мегардад* (там же, с. 190). В этих примерах глаголы *мондан* и *гаиштан*, потеряв свои лексические значения, служат для выражения аспектуальных значений. Глагольный модификатор *мемонад* указывает на мгновенность действия *дидан*, а модификатор *гаиштан* обозначает повторяемость действия *хондан*. Н. Масуми сочетание этих и им подобных глагольных модификаторов со смысловым глаголом относит к категории вида [74, с. 222-229]. В результате он в таджикском языке находит два вида: перфектный или совершенный вид (**намуди мутлақ**) и длительный вид (**намуди давомдор**) [там же, с. 221]. Такие образования указывают на способ действия. Более того, они не носят системный характер. Например, можно сказать *дида монд*, но сказать *парида монд* нельзя. Можно сказать *даронда партофт*, но *гирёнда партофт* невозможно. Это значит, что в таджикском языке грамматические категории вида не отграничиваются от лексической категории способа действия. Только типолог Н. Хамроалиев подметил разницу между этими двумя категориями таджикского глагола. Он писал: “Видовое значение выражается грамматическими средствами, а способ глагольного действия представляет собой лексическую абстракцию” [112, с. 113]. Н. Хамроалиев находит в современном таджикском языке трёхчленную грамматическую категорию вида: 1) немаркированный общий вид, 2) перфектный вид, 3) длительный вид. А в английском языке он присоединяется к тем учёным, которые разграничивают четыре глагольных вида: общий, длительный, перфектный и перфектно-длительный [там же, с. 140].

Всё это говорит о том, что глагольный вид в таджикском языке не получил достаточно глубокого и всестороннего анализа, не говоря уже о лексической категории способа глагольного действия. Только в монографическом исследовании профессора П. Джамшедова даются общие

сведения о данной лексической категории в таджикском, английском, русском и шугнанском языках [39].

В англистике мнения учёных относительно категорий вида неоднородны. В частности, В. Н. Ярцева в своей ранней работе говорит об отсутствии грамматических средств выражения видовых значений [121, с. 143]. Такой же точки зрения придерживается Б. М. Балин [8]. Английский учёный Г. О. Керм находит в английском языке следующие видовые значения: 1) дуративный, 2) однократный с его подвидами: ингрессивный и эффективный, 3) терминативный и 4) итеративный. Эти видовые значения он объединяет в две группы: терминативный и прогрессивный [127, с. 378 – 386].

Интересную систему вида выдвигает профессор И. П. Иванова. Она говорит о четырёх глагольных разрядах и из этих четырёх разрядов три имеют видовые значения: длительный разряд, перфектный разряд и перфектно-длительный разряд [54].

Профессор Г. Н. Воронцова находит в английском языке основной или неопределённый вид, длительный вид и перфектный (преемственный) вид [25].

Большинство англистов придерживаются мнения о наличии общего и длительного видов. Данная точка зрения была выдвинута профессором А. И. Смирницким [95]. Его поддерживают М. А. Ганшина и Н. М. Василевская [133], Л. С. Бархударов и Д. А. Штеллинг [11], Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская [140], Б. А. Ильиш [135]. А. К. Корсаков в своей докторской диссертации также находит два вида и их он называет статическим и динамическим видами [63, с. 62].

Таким образом, одни таджиковеды (Н. Масуми и его последователи) находят два вида у таджикского глагола: перфектный и длительный, а другие (Н. Хамроалиев и его единомышленники) разграничивают три вида: общий вид, длительный вид, перфектный вид. А у английского глагола находят от двух до четырёх видов. В нашей работе мы придерживаемся

точки зрения о двухчленности категории вида английского глагола и трёхчленности категории вида в таджикском языке. Ими являются в английском языке: общий вид и длительный вид, а в таджикском языке ими являются: общий вид, длительный вид и перфектный вид. В таджикском языке перфектный вид наблюдается в формах только прошедшего времени. В форме настоящего времени значение перфектного вида отсутствует, т. к. в момент речи действие не может быть завершённым.

В таджикском языке словоформы типа *менависам* и *менавиштам* следует отнести к общему виду, а словоформы типа *хондам*, *хондаам* указывают на завершённость действия. Их следует отнести к перфектному виду. Словоформы же типа *хонда истодам*, *хонда меистам*, *хонда меистодам* обозначают длительное действие. Например: *Вай ин дафъа пуштноки рафта ба даруни чӯ афтод* (177, с. 225). - *Файр аз ин амак, ман ўро дӯст медорам* (169, с. 129). *Вай ... дар инчо хӯрокхурӣ омадааст* (там же, с. 52). *Тарсу ҳароси номаълум дами ҳар як азми ўро зуд мегардонданд* (176, с. 32). *Дилам аз ангишт беҳузур шуда истодааст* (177, с. 111).

Наш фактологический материал из таджикского языка показывает, что видовые формы глагола могут обозначать следующие виды действия: действие повторяющееся, действие постоянное или общеизвестные факты (universal truth), что характерно для формы глагола под названием настоящее недлительное время. Например: 1) *Шумо, мардон, дар ҳар қадам хиёнат мекунад* (177, с. 6). 2) *Шогадоро одамон гӯристонӣ ҳама сиру савдои ферма мегӯянд* (176, с. 11). 3) *Кас баъзан аз ишддати мондагӣ ҳамин хел хобҳои вазнини ногувор мебинад* (167, с. 215).

Если исходить из известного определения категории вида, как “показывающую характер протекания действия во времени и выражающую отношение действия к его внутреннему пределу” [87, с. 53], то в первом примере словоформа *хиёнат мекунад* обозначает повторяющееся действие, а форма *мегӯянд* обозначает действие с неопределённым пределом, в третьем предложении *хоб мебинад* указывает на повторяющееся действие.

В английском языке в сфере настоящего времени имеется также специальная форма глагола, указывающая на повторяющееся, постоянное действие или на общеизвестные факты:

1) “*Woman can change better’n a man*”, *Man said soothingly* (191, с. 422). 2) *He always works at night* (там же, 345). 3) *My dog bugs a lot* (194, с. 152).

4) *High noon returns the mind*

Upon its local fact:

Dry grass and sand; we find

No vision to distract (181, с. 231).

5) *I am sick of this life of furnished rooms.*

I am sick of having colds and headaches:

You know my strange life. Every day brings

Its quota of wrath. You little know

A poet’s life, dear Mother: I must write poems,

The most fatiguing of occupations. (181, с. 369).

В первом примере словоформа *can change* обозначает действие с неопределённым пределом. Во втором и третьем примерах глаголы *works* и *bugs* обозначают повторяющиеся действия. И в четвёртом примере глагольная словоформа *turns* указывает на действие, предел которого остаётся неопределённым. В пятом примере почти все глагольные формы служат для выражения состояния субъекта или его характеристики. Следовательно, и здесь глаголы обозначают действие и состояние без конкретного предела.

Такие глагольные формы в предыдущем параграфе мы называли формами настоящего недлительного времени. Такое название приписано данной форме, так как она обозначает действие или состояние, которое не обозначает ни длительное, ни законченное действие, поэтому здесь следует говорить о категориальной форме недлительного вида.

Данная форма может служить не только для выражения действия настоящего времени, предел которого неизвестен, но, так же, как

таджикская форма “**замони хозираи ғайридавомдор**” (настоящее недлительное время), может указать на отнесённость действия к прошедшему времени. И такое время, как мы отметили выше, называется “Historical present”. Например: *Let me remember how it used to be, and bring one morning back again. I come into the second-best parlour after breakfast, with my books, and an exercise book, and a slate. My mother is ready for me at her writing desk, but not half so ready as Mr. Murdstone in his easy-chair by the window (though he pretends to be reading a book), or as Miss Murdstone, sitting near my mother stringing steel beads. The very sight of these two has such an influence over me that I begin to feel the words I have been at infinite pains to get into my head, all sliding away, and going I don't know where* [180, 255]. В этом драматическом живописании глагольные формы *come, pretends, begin, don't know* обозначают действия, внутренний предел которых не определён, т. е. они не обозначают ни длительное, ни повторяющееся, ни постоянное действие. Это значит, что у них нет чёткого видового значения.

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что между таджикскими и английскими языками обнаруживается полное сходство в проявлении видового значения в сфере настоящего недлительного времени. Для подтверждения этой мысли можно привести пару переводных примеров: 1) *I hate you all! You come here talking politics to him; and he lets you sit up the night with him and give him things to stop the pain* (195, с. 163). – **Ҳамаи шумоёнро бад мебинам. Шумоҳо меоед, ки бо вай дар бораи сиёсат баҳс кунед ва ӯ ба шумоҳо иҷозат медиҳад, ки нигохубинаш кунед** (158, с. 161).

2) **Вале ман он гуломам, ки на исён мекунам, на шӯр,
На бо ту мекунам чангу на аз ту мешавам ман дур.**

Ҳамеша бо ту механдам, ҳамеша бо ту мегириям (172, с. 76).

– *But I'm that slave who finds his joy in what his fate must be.*

If losing you meant living free, I'd choose to live unfree.

If you so wish I'll come to naught, or, if you wish to frame (там же, с. 77).

3) - *He's quite an honest man, Tom Morgan, only stupid*

- *Honest people don't deceive others. Morgan deceived me once* (192, с. 60).

- *Ин Том Морган бисӣёр одами софдил, аммо хеле аҳмақ.*

- *Одамони софдил касро фиреб намедиханд, вале ӯ маро фиреб дода буд* (171, с. 62).

Как явствует из первого примера, эквивалентные словоформы исследуемых языков (*come* – **меоед**, *lets* - **ичозат медихад**) обозначают повторяющиеся действия, т. е. они обозначают действие с неопределённым пределом. И во втором примере таджикские словоформы **мешавам**, **мекунам механдам**, **мегириям** и их английские эквиваленты *find*, *must be*, *choose* указывает на видовое значение повторяемости действий. В третьем примере в обоих языках глаголы *don't deceive* и **фиреб намедиханд** выражают общеизвестные факты и поэтому выражаемые ими действия представляются в видовом отношении неопределёнными.

Таким образом, в сфере настоящего времени глаголы обоих языков, как правило, обозначают действия, внутренние пределы которых остаются невыраженными.

И в прошедшем времени функционируют глагольные формы, которые обозначают повторяющиеся действия, которые выражаются в таджикском языке глагольной формой типа **метасфонд**, **мегирифт**, **мехӯрд** и т. п. Например: *Гармои тоқатфарсои тобистон вагонҳоро мисли мис метасфонд* (177, с. 5). *Гармӣ нафасро мегардонд* (там же, с. 5). *Родзинский ҳам ҳар рӯз бо ваъдаю васоити бисёре кисаи Алёнаро бо чормағзи пуч пур мекард* (167, с. 431). *Ин ҳолати ин ҳайвонот чи қадар пазмон буданашон офтобро ва чӣ қадар аз офтоб баҳра гирифтанашонро нишон медод* (156, с. 424).

В этих примерах словоформы **метасфонд**, **мегардонд** обозначают действия с неопределённым пределом, а глагольный фразеологизм **бо мағзи пуч пур мекард** указывает на повторившееся действие, словоформа же **нишон медод** выражает постоянное действие.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в сфере и настоящего и прошедшего времён глагол с префиксом **ме-** может обозначать три

видовых значения: повторяемость действия, действие с неопределённым пределом и постоянное действие. Эти видовые значения можно объединить в одну категориальную форму общего вида. Он образуется в таджикском языке от основы настоящего времени глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личных окончаний глагола, если эти видовые значения относятся к сфере настоящего времени, но если они указывают на эти видовые значения в сфере прошедшего времени, то категориальная форма общего вида образуется от основы прошедшего времени смыслового глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личных окончаний глагола.

Следует отметить, что в выражении трёх вышеуказанных значений словоформ типа *метасфонд* участвуют не только вышеуказанные маркеры, но и контекстуальные условия, так как эта словоформа может обозначать под воздействием контекста и длительное действие, о чём свидетельствуют следующие примеры: *Дехаи Березовичи дар оғӯши зулмат мехобид* (167, с. 294). *Ба болои ин аз пешгоҳи хона овози якнавохти патефон мебаромад, ки сӯзанаи ба рахи хӯрдашудаи қарта расида, дар як мақом чарх мезад* (там же, с. 359). О данной функции этих словоформ будет подробно идти речь при рассмотрении длительного вида таджикского глагола.

Возвращаясь к трём вышеуказанным значениям словоформ типа *мекард*, отметим, что эти значения можно объединить в одну видовую семантику, которую можно назвать общим видом таджикского глагола. Эти видовые значения проявляются в формах настоящего и прошедшего времён таджикского глагола.

И в английском языке наблюдается почти такая же картина. Обращаемся к языковому материалу: 1) *Sometimes he fell and cut himself; sometimes he lay all day long in his little bunk at one side of the companion; sometimes for a day or two he would be almost sober and attend his work at least passably* (192, с. 71-72). – *Ў дам ба дам мегалтид ва маиб мешуд. Вақтҳое мешуд, ки тамоми рӯз дар рӯи кат хобида, ҳеҷ аз ҷояи намехест. Албатта, инчунин вақтҳое мешуд, ки ду рӯз, қариб тамоман хушёр мегаишт ва он вақт*

вазифаҳояширо як навъ ичро мекард (171, с. 75). 2) *The Gadfly certainly knew how to make personal enemies* (195, с. 134). – *Фурмагас албатта чи хел душманони шахсӣ пайдо карданро медонист* (158, с. 133). 3) *Over tea Lenny realized that Cape Town practically belonged to England* (180, с. 186). – *Дар болои чой Ленни дард кард, ки шахри Кейптаун ба Англия мутаалиқ будааст* (перевод информантов).

В первом примере английские словоформы *fell, cut, lay* и их таджикские эквиваленты *мегалтид, маиб мешуд, намехест* обозначают повторившееся действие в прошлом. А во втором примере глаголы-сказуемые *knew* и *медонист* обозначают постоянное действие. В третьем же примере, *belonged* и *мутаалиқ будааст* указывают на общеизвестные факты. Если для выражения этих трёх видовых значений таджикский язык использует глагольную основу прошедшего времени в сочетании с префиксом *ме-* и личными формами глагола, то в английском языке правильные глаголы принимают морфему *-ed* (*belonged*), а неправильные глаголы подвергаются чередованию одного или более звуков (*knew, fell, lay*). Такие словоформы мы в предыдущем параграфе называли формами The Past Non-Continuous Tense, а таджикские образования типа *ме- + основа прошедшего времени + личное окончание* называли формами прошедшего недлительного времени. Следовательно, эти временные формы двух языков служат для выражения общего вида таджикского и английского языков. Разница в том, что данная форма таджикского языка может выражать и длившееся действие, о чём было сказано выше. В отличие от указанной формы таджикского глагола, форма прошедшего недлительного времени английского языка в зависимости от контекста и предельности или непредельности глагола может обозначать и законченное действие, о чём свидетельствуют следующие примеры: *At the same moment, another pirate grasped Hunter's musket by the muzzle, wrenched it from his hands, plucked it through the loophole, and, with one stunning blow, laid the poor fellow senseless on the floor* (192, с. 147). – *Дар худди ҳамин лаҳза дузди дигар милтикро аз дасти Гентер кашида*

гирифт, аз милли милтиқ даст гирифта, чунон бо кундоқи вай Гентерро зад, ки бечора бехуш шуда афтод (171, с. 154).

Как видно, словоформы *grasped, wrenched, plucked, laid* обозначают видовую семантику предельности действия. Таджикские соответствия этих словоформ (*кашида гирифт, зад, афтод*) также обозначают действие с пределом. У подобных словоформ таджикского языка в отличие от форм прошедшего недлительного времени отсутствуют видовые значения неопределённости предела, повторяемости действия и постоянство действия отсутствует. Поэтому их верно относят к категориальной форме другого вида, о чём пойдёт речь ниже. Поскольку у данной формы английского языка совмещаются в зависимости от контекста значения завершённости действия, его повторяемости и др., в грамматических источниках английского языка их объединяют в один вид под названием “общий”.

Таким образом, в сфере прошедшего времени в общий вид попадает словоформа, состоящая из префикса *me-* + основы прошедшего времени и личных окончаний. У такой формы под воздействием контекста проявляется и другое видовое значение, о котором пойдёт речь позже, а в указанной английской словоформе совмещаются видовые значения предельности действия с видовым значением неопределённости или повторяемости действия. У этой формы отсутствует видовая семантика длительности действия. Поэтому при рассмотрении категории времени мы дали такой форме название прошедшее недлительное время. Такое же название получила рассмотренная форма таджикского глагола, так как в ней в основном обнаруживается значение неизвестности предела выражаемого ею действия. Это говорит о том, что в сопоставляемых языках в сфере прошедшего времени функционирует общий вид. Данное видовое значение обнаруживается также у глаголов настоящего времени английского языка, о чём пойдёт сейчас речь.

В английском языке функционирует особая форма глагола, входящая в парадигму общего вида. Она состоит из сочетания вспомогательных глаголов *shall* и *will* с основой инфинитива вспомогательного глагола. Например: 1) *I'll tell you in a minute* (195, с. 206). - **Ман ба шумо иноро баъди як дақиқа мегӯям** (158, с. 204). 2) *I'll have an eye upon you day and night* (192, с. 15). – **Ман аз болои шумо шабурӯз назорати хеле сахт мекунам** (171, с. 12). В первом примере видовая форма *'ll (shall) tell* обозначает действие, которое достигнет своего предела, что обнаруживается и в таджикском языке. Во втором примере, наоборот, глагол-сказуемое *'ll (shall)* обозначает действие, которое не достигнет своего предела, оно будет повторяться в будущем. Такая же видовая семантика обнаруживается в таджикском эквиваленте этого предложения. Но, следует отметить, что в таджикском языке нет специальной формы, указывающей на заканчивающееся или повторяющееся действие в будущем времени. Эти видовые значения в таджикском языке выражаются контекстом или наречиями, обстоятельственными оборотами. В частности, в первом примере о законченности действия в будущем времени сообщает обстоятельство *in a minute*, а во втором примере слова *day and night* указывают на повторяемость действия.

Указанную словоформу английского языка мы называем формой недлительного вида будущего времени, так как данная форма выражает всевозможные видовые значения, кроме длительности.

Как в английском, так и в таджикском языке функционируют особые формы глагола в настоящем, прошедшем и будущем временах, которые обозначают длительные действия. Вот два примера из сопоставляемых языков, которые обозначают продолжающееся действие в настоящем времени: 1) **Ана одамони ҳукумат гуфта истодаанд, ки зиндагӣ чунон нағз мешавад** (177, с. 68). – *You see, the representatives of the government are saying that the life will be very flourishing* (перевод информантов). 2) *I am preparing an essay on contemporary theology for the n-n-new paper* (195, с. 181). – **Ман барои**

як рӯзномаи нав мақолачаи хурде дар бораи дин тайёр карда истодаам (158, с. 179).

Как видим, между сопоставляемыми языками обнаруживается полный изоморфизм. В таджикском языке для выражения длительного действия в настоящем времени употребляется вспомогательный глагол **истодан** в личной форме и форма причастия предшествования смыслового глагола (**гуфта истодаанд**), а в английском языке для этой цели используется вспомогательный глагол *to be* в личной форме настоящего времени и форма причастия настоящего времени смыслового глагола (*are saying*). Разница только в том, что вспомогательный глагол в таджикском языке стоит после смыслового глагола, а в английском языке наоборот. Об этом тождестве говорит также и пример на английском языке с его переводом на таджикский язык. Ср.: *am preparing* - **тайёр карда истодаам**.

В предыдущем параграфе мы говорили о том, что в настоящем, прошедшем и будущем (только в английском) временах имеются по две формы. Причиной этому является то, что во временном плане каждая пара указывает на одно и то же время, но они различаются в аспектуальном плане, т. е. первая форма в каждой из трёх пар указывает на недлительность, а вторая на длительность действия. В сфере прошедшего времени для обозначения длительного действия в английском языке употребляется одна форма, состоящая из личных форм глагола *to be* в прошедшем времени в сочетании с причастием I (*I was reading, we were reading*). А в таджикском языке для этого употребляются две формы: 1) приставка *ме-* + основа прошедшего времени + личное окончание (**мехондам**); 2) причастие предшествования + (приставка *ме -*) + глагол *истодан* в личной форме (**хонда меистодам**). Например: 1) *Arthur was reading hard and had little spare time* (195, с. 28). – **Артур бисёр мутолиа мекард, вақти холи надошт** (158, с. 30). 2) ... *аз ҷузъгири дар бағалаш буда як тахта коғаз бароварда дар сари он коғаз калимаҳои “деҳаи М. ёбони Қоқо”-ро навишт ва ба амин нигоҳ карда истод* (156, с. 161).

Пример на английском языке и его таджикский перевод свидетельствуют о том, что форма длительного вида прошедшего времени английского языка передаётся на таджикский язык при помощи словоформы типа *ме- + основа прошедшего времени и личное окончание глагола*: *was reading – мутоила мекард*. А в таджикском примере значение длительности действия в прошедшем времени передано посредством аналитической формы *нигоҳ карда истод*, которая передаётся на английский язык как *was looking*. Как явствует из этого анализа, одной видовой форме английского языка в прошедшем времени соответствуют две формы в таджикском языке: *нигоҳ карда истод, мутоила мекард*. Причиной тому является, очевидно, то, что словоформа типа *мутоила мекард* в видовом отношении двусмысленна. В одном контексте она указывает на повторившееся действие, а в другом контексте на продолжавшееся действие. Поэтому, носители таджикского языка в годы советской власти выработали новую форму типа *нигоҳ карда (ме)истод*. Данная форма часто используется в разговорной речи, но, начиная с работ С. Айни, она начала проникать и в литературный язык, однако, эта форма не нашла своё место в грамматиках таджикского языка.

В сфере будущего времени в английском языке функционирует особая глагольная форма, выражающая значение длительного вида. Ею является сочетание вспомогательных глаголов *shall/will + вспомогательный глагол to be + причастие I смыслового глагола (shall/will be writing)*. Например: - *I must go, Padre; the students will be waiting for me* (195, с. 31). – *Ман бояд биравам, донишҷӯён ба ман интизор мешаванд* (158, с. 33).

В таджикском языке нет специальной формы, обозначающей длительное действие в будущем времени. Как явствует из перевода, в таджикском языке как эквивалент *will be waiting* выступает словоформа *интизор мешаванд*. Эта словоформа обозначает обычно повторяющееся действие настоящего времени, поэтому в данном случае отнесённость длительного действия в будущем времени выражается в таджикском языке контекстуальными условиями, а также при помощи соответствующих

адвербиальных оборотов. Для выражения длительного действия в будущем времени в разговорной речи таджикского языка появилась новая форма, которая состоит из формы причастия типа *хонда* + (префикс *ме-*) + основа настоящего времени вспомогательного глагола *истодан* с личным окончанием: *хонда (ме)истам*. Например: - *Агар натарсӣ, ҳо, ана ба он чо, ба сари роҳ рафта ист* (177, с. 301). *Агар об бозӣ кардан хоҳед ба лаби дарёчаи мо биёед. Ман шуморо дар соати чор дар инчо интизор шуда меистам* (169, с. 97).

Таким образом, в сопоставляемых языках существует длительный вид, у которого имеется определённая форма, представляющая собой аналитическую форму, а также своё определённое значение, указывающее на продолжающееся действие в настоящем, прошедшем и будущем временах. В таджикском языке в сфере прошедшего времени для обозначения длительного действия употребляются две глагольные формы против одной формы английского языка. В сфере будущего времени данное видовое значение выражается здесь контекстом или лексическими средствами. Однако, в разговорной речи употребляется специальная аналитическая форма для этой цели.

3.3. Проблема английских перфектных форм глагола и их таджикские соответствия.

В английском языке функционируют два ряда форм в сфере прошедшего, настоящего и будущего времени. Их называют соответственно формами собственно перфектное время и перфектное длительное время. У этих форм имеется также так называемое “будущее в прошедшем время”. Статус этих форм в системе английского глагола становился предметом многочисленных дискуссий. В частности, Г. Суит [152], Г. Поутсма [149], М. Брайант [124], Р. Зендвурт [155], Н. Ф. Иртеньева [58], М. А. Ганшина, Н. М. Василевская и др. относят формы перфекта в парадигму категории времени и считают их относительными временными формами. Другие англисты, такие как О. Есперсен [136], И. Крейзинга [144],

Г. Н. Воронцова [25], В. Н. Ярцева [121], А. Корсаков [63], И. П. Иванова [54], Г. А. Резниковская [86], Н. Хамроалиев [112] считают, что перфектные формы английского глагола следует отнести к категории вида.

Американский лингвист М. Джуз в формах перфекта находит совсем другую грамматическую категорию, которую он называет “category of phase” (категория фазы). Данная категория, по его мнению, зиждется на основе противопоставления перфектных и неперфектных форм глагола [138].

Профессор М. Я. Блох считает, что перфект служит для соединения двух временных точек, поэтому он относит перфект к категории ретроспективного сочинения (retrospective coordination). Он противопоставляет перфект имперфекту, т. е. неперфекту [123].

Перфект английского языка вряд ли можно включить в парадигму категории времени, ибо завершённость действия выражает и форма так называемого Past Indefinite английского глагола. Видовую семантику перфекта повторяет также и форма Continuous. И форма длительного перфекта, и форма так называемого Continuous выражает продолжающееся действие. Поэтому правы А. И. Смирницкий и его последователи Б. А. Ильиш, Л. С. Бархударов и Д. А. Штелинг, И. Б. Хлебникова, Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская, которые исключают все перфектные формы из парадигмы категории и времени, и вида. Эту категорию А. И. Смирницкий называет *категорией временной отнесённости*, Б. А. Ильиш называет её *категорией корреляции* (the category of correlation) [135, с. 92], Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская дают ей название *категория порядка* (the category of order) [140, с. 131].

Согласно взгляду профессора А. И. Смирницкого, перфект (предшествование) и неперфект (непосредственная данность) образуют в соотношении друг с другом особую грамматическую категорию глагола, отличную и от времени, и от вида, - категорию временной отнесенности” [97, с. 314].

Однако, определение данной категории не даётся ни в работе А. И. Смирницкого, ни в работе Б. А. Ильиша. Мы считаем, что подходящее определение этой категории даётся в работе Б. С. Хаймовича и Б. Роговской: “Категория порядка – это система двухчленной оппозиции типа *writes – has written, wrote - had written, writing – having written, to be written – to have been written* и т. п., указывающая на то, рассматривается ли действие как предшествующее (перфект) или не предшествующее (неперфект) к другим действиям или ситуациям” [140, с. 130].

Мы считаем, что термин Б. С. Хаймовича и Б. И. Роговской, его определение является удачным, но суть данной категории более верно раскрыта профессором А. И. Смирницким. Парадигма *категории порядка* выглядит следующим образом:

I disappoint you – I have disappointed you

I disappointed you – I had disappointed you

I shall disappoint you – I shall have disappointed you

I should disappoint you – I should have disappointed you

I am disappointing you – I have been disappointing you

I was disappointing you – I had been disappointing you

I shall be disappointing you – I shall have been disappointing you

I should be disappointing you – I should have been disappointing you

Категориальные формы неперфекта, стоящие в левой колонке обозначают действия, которые являются одновременными с какой-то точкой времени или действием в прошлом или будущем, или же с моментом речи. Категориальные формы перфекта, находящиеся в правой колонке обозначают действия, которые предшествуют какой-то точке времени или другому действию в прошедшем и будущем или же моменту речи. Это значит, суть категории порядка заключается в предшествовании или не предшествовании действия к определённой точке времени или к другому действию или к моменту речи. Например: *Katie was waiting up for*

her mistress; and, on hearing what had happened, ran for warm water and other necessaries (195, с. 153).

В этих примерах дано описание двух ситуаций материальной действительности. Первая ситуация связана с прошедшим временем. В этой ситуации отражены четыре действия. Первое действие *was waiting up* обозначает факт продолжения действия в указанной ситуации, а второе действие *hearing* тоже происходит в указанный момент и продолжается, третье действие *had happened* предшествует двум предыдущим действиям (*was waiting, hearing*), а четвёртое действие *ran* по времени также совпадает с первым и вторым действиями, т. е. оно происходит и заканчивается в указанной ситуации. Следовательно, первое, второе и четвёртое действия происходят в определённой точке времени в прошедшем, следуя друг за другом, а третье действие предшествовало всем вышеуказанным трём действиям. Поэтому, третье действие выражено формой перфекта, а другие три действия формами неперфекта.

“I have been thinking,” he said. “You are quite right; it is an ugly tangle I have got my life into. But remember, a man does not meet every day a woman whom he can love; and I – I have been in deep waters. I am afraid--” (195, с. 179). В этом примере глаголы, употреблённые в предложениях, соотносятся не с точкой времени в прошедшем, а с моментом речи. Первое действие *have been thinking* закончилось к моменту речи, а состояние *are quite right* совпадает по времени с моментом речи, на то же самое указывает и образование *is an ugly tangle*, а действие *have got* предшествует данному состоянию. Действия *does not meet, can love* совпадает с моментом речи, а фразеологизм *have been in deep waters* выражает действие, предшествующее моменту речи. Словом, здесь категория порядка выражена в форме противопоставления действий или состояний, совпадающей с моментом речи, с действиями, предшествующими этому моменту.

Говоря о перфекте таджикского языка, нельзя проходить мимо термина “перфектные времена”, употреблённого в книге под редакцией В. С.

Расторгуевой “Основы иранского языкознания. Новоиранские языки”. Здесь в таджикском языке разграничивают основную форму перфекта (**кардаам, кардай, кардааст** и т. д.), форму перфекта длительного (**мекардаам, мекардай, мекардааст** и т. д.), форму предпрошедшего перфекта (**карда будаам, карда будай, карда будааст**) [79, с. 177 – 178]. Н. Масуми употребляет не термин *перфект*, а термин *нақлӣ* (пересказательное).

Нам представляется, что указанные формы нельзя отнести ни к перфекту, ни к категории времени. Они связаны с отношением говорящего к действию, что тесно связано с категорией наклонения. Такие словоформы обозначают действия, о совершении которых не осведомлён говорящий, поэтому для него реальность или нереальность этого действия остаётся неопределённой. Поэтому наиболее подходящим для таких форм является термин “аудитивное наклонение”, употреблённый в работе В. С. Расторгуевой и А. А. Керимовой [84, с. 75]. Однако, к сожалению, при изложении сути такой формы эти авторы избегают данный термин и везде вместо этого термина используют термин “перфект” [там же, с. 75-96], хотя они признаются в том, что: “Анализ конкретных случаев использования перфектных форм наглядно показывает, что значение неочевидности, “заглазости”, действительно стало для них в современном языке основным и ведущим” [84, с. 91].

Следует отметить, что слово *перфект* заимствовано из английского, где слово *perfect* обозначает “совершенный”, а в грамматике данное слово в качестве термина обозначает действие, уже законченное по отношению к данному времени. Между тем, в следующих примерах, приведённых этими авторами, указанные словоформы не обозначают законченное действие: 1) *Қишлоқ ба чӣ ҳол аст, худат инчо чӣ кор карда гаштаӣ?* (84, с. 82). 2) *Шодикул як гургро дидааст, ки як гӯсфандро кафонда хӯрда истода будааст* (80, 90). 3) *Мегӯянд, ки вай ... ба ҳама кор нигоҳу назорат мекардааст* (там же, с. 91).

В первом примере имеется длительное действие в настоящем времени, во втором примере глагол обозначает продолженное действие в прошедшем времени, в третьем примере действие *нигоху назорат мекардааст* обозначает повторяющееся действие в прошедшем.

Действительно, у некоторых из этих форм обнаруживается значение завершённости действия к настоящему времени. Это связано с тем, что говорящий о действии, о котором он осведомлён с чужих слов, сообщает в момент речи, т. е. связываются две точки времени: время услышания об этом действии и время сообщения о нём. Именно благодаря этому проявляется значение завершённости действия. Следует отметить, что и английский Present Perfect обозначает именно подобное действие. Исходя из этого, мы не считаем рассмотренные формы таджикского языка формами префекта. Они являются формами наклонения, поэтому мы их рассмотрим при сопоставлении категории наклонения английского и таджикского языков.

Нам представляется, что так называемые формы предпрошедшего времени таджикского глагола, исключив из парадигмы категории вида и времени, можно включить в парадигму категории порядка. Если взять словоформы *хонд* и *хонда буд*, то *хонд* обозначает действие, которое завершилось в определённой точке времени в прошлом, а словоформа *хонда буд* указывает на завершённость действия до определённой точки времени в прошлом. Следовательно, оппозицию *хонд – хонда буд*, гипотетически, мы считаем категориальными формами категории порядка. Они напоминают английскую оппозицию типа *wrote – had written*. Но эта гипотеза требует специального исследования. Теперь переходим к выявлению основных способов и средств передачи перфектных форм английского языка в таджикском языке, так как вышеуказанной категории порядка английского языка нет в таджикском языке.

Как было отмечено выше, в таджикском языке отсутствуют так называемые перфектные времена, которые в английском языке составляют

чёткую систему форм, выражающих действие, которые координируют две временные точки в настоящем, прошедшем и будущем временах. В сфере прошедшего времени вторая точка может быть выражена адвербиальными оборотами типа *by that time, by the end of the week* и т. д., а также другим клюзом. В сфере настоящего времени, в качестве этих средств выступают наречия и предлоги типа *already, yet never, ever, since, for* и т. д., или же момент речи. В сфере будущего времени в качестве второй точки выступают адвербиальные обороты типа *by Sunday, by the end of the year* и т. д., или же глагол-сказуемое другого предложения.

Следует отметить, что английский перфект выражает два типа действия и соответственно, в грамматиках говорят об Inclusive и Exclusive Perfect. Exclusive Perfect обозначает законченность действия ко второй точке времени, а Inclusive Perfect выражает действие, которое охватывает вторую точку времени, продолжалось и будет продолжаться после него. Кроме того, на завершенность или незавершенность действия до определенного момента, выражаемого перфектом, оказывает некоторое влияние предельность или неопределенность глагола. Учитывая эти два фактора (inclusive, exclusive perfect, предельность и неопределенность глагола), приступаем к анализу способов передачи значений английского перфекта на таджикский язык. Анализ начинаем с Present Perfect. Например: “*Have you heard, Cesare?” she said. “It is all over. They have shot him”* (195, с. 312). - *Шумо шунидед, Чезаре? – гуфт Земма. – Кор тамом шудааст. Ёро парондаанд* (158, с. 309). В этом примере имеются две формы Present Perfect *have heard, have shot*, которые представляют собой Exclusive Present Perfect. Глагол *to hear* является неопределенным, а *to shot* предельным. Благодаря тому, что *to hear* является неопределенным глаголом, форма *have heard* переведена на таджикский язык при помощи так называемой формы простого перфекта таджикского языка (**шунидед**), а глагол *to shoot* является предельным, поэтому словоформа *have shot* передана на таджикский язык формой аудитивного наклонения (**парондаанд**).

Формы типа *парондаанд* связывают подобно формам английского перфекта две точки времени – время его совершения и время сообщения о нём. Именно, координирование двух временных точек способствует приобретению данной словоформой значения завершенности. А форма простого прошедшего (*шунидед*) не связывает две точки времени, но выражает законченное действие. Для подтверждения этой мысли приводим ещё один пример: *Two letters have been stopped in the post this week* (195, с. 98). – *Ҳамин ҳафта ду мактуби мо дар почта ба даст афтодааст* (158, с. 97).

В примере: “*The long nights I’ve dreamed of cheese – toasted mostly* (192, с. 109)” – *Ман бисёр шабҳои дароз панир ва луқшаи нонро дар хоб мебинам* (171, с. 114) глагольная форма *have dreamed* выражает незаконченное действие, так как говорящий видел сны долгие ночи и очевидно ещё их увидит, поэтому на таджикский язык данная словоформа переведена при помощи формы настоящего неопределённого времени таджикского глагола “**хоб дидан**” (*хоб мебинам*).

Таким образом форма Present Perfect, исходя из вышеуказанных примеров, может передаваться на таджикский язык тремя формами: формой настоящего простого времени, формой аудитивного наклонения и формой настоящего неопределённого времени.

Наш языковой материал свидетельствует о том, что форма Present Perfect Continuous передаётся на таджикский язык формой настоящего неопределённого времени: *How long have you been thinking about this?* (195, с. 13). – *Чанд вақт шумо ки ту дар ин хусус фикр мекунӣ?* (158, с. 15). *First, then, you are said to have been smuggling fire-arms into this district* (195, с. 257). – *Пас, аввалан мегӯянд, ки шумо ба ин деҳа яроқи оташишон қочоқ карда меоед* (*омада истодаед*) (158, с. 255).

В этом примере для подчёркивания повторяемости и продолженности действия в таджикском языке употреблён глагольный модификатор *омадан*, который, потеряв своё лексическое значение, служит для выражения аспектуального значения повторяемости действия. Перфект здесь можно

перевести также и формой настоящего длительного времени таджикского глагола. Данная форма служит для акцентации продолженности действия.

Таким образом, Present Perfect Continuous передаётся на таджикский язык тремя способами: формой настоящего недлительного времени, при помощи глагольного модификатора *омадан* или посредством формы настоящего длительного времени таджикского глагола.

Что касается формы Past Perfect Tense, то она переводится на таджикский язык двумя способами: 1) при помощи так называемого предпрошедшего времени таджикского глагола: *He had said the truth; dead or alive, nobody minded Ben Gunn* (192, с. 226). – *Ў рост зүфта буд – ҳоҳ Бен Ганн зинда бошад, ҳоҳ мурда, аз ӯ ҳеч кас наметарсад* (171, с. 238). *That was Flint's treasure that we had come so far to seek, and that had cost already the lives of seventeen men from the Hispaniola* (192, с. 236). – *Ин сарватҳои Флинт, худи ҳамон ҷавохироте буд, ки аз баҳри инҳо мо инқадар роҳи дурударози нуразобро тай карда будем, барои ҳаминҳо шуда ҳафдаҳ нафар аз экипажи “Испаниола” кушта шуда буданд* (171, с. 248). 2) The Past Perfect Tense в некоторых случаях может передаваться на таджикский язык посредством так называемой формы простого прошедшего времени таджикского глагола: *The doctor had dosed them round, and they had taken his prescriptions* (192, с. 209). – *Духтур ба ҳамаи онҳо дору таъин кард, ва онҳо ҳамаи таъиноти ӯро қабул карданд* (171, с. 220). “*A student had come from Genoa and he made a speech to us –a-a sort of---- lecture”* (195, с. 12). – *Аз Генуя як нафар донишчӯ омад ва каме суҳан ронд ... суҳанрониаш ба лексия монанд буд* (158, с. 15).

Выбор между этими двумя способами перевода формы английского Past Perfect на таджикский язык зависит от контекстуальных условий, а также от предельности или неопределённости глагола.

Форма английского Past Perfect Continuous употребляется редко. Немногочисленный собранный нами материал свидетельствует, что данная форма английского глагола передаётся на таджикский язык при помощи

длительной формы так называемого предпрошедшего времени: *No one would have guessed through what deep waters he had been passing* (195, с. 286). – **Фаҳмидан душвор буд, ки ин одам дар умри худ чӣ сахтиҳо, чӣ рӯзҳои сиёхро аз сар гузаронида истода будааст** (158, с. 284).

Форма The Future Perfect Tense также употребляется редко. Согласно нашему материалу, данная форма английского глагола переведена на таджикский язык при помощи личной формы глагола **хостан** в сочетании с основой прошедшего времени смыслового глагола. Например: “*You’ll have forgotten me by then*” (186, с. 101). – **То ордан ту маро фаромӯш хоҳӣ кард** (перевод информантов). Встречаются случаи, когда значение будущности и завершённости действия передаётся при помощи адverbиальных оборотов, а форма будущего перфекта английского глагола передаётся на таджикский язык формой настоящего недлительного времени. Например: “*Another twenty years and you’ll have forgotten all about it*” (193, с. 307). – **Бист сол мегузараду ту ҳама чизро дар ин бора фаромӯш мекунӣ** (перевод информантов).

Форма Future Perfect Continuous употребляется очень редко. Согласно собранному нами материалу, данная форма передаётся на таджикский язык при помощи формы причастия предшествования смыслового глагола в сочетании с вспомогательным глаголом **истодан**, к которому прибавляется префикс **ме-** и личное окончание глагола: *By the first of July he will have been working at this office for six months* (188, с. 67). – **То якуми июл ӯ дар ин идора дар тӯли шаш моҳ кор карда меистад** (перевод информантов).

И, наконец, форма Future Perfect Continuous-in-the-Past употребляется, как правило, в придаточных предложениях и она переводится на таджикский язык так же, как и форма Future Perfect Continuous: *They wrote to me that by the end of July they would have been living at the seaside for a month* [182, с. 315]. – **Онҳо ба ман навиштанд, ки то охири июл, дар тӯли як моҳ дар лаби бар зиндагонӣ мекунанд (зиндагӣ хоҳанд кард)** (перевод информантов).

Таким образом, совершенные формы английского глагола, противопоставляясь с несовершенными формами, образуют особую категорию, которая называется *категорией порядка*. Совершенные формы обозначают действия, которые связывают две точки времени в прошедшем, настоящем и будущем. Такое действие начинается в одной точке и завершается в другой точке времени. Иногда действие может продолжаться и после второй точки времени. Несовершенный совершенный подчёркивает целостность и факт совершения действия, а совершенный совершенный сосредотачивает внимание слушателя на продолжительности действия.

Вторая сторона оппозиции, т. е. несовершенные формы глагола обозначают два вида действия: 1) действие, которое повторялось или закончилось в определённой точке времени, 2) указывает на продолжительность действия в данной точке времени.

Формы английского совершенного передаются на таджикский язык, в зависимости от предельности или непредельности глагола при помощи следующих форм глагола: формой аудитива, формой настоящего несовершенного времени, формой простого прошедшего времени, формой так называемого давно прошедшего времени или длительного давно прошедшего времени, а также личной формой глагола *хостан* с основой прошедшего времени смыслового глагола. Проявлению этих значений способствуют лексический и синтаксический контекст.

Глава IV. Категории залога, наклонения, лица и числа в таджикском и английском языках.

4.1. Категория залога в сопоставляемых языках.

Залог представляет собой одну из сложных и дискуссионных проблем не только в системе английского и таджикского языков, но и всех языков, в которых функционирует данная категория. Поэтому, ещё в 50-х годах XX-го века, академик В. В. Виноградов [21] о категории залога писал, что данная категория находится на грани между грамматикой, лексикологией и фразеологией. На грамматическом уровне залог больше тяготеет к синтаксису, нежели к морфологии.

К тому же, в Ленинграде была создана специальная группа структурно-типологического изучения языков, которая занималась разработкой универсально-типологической концепции диатеза и залогов; в конце 60-х годов была проведена специальная международная конференция, посвящённая проблеме категории залога в разносистемных языках и материалы этой конференции были изданы специальной книгой, а в последующие годы издавались коллективные монографии по результатам работы этой группы. Повторная конференция по данной проблеме, в которой участвовали не только советские, но и лингвисты из ряда социалистических стран состоялась в ноябре 1975 года. На этой конференции разработали теорию диатеза и залогов.

С тех пор проблема залога стала больше привлекать внимание лингвистов. В частности, по данной категории английского языка нам известны диссертационные исследования таких учёных, как А. Ергалуева [45], Е. П. Завражиной [50], Э. В. Киланавы [61], Т. А. Кузнечика [66], А. Л. Резникова [85], Л. Ф. Тертуса [100], И. А. Черкасс [116], И. С. Докторовича [42], А. В. Дрожащих [43], Г. Б. Ворониной [24], А. А. Винокуровой [22], Р. В. Басовой [12] и др, не говоря уже о сотнях научных статей по теме диатеза и залогов. На английском языке в дальнем зарубежье изданы по залогу английского языка монографические работы Дж. Свартвика [151], Г.

Стейна [150]. Английские и американские учёные посвятили множество статей залого. В частности, здесь можно упомянуть статьи М. Брайанта [125], А. Девидсона [128], У. Гаафа [132], С. Грандера [134], Д. Киса [141], М. Клаймана [142] и т. д.

К сожалению, по таджикскому залого нет ни одной диссертационной работы и ни одной монографии. Во всех источниках по грамматике таджикского языка по глаголу, и, в частности, по категории залога повторяются взгляды члена-корреспондента АН Таджикской ССР Н. Масуми, которые отражены в его работах ещё в 60-е годы XX-го века и включены в книги “**Забони адабии хозираи тоҷик қ. I**” [49] и “**Грамматикаи забони хозираи адабии тоҷик қ. I**” [34].

О залого таджикского глагола писалось также в 50-е годы XX-го века А. З. Розенфельд [89, с. 62 – 64] и В. С. Расторгуевой [83, с. 551- 563].

Н. Масуми находит два залога: действительный залог и страдательный залог [74, с. 215]. А. З. Розенфельд разграничивает 4 залога: действительный (**гирифт**), страдательный (**гирифта шуд**), понудительный (**гирон**) и возвратный (**худро гир**) [89, с. 62]. Расторгуева находит в таджикском языке два залога: активный и пассивный [83, с. 552].

В английском языке также разные авторы находят от двух до пяти залогов. В частности, профессор А. И. Смирницкий в английском языке выделяет два залога: действительный и страдательный [97, с. 265]. Такую точку зрения выдвигали представители классической научной грамматики английского языка Г. Суит [152], Дж. Керм [126], Г. Поутсма [149] и другие. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова и Л. Л. Иоффик к этим двум залоговым формам добавляют возвратный залог, который образуется сочетанием смыслового глагола с возвратными местоимениями *hiself*, *myself* и т. д. [48, с. 137 - 141]. Профессор Б. А. Ильиш склонен выделить в английском языке кроме действительного и страдательного залогов, также возвратный залог (he dressed himself), взаимный залог (they greeted each other), средний залог (the door opened) [135, с. 115].

Что касается сопоставительного изучения залога английского и таджикского языков, то ему посвящены статьи Ф. К. Гафуровой [30, с. 30], К. Усмонова [103], а также диссертационное исследование А. Тошова, посвящённое сравнительно-сопоставительному анализу категории залога таджикского, русского и английского языков. В этой работе допущены многочисленные погрешности. В частности, автор во всех этих трёх языках категорию залога связывает с переходностью либо непереходностью глагола, что является неправильной идеей по отношению к английскому языку, где залог связан с объектностью и субъектностью глагола [101, с. 23]. Он утверждает, что длительная форма английского глагола лишена формы пассива. В примерах типа: **Хона сохта шуда истода буд**, он, бездоказательно говорит о наличии возвратного залога в английском языке [там же, с. 31]. Таджикский вспомогательный глагол *шудан* считается им служебным глаголом [там же, с. 75]. Он путает форму страдательного залога английского языка с формой глагола связки *to be* с причастием II [101, с. 83]. Не зная сущности аналитических форм, он считает, что глагольные словосочетания с возвратным и взаимно-возвратным местоимением, существительное вместе с предлогом являются аналитическими образованиями в таджикском языке. Их он считает возвратными и взаимными залогами [там же, с. 84]. Он форму пассива связывает с динамическими предельными глаголами [там же, с. 17]. По его мнению, субъектные глаголы обозначают действия, выходящие за пределы сферы субъекта [101, с. 17]. Он много говорит о залоге в русском языке, но в его работе не сказано ни слова о том, что чему соответствует в трёх сопоставляемых языках. Многие его примеры не отражают того, что он описывает. Из его работы не понятно, на чью теорию он опирается, в библиографии к его диссертации нет ни одного научного источника, который был бы специально посвящён категории залога в английском и таджикском языках, а также сопоставительному изучению залога трех языков. К одной его статье в Вестнике ТНУ за номером 7 (63) от 2010 года

(120-121) написана рецензия профессором Ф. К. Зикрияевым и аспиранткой Ф. К. Гафуровой, помещённая в Известиях АН РТ № 1 (13), 2013 года [32]. Эти авторы совершенно правильно подвергают резкой критике указанную статью А. Тошова.

Исходя из этого, мы считаем необходимым сопоставительное изучение категории залога английского и таджикского языков на фоне информационных знаний, накопленных в англистике и славистике по данной проблеме на сегодняшний день.

Категория залога представляется спорной проблемой в системе глагола. Нам известно пять определений категории залога: 1) категория залога выражает отношение между субъектом и действием [69, с. 224 – 232]; 2) профессор Б. А. Ильиш поддерживает точку зрения о том, что залог выражает и отношение между субъектом и действием и отношение между субъектом и объектом действия [135, с. 114]; 3) А. А. Холодович считает, что данная категория представляет собой диатезу, которая находит своё выражение в грамматических формах глагола. По его мнению, диатеза – это схема соответствий между понятиями синтаксического уровня (подлежащее и дополнение) и понятиями семантического уровня (субъект и объект) [114, с. 13]; 4) данная категория показывает, восходит ли действие со стороны подлежащего или же со стороны дополнения [140, с. 125]; 5) данная категория выражает отношение между описываемой ситуацией и её актантами, без учёта этой ситуации или говорящего [120, с. 101].

Из этих определений вытекает, что данная категория увязывается с понятиями типа “субъект”, “объект”, “подлежащее”, “сказуемое”, “актанты действия” и т. д., которые стоят за пределами действия. Между тем, другие грамматические категории глагола определяются в пределах понятий, связанных с действием и состоянием. Поэтому при определении данной категории мы следуем за идеями известных германистов А. И. Смирницкого, М. М. Гухман, М. Я. Блоха и др.

Профессор А. И. Смирницкий, разграничивая действительный и страдательный залого, видит их семантику в следующем: “Сопоставление и противопоставление действительного и страдательного залогов (актива и пассива) идёт по линии различия в направленности процесса, обозначаемого глаголом, но не по линии различий в самом процессе. Эта направленность процесса рассматривается с точки зрения предмета, обозначенного тем словом, с которым грамматически соотнесена глагольная словоформа” [97, с. 265]; и далее он пишет: “Форма действительного залога указывает, что процесс, обозначенный глаголом, исходит от предмета, обозначенного тем словом, с которым грамматически соотнесена глагольная словоформа, и направлен от него вовне” [там же, с. 266].

Данная точка зрения поддерживается профессором М. Я. Блохом, который пишет: “Глагольная категория залога указывает на направление действия по отношению к участникам ситуации, что находит своё выражение в синтаксической конструкции” [123, с. 176].

Точка зрения А. И. Смирницкого почти совпадает с теорией, выдвинутой профессором М. М. Гухман в своей докторской диссертации. Она считает, что по своему направлению действие может быть центробежным или центростремительным. Если действие исходит из подлежащего и направлено на дополнение, то данное действие она считает центробежным; напротив, если действие исходит из дополнения и направлено на подлежащее, то такое действие называется центростремительным [36, с. 189 – 211].

Эта точка зрения в таджикском языкознании поддержана и расширена К. Усмановым [102, с. 131].

В нашей диссертации мы присоединяемся к взгляду о наличии двух залогов в сопоставляемых языках, отстаивая мысль о том, что залого выражают направленность действия по отношению к участникам ситуации. При действительном залоге действие исходит от подлежащего и

направлено на дополнение, а при страдательном залоге, наоборот. На этой основе мы приступаем к сопоставительному анализу залоговых форм английского и таджикского языков.

Сразу отметим, что категориальные формы актива и пассива присущи не всем глаголам сопоставляемых языков. В таджикском языке данная категория характерна только для переходных глаголов, а в английском языке два залога имеют все глаголы, которые способны принимать прямое, косвенное и предложное дополнения. И такие глаголы называются объектными. Те глаголы, которые не могут употребляться с дополнением, называются субъектными и необъектными. Это говорит о том, что сфера залога в английском языке значительно шире, чем в таджикском, так как число переходных глаголов ограничено.

Форма пассива в сопоставляемых языках представляет собой аналитическое образование, а форма актива может быть и синтетической, и аналитической. В таджикском языке пассив образуется при помощи вспомогательного глагола *шудан* в сочетании с причастием предшествования типа *навишта, хонда* и т. д., а в английском языке пассивный залог конструируется личной формой вспомогательного глагола *to be* в сочетании с причастием II. Разница между языками здесь заключается в том, что в таджикском языке вспомогательный глагол стоит после смыслового глагола, а в английском языке, наоборот. Например: 1) *Аз он ҷо вай ба вагонҳо бор карда, ба ҳар тараф фиристода мешуд* (177, с. 102). 2) – *Чизҳои инҳо ба тарзи ганимат ба ҷавонон тақсим карда дода шаванд* (156, с. 300). 3) *Бандиҳо ба Ғичдувон фиристода шуданд* (там же, с. 300).

Здесь все глаголы и сказуемые являются двухкомпонентными. Один из них смысловой глагол, а другой вспомогательный. Бывают и случаи, когда глагол-сказуемое может состоять из трёх или более компонентов: *Аммо дар дасту пойҳое, ки як шаби дароз бо чилбури наимибузӣ баста шуда буданд ...*

мадори ҳаракат кардан ҳеч намонда буд (156, с. 295). *Чизҳои инҳо ба тарзи ганимат ба ҷавонон тақсим карда дода шавад* (там же, с. 300).

В английском языке вырисовывается та же самая картина: *The sight-boards were painted in such gaudy colours* (184, с. 30). *I was taken to these Institutions by water* (там же, с. 98). *Time after time he was ordered below in disgrace* (192, с. 71).

В следующих примерах глаголы-сказуемые состоят из трёх или более слов: *The house is aware that experiments in this direction have already been made* (186, с. 90). *It is possible, however, that my favourable impression of him may have been greatly influenced and strengthened* (184, с. 64).

Как в английском, так и в таджикском языке в трех, четырех компонентных глагольных конструкциях два компонента служат для выражения пассивного залога, а остальные компоненты употребляются для выражения других грамматических категорий глагола, таких как: категория вида, категория порядка, а также для выражения различных модальных значений.

Следует разграничить два вида пассивных конструкций в сопоставляемых языках: двухчленный пассив и трёхчленный пассив. В двухчленном пассиве упоминается только объект действия, который, выступая в функции подлежащего, подвергается воздействию извне. Воздействующий предмет не упоминается, так как для данного высказывания он не актуален. Например: ... *a woman was locked alone* (184, с. 97). *She was bent, they told me, on committing suicide* (там же, с. 97). *Бандиҳо ба Ғиҷдувон фиристода шуданд ...* (156, с. 300). *Баъде лаҳзае аз тирезаи кушода ба телефон сухан кардани Довар аранг шунида шуд, амма чӣ гуфтани ӯро онҳо фаҳмида натавонистанд* (167, с. 173).

В двухчленном пассиве упоминаются оба участника действия – субъект и объект: *I was rather puzzled by this man and his way of speech* (187, с. 53). *He's being exploited by the little snob* (186, с. 40). *Дар соли 1935 ба муносибати юбилеи сисолагии фаъолияти адабиям аз тарафи ҳукумати Тоҷикистон бо*

машинаи сабукрав мукофотонида шудам (156, с. 65). *Ин журнал ва газета ба воситаи ташилотҳои коммунистони Бухоро дар районҳои Бухоро ба тарзи пинҳонӣ паҳн карда мешуданд* (там же, с. 67).

Разница между одночленным и двухчленным пассивом заключается в том, что в одночленном пассиве в качестве ремы высказывания выступает пассивная конструкция, а в двухчленном пассиве рематическую нагрузку носит субъект действия, который выступает в синтаксической функции дополнения.

И в английском, и в таджикском языке встречаются такие случаи, когда сказуемое выражено сочетанием вспомогательного глагола *to be* с причастием в английском языке и комбинацией причастия со вспомогательным глаголом *шудан* в таджикском языке. Но такая конструкция не является формой пассива. В таких случаях глаголы *to be* и *шудан* выступают не в качестве вспомогательного, а функционируют как глаголы-связки. В семантическом плане также различаются эти две конструкции. Пассивная конструкция указывает на такое состояние подлежащего, которое приобретено в результате воздействия на него извне, а непассивная конструкция с глаголом-связкой и причастием выражает наличное состояние денотата подлежащего: *Joad was embarrassed* (191, с. 57). *Soames was a good deal puzzled* (186, с. 27). *Дар гаҳвора бачаи 9-10-моҳа бафта шудагӣ буд* (160, с. 56). *Касе чуруққи намекард, аммо ҳама чашмон ба бемор дӯхта шудагӣ буданд* (162, с. 57).

В работе Н. Масуми такие образования ошибочно включены в разряд пассивных форм таджикского глагола [74, с. 218-220].

Между вышеуказанными ононимичными формами обнаруживается разница и в их синтаксических функциях в предложении. Сочетание английского *to be* и таджикского *шудан* с причастиями этих языков выполняют синтаксическую функцию простого глагольного сказуемого, если данная конструкция выступает в качестве словоформы пассива. Например: *I never in my life was more affected by the contemplation of happiness*

(184, с. 32). *It was fastened with a little strip of hide* (187, с. 39). *Лекин азар ҳар кас боз пахтакашӣ карданро хоҳад, нимаи қарзе, ки аз вачҳи камомад пайдо шудааст, бахшида мешавад* (156, с. 97). *Аз минбари боми ҷилавҳона овози хиррии нофорами сӯфӣ, ки азон мегуфт, шунда шуд* (177, с. 106).

В этих примерах глаголы-сказуемые сопоставляемых языков выражают процесс становления и приобретения денотатом подлежащего определённого состояния. Сочетание вспомогательных глаголов с причастиями выражает одно понятие, поэтому все эти глагольные конструкции выступают в функции простого глагольного сказуемого. В следующих примерах глагольные конструкции сопоставляемых языков проявляют совсем иное значение: *Ман имрӯз зоида нашудаам ва Пётр Даниловат баробари дунё таваллуд нашудааст* (177, с. 168). *Гуфтанӣ ҳастам, ки бало ба наси оқподшоҳ, гӯр ба гӯр гардаду аммо сураташ аҷоиб кашида шуда буд* (там же, с. 96). *A window of the hotel was lighted; he saw a shadow move across the blinds* (186, с. 67). *We were compelled to spend the night at Winchester* (187, с. 78).

В этих примерах из сопоставляемых языков сочетание причастия с глаголами *to be* и *шудан* выражают наличное состояние субъектов этих предложений. У них отсутствует идея становления и приобретения определённого состояния субъектом. Глаголы *to be* и *шудан* функционируют здесь как глаголы-связки, поэтому глагольные конструкции в этих предложениях выступают в функции именного составного сказуемого. Это говорит о том, что в данном случае между языками обнаруживается изоморфизм, только с той разницей, что глагол-связка английского языка стоит перед причастием, а таджикский глагол-связка следует за причастием.

Выше было отмечено, что в таджикском языке только переходные глаголы могут употребляться в форме пассива, а в английском языке и непереходные глаголы способны стоять в форме пассива. В связи с этим возникает вопрос, как передаётся форма пассива непереходных глаголов

английского языка на таджикский язык и действительно ли формы пассива переходных глаголов английского языка соответствуют пассивной форме переходных глаголов таджикского языка. Для ответа на два этих вопроса обращаемся к фактам из сопоставляемых языков: *A rough wooden bench had been placed against the trunk* (195, с. 9). – *Як нимқати одии чӯбинро зери ин дарахт ниҳода буданд* (158, с. 12). *The article was soon reprinted separately in pamphlet form* (195, с. 136). – *Дере нагузашта мақола ба шакли рисоали алоҳида ҳам чоп карда шуд* (158, с. 134).

В первом примере глагол *to place* и его эквивалент *ниҳодан* являются переходными глаголами. В английском примере этот глагол стоит в форме пассива. На таджикский язык он переведён не формой пассива, т. е. между английским и таджикским языком обнаруживается здесь несоответствие, но в семантическом плане, значение, выражаемое английским пассивом, верно передано на таджикский язык неопределённо-личной формой глагола *ниҳода буданд*. Семантика пассива в английском языке – указание на неактуальность упоминания агенса действия, а в таджикском языке *ниҳода буданд* имеет почти такое же значение. Данная словоформа обозначает, что действие, связанное с установкой скамейки, выполнено неопределёнными лицами. Это говорит о том, что форма английского пассива не всегда передаётся формой страдательного залога таджикского глагола.

Во втором примере употреблён переходный глагол английского языка *to reprint*, эквивалентом которого является таджикский глагол *чоп кардан*, который также является переходным. Здесь и глагол *to reprint*, и глагол *чоп кардан* употреблены в форме страдательного залога (*was reprinted* – *чоп карда шуд*). Здесь между сопоставляемыми языками обнаруживается изоморфизм, лишь с той разницей, что вспомогательный глагол *was* стоит перед смысловым глаголом, а в таджикском языке наоборот.

Теперь проанализируем два английских примера, в которых употреблены непереходные глаголы в форме пассива и выявим, как они

передаются на таджикский язык: “*Do you know the new rector?*” “*Not personally; but he is very highly spoken of*” (195, с. 31). – **Шумо ректори навро мешиносед? – Шаҳсан намеишиносам, вале дар бораи ӯ хеле зиёд гап мезананд** (158, с. 32). “*I am laughed at by the whole world*” (188, с. 34). - **Ба ман тамоми ҷаҳон механдад** (перевод информантов).

Как видим, в первом примере употреблѐн непереходный глагол *to speak* в форме страдательного залога, а во втором примере имеется также непереходный глагол *to laugh*, но они, несмотря на свою непереходность стоят в форме страдательного залога. На таджикский язык *he is spoken of* нельзя перевести как **ӯ бисёр гап зада мешавад**. Таким же образом, *I am laughed at* никак нельзя перевести на таджикский язык как **ман хандида мешавам**. Поэтому, при переводе второго примера, английские подлежащие *he* и *I* превращены в дополнения **дар бораи ӯ** и **ба ман**. А дополнение **тамоми ҷаҳон** превращено в подлежащее. В первом примере английский пассив переведѐн неопределѐнно-личной формой таджикского глагола. Следовательно, при передаче грамматического значения пассива английских непереходных глаголов на таджикский язык происходит либо изменение места подлежащего и дополнения, или же глагол-сказуемое употребляется в неопределѐнно-личной форме. Форма пассива в английском предложении: *He was given a chance to return to St. Luis* (180, с. 177) с глаголом-сказуемым *to give* в непереходном значении, переводится на таджикский язык формой актива неопределѐнно-личной формы глагола и превращением подлежащего в дополнение: **Ба ӯ имконият доданд, ки ба Санкт Луис баргардад** (перевод информантов). Все эти трансформации в таджикском языке направлены на выражение коммуникативной нагрузки подлежащего и дополнения в структуре высказывания. Это говорит о том, что одна из основных задач пассива – сделать название действия или субъекта действия ремой высказывания, что может передаваться на таджикский язык при помощи изменения функции подлежащего и

дополнения, или же изменением порядка слов, или же посредством употребления неопределенно-личной формы глагола таджикского языка.

Таким образом, в сопоставляемых языках у глагола имеются две залоговые формы: действительная и страдательная. Другие залоговые значения выражаются при помощи лексических средств или же семантикой самого глагола. Сфера употребления пассива в английском языке значительно шире, чем в таджикском, так как только переходные глаголы способны иметь две залоговые формы, а в английском языке и непереходные глаголы могут употребляться в форме страдательного залога. Форма действительного залога переходных глаголов английского языка передаётся на таджикский язык формой пассива или же неопределённо-личной формой глагола. Форма пассива непереходных глаголов английского языка передаётся либо при помощи изменения порядка слов, или же неопределённо-личной формой глагола. Основная функция пассива заключается в выполнении коммуникативных целей высказывания в таджикском языке; эта функция выполняется либо формой пассива, либо другими синтаксическими средствами.

4. 2. Категория наклонения в таджикском и английском языках.

Наклонение как грамматическая категория глагола входит в широкую функционально-семантическую категорию модальности. Под модальностью О. С. Ахманова понимает: “Понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п.” [7, с. 237]. А наклонение, по определению Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой это “Глагольная категория, выражающая отношение действия (состояния) к действительности, устанавливаемое говорящим, т. е. определяющая модальность действия” [87, с. 187].

Данная категория является одной из сложнейших и запутаннейших форм глагола и английского и таджикского языков. В связи с этим, профессор Б. А. Ильиш писал: “Категория наклонения в современном английском языке стала предметом многочисленных дискуссий и она рассмотрелась со многих позиций, и поэтому кажется едва ли можно прийти к более и менее убедительному и общепринятому заключению об этой категории” [135, с. 99]. В частности, Н. Дейчбейн находит в английском языке 16 наклонений [129, с. 112-135]. Г. Н. Воронцова – 4 наклонения: 1) indicative, 2) optative, в которые включаются 3 подвида: imperative, desiderative, subjunctive; 3) speculative с его двумя подвидами: dubitative, irrealis; 4) presumptive. [25, с. 240-299]. Её система наклонений носит запутанный характер и едва ли её можно принять. То же самое можно говорить о вышеуказанном взгляде М. Дейчбейна. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова и Л. Л. Иофик в своей книге [48] находят три наклонения: indicative, imperative, subjunctive. Л. С. Бархударов и Д. А. Штелинг разграничивают indicative и subjunctive. Субъюнктив, в свою очередь, подразделяется на субъюнктив I и субъюнктив II. Кроме них, они выделяют conjunctive и imperative. Однако, в своих очерках Л. С. Бархударов, вопреки своему прежнему взгляду, у английского глагола находит два наклонения. Он пишет: “Грамматическая категория наклонения (Mode или Mood) в системе английского глагола образуется противопоставлением двух категориальных форм – изъявительного наклонения (Indicative Mode) и повелительного наклонения (Imperative Mode)” [9, с. 134-135]. Профессор Б. А. Ильиш, кроме формы изъявительного и повелительного наклонений, находит 4 вида нереальных наклонений на основе их форм, а принимая во внимание их значения, 6 нереальных наклонений [135, с. 99 – 109].

Последовательную систему наклонения английского глагола предлагает профессор А. И. Смирницкий в своей “Морфологии” [97]. Его точку зрения поддерживают М. А. Ганшина и Н. М. Василевская [133]. А. И. Смирницкий у английского глагола находит изъявительное наклонение

(the Indicative Mood), повелительное наклонение (The Imperative Mood), сослагательное наклонение I (Subjunctive I), сослагательное II (Subjunctive II), предположительное наклонение (the Suppositional Mood) и условное наклонение (the Conditional Mood). В общей сложности, в систему английского наклонения он включает 6 рядов форм: 1) указывающих на реальные факты или события, 2) указывающих на приказание, просьбу или побуждение к совершению какого-либо действия или состояния, а остальные 4 ряда форм обозначают нереальные проблематичные действия или состояния. В своей работе мы придерживаемся этой точки зрения.

В таджикском языке категория наклонения изучена крайне недостаточно. Имеется только одна работа А. Халилова, в которой говорится о различных способах выражения субъективной модальности в таджикском языке. Он, неверно трактуя модальность грамматической категорией в таджикском языке, разграничивает изъявительное наклонение, повелительное наклонение, которым посвящено только 5 страниц и два наклонения нереальности – сослагательное наклонение и предположительное наклонение, которым отведено всего 4 страницы, а 63 страницы освещают другие средства выражения модальности [111].

Другим источником изучения категории наклонения в таджикском языке являются работы Н. Масуми, а также информация, изложенная в “Основах иранского языкознания. Новоиранские языки”. Н. Масуми находит у таджикского глагола изъявительное наклонение, условно-желательное наклонение и повелительное наклонение, а также предположительное наклонение. Всем этим четырём наклонениям таджикского глагола посвящено всего 10 страниц в собраниях сочинений этого учёного [74, с. 232-243]. В “Основах иранского языкознания. Новоиранские языки” разграничены: изъявительное наклонение [79, с. 174-183], сослагательное наклонение [там же, с. 184-187], предположительное наклонение [79, с. 187-189], повелительное наклонение [там же, с. 166-167], желательное наклонение [79, с. 167].

В этих двух источниках не упоминается аудитивное наклонение, которое, на наш взгляд, должно отграничиваться от системы времени и вида, так как в источниках по таджикской грамматике формы типа **омадай**, **омадааст** называются двумя терминами: “пересказательное время” или “перфектное время”. Об их статусе в системе таджикского глагола будет сказано в этом параграфе.

Что касается сопоставительного изучения категории наклонения таджикского и английского языков, то в этой области завершены некоторые работы. В частности, в 1986 году А. Мамадназаров защитил кандидатскую диссертацию на тему: “**Сравнительно-типологическое изучение условно-желательного наклонения в английском и таджикском языках**” [73], а в 2002 году Ф. Х. Носирова защитила кандидатскую диссертацию на тему: “**Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языке**” [76]. Следовательно, изъявительное, повелительное, предположительное, желательное и аудитивное наклонения таджикского языка не изучены в сравнительно-сопоставительном плане с английским языком, а в работе Ф. Носировой больше внимание уделено различным средствам выражения модальности, мало внимания уделено тем формам наклонения таджикского языка, которые выражают нереальные действия. В связи с этим, сравнительно-сопоставительная интерпретация категории наклонения таджикского и английского языков является актуальной задачей таджикской типологической науки. Анализ начинаем с изъявительного наклонения.

Форма изъявительного наклонения и в таджикском, и в английском языке обозначает такое действие или состояние, которое является реальным, действительно происходившим, происходящим или происходимым. Форма этого наклонения может отрицать, утверждать какое-то действие или состояние или спрашивать о нём. Например: *Одил Саркор даромада бо Норзодаю Воҳидов мулоқот кард ва як тараф, аз рӯ ба рӯи Воҳидов дар паҳлуи столи кориш Норзода нишаст* (166, с. 185). *Ман дигар*

илоҷ надоштаам, Фирӯз (169, с. 103). - *Ба ман дигар хизмат надоред?* (170, с. 163). *Released from Siberia, Lenin got into touch with his friends in Petersburg and Moscow* (182, с. 33). *Life for him was not the quest of happiness, but the pursuit of duty* (190, с. 77). *Did he go to church much when his woman died?* (191, с. 96).

В сопоставляемых языках в парадигму изъявительного наклонения глагола входят все видовременные, залоговые формы, а также формы категории порядка английского языка и их соответствия в таджикском языке. Эти формы выражают реальные действия или состояния в любом времени и виде, а также залоге, о чём шла речь в предыдущих параграфах нашей работы. Число форм, входящих в парадигму изъявительного наклонения в английском языке больше, чем в таджикском, так как видовременная система английского глагола богаче, чем видовременная система таджикского глагола.

Повелительное наклонение в английском и таджикском языках выражает приказание, просьбу или побуждение к совершению какого-либо действия или состояния. Форма выражения данного наклонения в английском и таджикском языках различается в этих двух языках. В английском языке она представляет собой основу инфинитива без частицы *to*, т. е. нет личных окончаний по отношению ко второму лицу единственного и множественного числа. Это значит, что и по отношению к одному лицу, и к двум или более лицам употребляется одна и та же форма: *“Pour out the tea. Now, Francis, drink!”* (185, с. 155), ... *and you, gentlemen, bring yourselves to! – you needn’t stand up for Mr. Hawkins* (192, с. 192).

В первом примере приказание обращено к одному лицу (Francis), а во втором примере к более, чем одному лицу (gentlemen); тем не менее, у глаголов *pour out, drink, bring* нет никаких морфем, указывающих на число.

У повелительного наклонения может быть отрицательная форма, которая образуется при помощи вспомогательного глагола *do* с частицей *not* (*don’t*) и с основой инфинитива: *“Don’t wake him if he’s asleep”, said Lawrence* (186, с. 129). *“Don’t be morbid, darling!”* (там же, с. 153).

В английском языке повелительное наклонение имеет особую эмфатическую форму, которая образуется при помощи вспомогательного глагола *do* и основы инфинитива: “*Do be quiet, Payne,*” *interposed the Lieutenant* (183, с. 68).

Для выражения просьбы при повелительном наклонении английский язык использует конструкцию *will you*, которая употребляется в конце повелительного предложения: “*Give me my box and money, will you?*” *I cried bursting into tears* (там же, с. 98). “*Turn to the right here, will you?*” (183, с. 45).

Просьба или вежливое обращение к собеседнику или собеседникам могут быть выражены в английском языке также и при помощи употребления вводного слова *please*, которое может находиться и в начале и в конце повелительного предложения: *Don't stand here, please; you'll get cold* (186, с. 220). “*Please, come out in the air,*” *Sairy said* (191, с. 163).

В таджикском языке наблюдается обратная картина: глагол при повелительном наклонении для каждого из чисел имеет свою морфему числа. Например: ***Биё, аскар, ҳаминро бор кунем*** (169, с. 4)., - ***Истед! – гуфт Фирӯз ба онҳо наздик шуда*** (там же, с. 76).

Как видно из этих двух примеров, в случаях указания или повеления по отношению к одному лицу или предмету форма повелительного наклонения образуется из основы настоящего времени с нулевой морфемой (***биё***), а по отношению к более чем одному лицу или предмету к основе настоящего времени прибавляется морфема ***–ед*** или ***–етон (истед)***. Следует отметить, что морфема ***–ед*** может употребляться и по отношению к одному лицу, и в таком случае побуждение носит уважительный оттенок: - ***Ган назанед, ҳамсоя, – гуфт*** (169, с. 61).

Эти примеры свидетельствуют о том, что одной омонимичной форме английского языка соответствуют две формы таджикского языка. Формы ***и рав***, и ***равед*** переводятся на английский язык одной формой *go*. Что касается отрицательной формы повелительного наклонения двух языков,

то английское *don't* соответствует *на-* или *ма-* таджикского языка: *don't go* переводится на таджикский язык *нарав* или *маравед*.

В таджикском языке, для выражения почтения, просьба может выражаться посредством прибавления морфемы третьего лица множественного числа глагола к основе настоящего времени: - *Э, ассалому алайкум, раис, канй-канй мархамат, фуруянд, - гуфт Улфатов тамаллуққорона аз лачоми асп гирифта* (166, с. 87).

Для выражения эмпазы и решительного побуждения к действию таджикский язык использует префикс *би-*, который присоединяется к форме повелительного наклонения, что соответствует вышеуказанной форме английского языка *do* + основы инфинитива: - *Бишин, писар, - гуфт Сафар* (там же, с. 254).

В английском языке говорят о функционировании побуждения, обращённого к первому и третьему лицам. Такое побуждение к действию выражается при помощи глагольного модификатора *let* в сочетании с формой объектного падежа личных местоимений или формой общего падежа имени существительного и основы инфинитива смыслового глагола: “*Let's go by way of Robin Hill, and look at it through the trees*” (186, с. 198). “*No, let me finish what I have to say*” (195, с. 16). *Let her go by herself into the water ...* (186, с. 174).

В грамматических источниках таджикского языка о побуждении, направленном к первому и третьему лицам, речи не идёт. Нам представляется, что формы глагола, выражающие такое побуждение, должны включаться в сферу повелительного наклонения, так как в нашем материале встречаются такие случаи. Например: - *Рафтем, ба метро медароем* (166, с. 113). В этом примере слово *рафтем*, состоящее из основы прошедшего времени в сочетании с морфемой первого лица множественного числа, выражает побуждение к выполнению действия участниками коммуникаций. Данное предложение переводится на английский язык при помощи глагола *let* + формы объектного падежа

личного местоимения *we (us)* + основы инфинитива: *Let us go to the subway* (перевод информантов). Вот ещё один пример: *Иҷозат диҳед равам* (166, с. 45). Здесь говорящий просит собеседника выполнить действие *идти*. Данное значение выражено при помощи формы аориста *равам*, а также посредством оборота *иҷозат диҳед*. Данное предложение переводится на английский язык при помощи того же *let* в сочетании с основой инфинитива: *Let me go out*. Когда побуждение направлено к третьему лицу, то употребляется слово *бигузор*, с которым употребляется форма аориста: - *Бигузор, аз чангу зубор тоза гардад, - ҷавоб дод Осмухин* (166, с. 391). И в этом случае эквивалентом данного образования таджикского языка является конструкция с *let*: *Let it be clean off the dirty and dust* (перевод информантов).

Таким образом, в сфере повелительного наклонения между таджикским и английским языками наблюдается существенное различие в плане выражения, хотя в семантическом плане между этими языками наблюдается много общего. В виду того, что таджикский язык является более флективным, чем английский, при выражении побудительного наклонения в таджикском языке используются специальные морфемы, а в английском языке их нет. Здесь участвуют лексические и синтаксические средства выражения значения императива. В таджикском языке также имеются отдельные слова-модификаторы для выражения побуждения к первому и третьему лицам единственного и множественного чисел.

Теперь переходим к анализу тех форм наклонения, которые служат для выражения нереальных или проблематичных действий и состояний. Как было отмечено выше, для этой цели, согласно А. И. Смирницкому, используется четыре ряда форм наклонения, которое называется, согласно М. А. Ганшиной и М. Н. Василевской, “The Oblique Moods” (косвенные наклонения) [133, с. 201]. The Oblique moods включают субъюнктив I, субъюнктив II, условное наклонение, предположительное наклонение. Анализ начинаем с субъюнктива I.

Subjunctive I по форме совпадает с формой инфинитива без частицы *to*. Данная форма используется в отношении всех лиц и чисел. Это наклонение отличается от изъявительного наклонения личными формами глагола *to be* и морфемой *-s*, *-es*, употребляемой в третьем лице единственного числа настоящего времени. У субъюнктива I нет временной формы. Это наклонение отличается и в семантическом плане, Indicative mood выражает реальное действие или состояние, а Subjunctive выражает проблематичное действие или состояние, не противоречащее действительности. Subjunctive I может обозначать приказ, просьбу, или даже предположение и пожелание. Например: *Peace be with you, my children* (195, с. 210). (выражает пожелание) – *Худованд амну амон, офият бахшад, ба шумо, фарзандонам!* (158, с. 209). “*I propose, then, that the report and account be taken”* (186, с. 67). (выражено предложение). – *Пас, ман пешиноҳод мекунам, ки маъруза ва пешиноҳод гирифта шавад* (перевод информантов). *I hope you will let the straps be taken off at any rate* (195, с. 277). (выражена просьба) – *Аммо умедворам, ки шумо ақалан ба кушодани тасмаҳо амр диҳед* (158, с. 274). ... *Con demanded that Andrew return to the house with him to tea* (188, с. 45). (выражено приказание). – *Кон талаб кард, ки Эндрю ҳамроҳи ӯ ба хонаш барои як пиёла чой равад* (перевод информантов).

Как видно из переводов этих предложений, категориальные формы субъюнктива I передаются на таджикский язык при помощи формы аориста типа *равад*. Аорист же в таджикском языке входит в парадигму условно-желательного наклонения (*сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ*).

Следует отметить, что субъюнктив I, в основном, употребляется в поэзии, в высоком научном стиле, а также в официальных документах. В настоящее время данное наклонение постепенно выходит из употребления, замещаясь формой предположительного наклонения (**suppositional mood**).

Subjunctive II и формально, и по семантике отличается от субъюнктива I. У этого наклонения имеется два ряда форм. Один ряд совпадает с формой Past Indefinite изъявительного наклонения, а второй ряд омонимичен с

формой недлительного прошедшего перфекта. Разница с изъявительным наклонением в формальном плане заключается в том, что в субъюнктиве II глагол *to be* для всех лиц и чисел имеет форму *were*. Вопреки индикативу, у которого этот глагол имеет формы *was* и *were*. Например: *I remember him as if it were yesterday* (192, с. 7). *I do wish you brought the children to call upon me* (там же, с. 63). *I wish I had put his eyes out* (192, с. 39).

Субъюнктив II отличается от изъявительного наклонения также и в семантическом плане. Если индикатив выражает реальное действие, то субъюнктив II обозначает нереальное действие, которое проявляется в указании на желание или нереальные условия, о чём свидетельствуют следующие примеры: *If only he could shrink into some corner and stop his ears to shut out the sound!* (195, с. 210). (здесь выражено желание) – *Кошки ба ягон гӯша пинҳон шуда гӯиҳои худро маҳкам кардан мумкин мебуд, то ки ин овозхоро нашунавад* (158, с. 209). *Perhaps, he never would have stopped if Nurse hadn't called the children suddenly* (187, с. 123). (выражено нереальное условие). – *Агар Нӯс бачагонро баногоҳ даъват намекард шояд ӯ харгиз боз намеистод* (перевод информантов).

Переводы этих двух предложений свидетельствуют о том, что субъюнктив II передаётся формой условно-желательного наклонения таджикского языка, которое состоит из основы прошедшего времени смыслового глагола с префиксом *ме-* и личным окончанием. Здесь интересен тот факт, что и в английском, и в таджикском языках формы субъюнктив II и условно-желательное наклонение омонимичны с формой прошедшего времени или Past Perfect (в английском языке) изъявительного наклонения. Ср.: *The injured soldiers called out the pain* (189, с. 161). (изъявительное наклонение). *I wish you called him with inflexible humanity* (191, с. 179) (субъюнктив II). *Агар дар Самарқанд хурӯси Бухоро чег намезад, ман гарди пои инҳоро ҳам аз он ҷо оварда наметавонистам* (156, с. 78). (условно-желательное наклонение). *Назокат ба вазъияти ногувор афтад ҳам, касеро барои ёрӣ чег намезад* (169, с. 126). (изъявительное наклонение).

Хотя субъюнктив II английского языка и условно-желательное наклонение таджикского языка во многом изоморфны в формально-семантическом плане, однако, между ними есть разница. Эта разница заключается в том, что у субъюнктива II имеются две формы, а у условно-желательного наклонения их четыре. И субъюнктив I, и субъюнктив II, и условно-желательное наклонения проявляют одинаковые признаки, однако, у условно-желательного наклонения имеются дополнительные возможности допущения, предположения, намерения. У субъюнктива II отсутствует форма будущего времени, а у условно-желательного наклонения такое время есть. Кроме того, у таджикского наклонения имеется и форма предпрошедшего времени. Например: 1) *If Jo were only with him* (186, с. 78). (форма неперфекта). 2) *“I wish you had not put yourself to so much trouble,” said Mr. Mitchel.* (183, с. 99). (перфектная форма).

Неперфектная форма *were* обозначает нереальное действие, которое является одновременным с моментом речи, а перфектная форма *had not put* обозначает действие, которое предшествует действию *wish*.

Для определения временного соответствия этих двух словоформ английского языка с формой таджикского языка переводим два эти предложения на таджикский язык: 1) *О, Чоу ҳоло ҳамроҳи ӯ мебуд!* 2) - *Ман намехостам, ки ту ба инқадар тафтиш афтода бошӣ, - гуфт мистер Митчел* (перевод информантов).

В первом примере неперфектная форма субъюнктива II (*were*) передана при помощи формы, состоящей из основы прошедшего времени смыслового глагола в сочетании с префиксом *ме-* и личным окончанием (*мебуд*), а перфектная форма передаётся на таджикский язык при помощи формы причастия предшествования смыслового глагола в сочетании с формой аориста вспомогательного глагола *будан* (*афтода бошӣ*).

Условное наклонение (Conditional mood) английского языка представляет собой аналитическую форму, которая состоит из двух рядов форм: *should/would* + инфинитив смыслового глагола и *should/would* + *have*

+ форма Participle II смыслового глагола: “*I should prefer not to be interviewed on the subject,” said Casy (191, с. 157). If you had sailed along of Bill, you wouldn't have stood here to be spoken to twice – not you (192, с. 17).*

Предположительное наклонение (Suppositional mood) выражает проблематичное действие, которое не противоречит действительности. Оно используется для выражения необходимости, приказа, рекомендации, предположения и т. д. Форма данного наклонения является аналитической. Она образуется при помощи вспомогательного глагола *should* (для всех лиц) + инфинитив: *The Gadget had insisted that the work should be finished by the middle of June (195, с. 225). It was necessary I should talk to the doctor (192, с. 223).*

У предположительного наклонения английского языка существуют две временные формы: форма настоящего времени (*should + infinitive*), форма прошедшего времени (*should + perfect (perfect continuous) infinitive*): ... *it was growing dusk, and I began to fear I should find nothing of importance before nightfall (184, с. 46). Curious that their mother's blood should have worked so differently in her two sons (186, с. 109).*

В первом примере словоформа *should find* обозначает действие, одновременное с действием, выражаемом обарзованием “*I began to fear*”, а словоформа *should have worked* обозначает предполагаемое действие, которое предшествовало другому действию (в нашем примере эллиптическое предложение *curious*).

Предположительное наклонение – это такая категориальная форма глагола, указывающая на проблематичное действие в виде необходимости, рекомендации, предположения или приказания: *The Gadget had insisted that the work should be finished by the middle of June (195, с. 225).* – *Фурмагас талаб мекард, ки ин кор то миёнаи моҳи июн тамом карда шавад (158, с. 223).* В данном предложении словоформа *should be finished* выражает приказание. *It was necessary I should talk to the doctor (192, с. 210).* – *Зарур буд, ки ман ба духтур гап занон кунам (перевод информантов).* Здесь форма

сослагательного наклонения выражает необходимость. Она (*should talk*) передаётся на таджикский язык словоформой *gap занон кунам*. *Florence proposed that they should go to Mr. Cuttle's house* (184, с. 67). Здесь *should go* выражает предложение. На таджикский язык данное предложение переводится следующим образом: *Лоренс тавсия кард, ки онҳо ба хонаи ҷаноби Каттл раванд* (перевод информантов). *Should you meet him tomorrow, tell him to come* (188, с. 73). В этом примере словоформа *should meet* обозначает предположение. Данное предложение переводится на таджикский язык следующим образом: *Мабодо ўро пагоҳ дида мони, ба ў гўй, ки ояд* (перевод информантов).

Как видно из переводов вышеуказанных предложений, во всех примерах, кроме последнего, форма сослагательного наклонения английского языка передаётся формой аориста таджикского глагола. Аорист включается в таджикском языке в парадигму условно-желательного наклонения. Только в последнем примере, в котором форма *Suppositional mood* выражает предположение, данное наклонение передаётся при помощи модального слова **мабодо**, а также формы аориста глагола **мондан** в сочетании с формой причастия предшествования смыслового глагола.

Таким образом, все категориальные формы косвенных наклонений (*The Oblique moods*) английского языка совпадают с различными формами условно-желательного наклонения таджикского языка. В зависимости от контекста, а также отдельных семантических оттенков, некоторые формы косвенных наклонений могут передаваться на таджикский язык лексико-синтаксическими средствами.

Теперь переходим к анализу других наклонений таджикского языка и их соответствия в английском языке.

В таджикском языке также функционирует предположительное наклонение, которое отличается от *Suppositional mood* английского языка. У данного наклонения таджикского языка имеются три видо-временные формы:

Форма прош. времени	Форма буд. времени	Форма наст. длит. времени
<i>Хонадгистам</i>	<i>Мехондагистам</i>	<i>Хонда истодагистам</i>
<i>Хонадгистӣ</i>	<i>Мехондагистӣ</i>	<i>Хонда истодагистӣ</i>
<i>Хондагист</i>	<i>Мехондагист</i>	<i>Хонда истодагист</i>

Все эти формы обозначают предполагаемое действие в настоящем, прошедшем или будущем времени. Например: 1) *Вай ҳам ман барин муаллимаи забони русӣ. Ту намешинохтагистӣ* (169, с. 99). – *He is also a Russian teacher. Maybe you don't know him* (перевод информантов). 2) *То баҳор сохта тамом мекардагистем-а, рафиқ Баротов* (173, с. 89). – *We may finish to build it by spring, comrade Barotov* (перевод информантов). 3) *Бечора, балки ин модар доштагист* (169, с. 127). – *Poor boy, she might have had mother* (перевод информантов). 4) *Аз афташ ҳоло ӯ ба хонаш рафта истодагист* (170, с. 211). – *It seems he may be going home now* (перевод информантов).

В первом примере употреблена форма настоящего времени предположительного наклонения (**намешинохтагистӣ**). В таких случаях ее английским эквивалентом выступает модальное слово *maybe*. Во втором примере употреблена форма будущего времени предположительного наклонения. В данном случае такая форма передается на английский язык сочетанием модального глагола *may* с основой инфинитива (**тамом мекардагистем** - *may finish to build*). В третьем примере имеется форма прошедшего времени сослагательного наклонения (**доштагист**). Она передается формой, состоящей из формы прошедшего времени глагола *may* (*might*) в сочетании с перфектным инфинитивом без частицы *to*: **доштагист** - *might have had*.

В последнем примере употреблена форма настоящего длительного времени предположительного наклонения (**рафта истодагист**). Как видно из перевода данного предложения, такая словоформа соответствует в английском языке сочетанию модального глагола *may* с длительной

формой инфинитива смыслового глагола без частицы *to*: ***рафта*** ***истодагист*** – *may be going*.

Таким образом, в зависимости от видо-временной формы предположительное наклонение таджикского языка передаётся на английский язык при помощи трёх средств: модальных слов, глагола *may* с неперфектным инфинитивом или длительным инфинитивом, или же при помощи перфектной формы модального глагола *might*. Есть возможность передать данную форму таджикского наклонения при помощи формы предположительного наклонения английского языка.

В книге под редакцией В. С. Расторгуевой “Основы иранского языкознания. Новоиранские языки” [79] отмечается наличие желательного наклонения. Оно направлено к третьему лицу и имеет форму типа *кунад* и *кунанд*. Они переводятся на русский язык: *пусть сделает, пусть сделают* или *да, сделают!* Это наклонение используется почти исключительно в формах пожелания [79, с. 167]. Такая форма таджикского глагола передаётся на английский язык двумя способами: 1) сочетанием глагольного модификатора *let* с основой инфинитива: ***Мон, у ин корро кунад!*** (169, с. 78). – *Let him do it!* (перевод информантов) 2) при помощи формы субъюнктив I английского глагола: ***Зинда бод ватани азизамон!*** (газета “**Тирози Чахон**”) – *Long live our dear Motherland!* (перевод информантов).

Как отмечает К. Усмонов оппозитивные формы типа “**навишт**” и “**навиштааст**” по своему значению относятся не к категории времени, а к другой категории. У этих форм имеется одна общая функция – указание на отношение говорящего к содержанию своего высказывания. Такое отношение согласно О. С. Ахмановой следует отнести к категории модальности [7, с. 237]. Поэтому К. Усмонов включает данную оппозицию в категорию наклонения. Первый член оппозиции “**навишт**” обозначает реальное действие, свидетелем которого был говорящий, а второй член оппозиции “**навиштааст**” обозначает такое действие, о котором сообщает

говорящий понаслышке, с чужих слов или логического умозаключения. И данную форму он называет формой аудитивного наклонения. Этот термин встречается в книге “Основы иранского языкознания. Новоиранские языки” на странице 179, но автор этого термина употребляет его как синоним формы перфекта таджикского глагола. А также в книге “Опыт историко-типологического исследования иранских языков” на странице 440. Здесь отмечается, что в таджикском языке функционирует заглазное или аудитивное наклонение, этому явлению посвящено 15 строк.

В отличие от существующих взглядов в таджиковедении относительно форм типа: **рафтай, рафтааст**, вслед за Усмоновым мы относим их к неперфектному времени, так как значение перфектности у такой формы является сопутствующим. Главная функция такой формы – это указание на отношение говорящего к действию, выраженному данной формой глагола. Говорящий не уверен в достоверности такого действия. В реальности такое действие может быть ещё не совершено или не будет совершаться, так как говорящий не является личным свидетелем совершения такого действия. Коль здесь речь идёт об отношении говорящего к действию, то мы имеем дело с формой наклонения, ибо наклонение – это отношение действия к реальности, которое устанавливается говорящим. Поэтому, мы вслед за вышеуказанными учёными, словоформу этого разряда мы называем формой аудитивного наклонения. Например: *Падару модари чавон квартираи сехонагӣ доштаанд* (169, с. 95). *Ман хурсандам, ки ... ту мудури шӯбаи маориф таъин шудай* (166, с. 166). *Шумо ҳам ба пешвози вакилон мерафтаед* (там же, с. 223).

Во всех этих предложениях в прошедшем и будущем временах словоформы аудитивного наклонения выражают проблематичное действие, так как не указана достоверность совершения этих действий. Говорящий передаёт описанные события с чужих слов или на основе своего логического умозаключения, что является основной функцией данной словоформы. Поэтому при переводе предложений с такими глагольными

формами следует передать именно значение аудитивности соответствующими средствами, так как в системе английского глагола нет специальных форм, выражающих неочевидное действие. В число таких средств относятся образования типа *it seems* – оказывается, *I came to know* – я узнал, *it appears* – оказывается и тому подобные. Следовательно, вышеуказанные предложения следует перевести на английский язык следующим образом: *Падару модари ҷавон квартираи сеҳонагӣ доштаанд* – *It appears, this youth's parents has got a three-room flat* (перевод информантов). *Ман хурсандам, ки ... ту мудири шӯбаи маориф таъин шудай* – *I came to know that you are appointed the head of education department* (перевод информантов). *Шумо ҳам ба пешвози вакилон мерафтаед* – *As I've heard you will also go to meet the delegation* (перевод информантов).

Таким образом, аудитивное наклонение характерно только для системы таджикского глагола. Оно выражает действие, о совершении которого говорящий не осведомлён. Значение неосведомлённости передаётся на английский язык различными синтаксическими конструкциями.

4. 3. Категория лица и числа глагола в таджикском и английском языках.

В грамматических источниках по таджикскому языку нам нигде не встретилось заглавие под названием “категории лица и числа глагола”. Нет также ни одной статьи, диссертации или монографического исследования по данной теме. В таджиковедении стало традицией рассматривать данный вопрос на уровне синтаксиса при анализе согласования сказуемого с подлежащим. Во всех книгах и статьях по грамматике при анализе сказуемого даётся краткая информация о правилах согласования сказуемого с подлежащим. Имеются отдельные статьи по данному вопросу, в частности, А. Афсахзод опубликовал статью о согласовании сказуемого с подлежащим, выраженным собирательными именами существительными [6]. Более подробно рассмотрен вопрос о согласовании сказуемого с подлежащим в одной объёмистой статье профессора Ш. Рустамова [90, с.

48], он подробно анализирует различные случаи согласования сказуемого с подлежащим. Некоторые сведения даются также и в монографии профессора М. Касимовой по данной теме [67].

Ознакомившись с этими источниками, мы пришли к выводу, что в таджикском языке нет чётких правил выражения категории лица и числа глагола. Поэтому, мы сочли необходимым опираться на те взгляды этих учёных, которые связывают категорию лица и числа глагола с выраженностью подлежащего существительными или субстантивными словами, выражающими лицо и не-лицо. В таджикском языке большей частью данная категория связана с этим фактором. Другие частные случаи несогласования подлежащего и сказуемого носят стилистический характер, или даже, как отмечено в некоторых работах, это зависит от настроения и состояния, или от его отношения к определённому лицу и лицам, выражающим свои мысли, как в устной, так и в письменной форме.

В английском языке категория лица и числа глагола носит дискуссионный характер, так как в этом языке отсутствует чёткая система выражения лица и числа глагола, поскольку в нём почти нет синтетических средств манифестации данной категории, как это наблюдается, в частности, в русском и таджикском языках. Очевидно, по этой причине, в традиционной грамматике категория лица рассматривалась при анализе согласования сказуемого с подлежащим, как это делается в таджиковедении. Но, постепенно, данная категория стала рассматриваться как самостоятельная категория глагола в известных нам грамматиках современного английского языка (А. И. Смирницкий [97], Г. Н. Воронцова [25], Б. Хаймович и Б. Роговская [140], Б. А. Ильиш [135], М. А. Ганшина и Н. М. Василевская [133], М. Я. Блох [123], Н. С. Бархударов [9]).

В этих и других грамматических источниках категория лица и числа глагола трактуется по-разному, но все учёные солидарны в том, что у английского глагола отсутствует последовательная система морфем, выражающих лицо и число.

Профессор М. Я. Блох при анализе данной категории, подразделяет глаголы английского языка на три подсистемы: первая подсистема включает модальные глаголы, у которых нет показателей лица и числа вовсе; вторую подсистему охватывает глагол *to be*, у которого имеются соответствующие формы лица и числа, однако, у глагола *to be* имеются две формы лица – I-е и III-е, поскольку форма второго лица единственного числа полностью совпадает с формой трёх лиц множественного числа, эту форму М. Я. Блох исключает из парадигмы лица [123]. Причину этому мы находим в работе Л. С. Бархударова: “В современном английском языке (в связи с выпадением из его системы форм типа *thou speakest*) соответствующее местоимение существует лишь в пределах множественного числа: *you speak, you are, you were, etc*; эти формы грамматически относятся ко множественному числу (это видно хотя бы по формам глагола {be} – *are, were*), хотя семантически они могут относиться как к одному лицу, так и к нескольким или множеству лиц. Итак, грамматическая категория лица (Person) в английском глаголе конституируется противопоставлением двух категориальных форм: первого лица (1st Person) и третьего лица (3^d Person), причём это противопоставление существует только в пределах единственного числа изъявительного наклонения не прошедшего времени” [9, с. 140]. Третью подсистему М. Я. Блох включает в остальной разряд глаголов настоящего времени индикатива. Здесь в противопоставление по лицу идёт третье лицо единственного числа – первое и второе лицо ед. числа. В третьем лице ед. числа имеется маркер и числа и лица, а первое и второе лица имеют нулевую морфему. В работе М. Я. Блоха также в качестве показателей категории лица включаются вспомогательные глаголы *shall, will, should, would*. Что касается категориального значения числа, то только глагола *to be* имеются числовые формы *was, were*. Ни в пределах прошедшего времени, ни в сфере будущего времени показателей числа у английского глагола нет [123].

По категории лица и числа предложена одна мысль в работе Б. А. Ильиша. Он писал: “Действительно, функции выражения лица при глаголе перешли к местоимению. На вопрос *what does he do?* никак нельзя ответить просто *reads* или *sleeps*, а обязательно надо сказать *he reads* или *he sleeps*.”

Отсюда можно сделать вывод, что местоимение при глаголе стало как бы необходимой принадлежностью глагольной формы, оно находится на пути к тому, чтобы стать чем-то вроде префикса” [57, с. 197].

Вряд ли можно согласиться с этой точкой зрения, так как в третьем лице единственного и множественного чисел вместо личных местоимений могут употребляться имена существительные. Если следовать точке зрения Б. А. Ильиша, то такие существительные также следует включить в разряд префикса, что неправомерно. Нам представляется, что категорию лица и числа у английского глагола следует считать не только грамматической, а лексико-грамматической, так как в её выражении участвуют флективная морфема *-(e)s*, слова-морфемы *is, are, am, was, were, has, have, had, shall, will, should, would*, а также лексические средства, личные местоимения, другие разряды местоимений, существительные, а также субстантивные слова. Поэтому, в английском языке следует разграничить три лица: 1) говорящий или говорящие, 2) собеседник или собеседники, 3) лицо или лица, которые не участвуют в беседе. Эта лексико-грамматическая категория глагола обозначает отношение действия или состояния и его носителя к говорящему лицу. А категория числа обозначает отношение действия или состояния к одному или более носителям предикативного признака, выражаемого глаголом. Эти две категории находят своё выражение в одной форме или в одной лексической единице. В частности *I* обозначает говорящего (первое лицо) и одного носителя предикативного признака.

Теперь переходим к анализу категории лица и числа глагола в таджикском языке и сопоставительному анализу этой категории в таджикском и английском языках. В современном таджикском литературном языке наблюдается чёткая система средств выражения лица и

числа глагола. В одном источнике [79, с. 146 – 147] разграничиваются два ряда средств реализации данной категории. К первому ряду относятся следующие морфемы лица и числа глагола:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 лицо	- ам	- ем
2 лицо	- й	- ед
3 лицо	- ад	- анд (янд)

Эти маркеры лица и числа прибавляются к основе глаголов, поэтому их называют презентными личными окончаниями.

Ко второму ряду оформителей лица и числа таджикского глагола относятся следующие морфемы:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 лицо	- ам	- ем
2 лицо	- й	- ед
3 лицо	- Ø	- анд (янд)

Эти показатели лица и числа принимают претеритальные окончания.

Как видим, внешне все презентные и претеритальные окончания глаголов внешне совпадают, кроме 3 л. ед. ч., где презентная основа имеет морфему *-ад*, а претеритальная нулевую морфему. Тем не менее, в таджиковедении их разграничивают, так как источники их происхождения различаются, о чём даются достаточные сведения в основах иранского языкознания [79, с. 146 -148].

Мы считаем возможным разграничить третий ряд выражения категории лица и числа глагола. К этому ряду относится спряжение глагола в форме аудитивного наклонения, у которого имеется следующая парадигма:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 лицо	<i><u>хондаам</u></i>	<i><u>хондаем</u></i>
2 лицо	<i><u>хондай</u></i>	<i><u>хондаед</u></i>
3 лицо	<i><u>хондааст</u></i>	<i><u>хондаанд</u></i>

Или же:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 лицо	<i><u>хондастам</u></i>	<i><u>хондастем</u></i>
2 лицо	<i><u>хондастї</u></i>	<i><u>хондастед</u></i>
3 лицо	<i><u>хондаст</u></i>	<i><u>хондастанд</u></i>

В “Основах иранского языкознания. Новоиранские языки” *-аст* в этих словоформах ошибочно называется глагольной связкой. Эту единицу следует рассматривать как слово-морфему, так как глагольная связка служит для установления связи между подлежащим и именной частью составного сказуемого. Здесь сказуемое не является именным, а глагольным, поэтому аломорфы морфемы *-аст* функционируют как средство выражения категории лица и числа глагола, а также служат для выражения грамматического значения аудитивного наклонения глагола.

Вышеуказанные три ряда средств образования категории лица и числа глагола служат для двух целей: **во-первых**, они указывают на лицо, и, **во-вторых**, на число. Например: *Ман факултети иқтисодиро тамом кардам, хозир дар шаҳр кор мекунам* (176, с. 133). – *I have graduated from the economic faculty and now I'm working in the city* (перевод информантов).

Как видно, здесь в словоформе *тамом кардам* имеется формант *-ам*, который указывает на отнесённость действия к говорящему, т. е. к первому лицу единственного числа. Морфема *-ам* является показателем отнесённости действия к прошедшему времени, на английский язык она передана при помощи слова-морфемы *have*, которая также указывает на отнесённость действия к первому лицу единственного числа. Во второй части этого примера глагол *кор мекунам* имеет морфему *-ам*, которая также указывает на первое лицо единственного числа, но эта *-ам* является оморфемой, так как вместе с основой настоящего времени *кун* обозначает отнесённость действия к настоящему времени. В английском

переводе этого предложения эквивалентом морфемы **-ам** является слово-морфема **-ам**, которая также обозначает первое лицо единственного числа.

Рассмотрим также и следующие примеры: 1) - *Ту ўро намеиносӣ, таго?* (168, с. 196). *Don't you know him, uncle?* (перевод информантов). 2) - *Ту ба Наталя боварӣ доитӣ* (166, с. 434). – *You trusted Natalya* (перевод информантов).

В первом примере морфема **-ӣ** у словоформы *намеиносӣ* указывает на отнесённость действия ко второму лицу единственного числа в настоящем времени, а во втором примере оморфема **-ӣ** в словоформе *бовари доитӣ* тоже указывает на второе лицо единственного числа, но прошедшего времени. У английского перевода этих предложений словоформы *don't know* и *trusted*, вопреки таджикскому языку, не имеют показателей лица и числа. Данная категория здесь выражена лексически – при помощи личного местоимения *you*.

В примерах: *Наимов инро медонист* (169, с. 89). – *Naimov knew it* (перевод информантов). *Вай Доварро дӯст медорад* (176, с. 184). – *He loves Dovar* (перевод информантов). Словоформа *медонист* имеет нулевую морфему, которая указывает на отнесённость действия к третьему лицу единственного числа прошедшего времени, а словоформа *дӯст медорад*, вопреки предыдущей словоформе, имеет морфему **-ад**, которая обозначает отнесённость действия также к третьему лицу единственного числа, но настоящего времени. Именно благодаря наличию морфемы **-ад** в настоящем и её отсутствию в прошедшем времени разграничивают в таджикском языке два ряда омонимичных морфем лица и числа. Перевод этих словоформ на английский язык свидетельствует о том, что таджикская **-ад** соответствует **-(e)s**, которая также указывает на отнесенность действия к третьему лицу единственного числа настоящего времени. А в словоформе *медонист* таджикская нулевая морфема соответствует также отсутствию морфемы лица и числа глагола прошедшего времени в третьем лице единственного числа. В английском языке данное грамматическое значение

таджикского языка выражается при помощи лексического средства, т. е. личного местоимения *he*.

Как видно из анализа этих примеров, в единственном числе у таджикского глагола имеются три пары морфем, указывающих на лицо и число, а в английском языке имеется одна флективная морфема, а также две – три (*am reading, are reading, is reading*) слова-морфемы.

Следует отметить, что морфема *-ад* в настоящем времени и нулевая морфема в прошедшем времени в таджикском языке могут указывать не на одного исполнителя действия, а на два или большее число носителей предикативного признака: *Дар даруни як хонача ... ду бемор мехобид* (156, с. 142). *Дарҳои ин мехмонхонаҳо ... бо як дари чудогона ба ҳавлии берун кушода мешуд* (там же, с. 148).

Такие случаи почти все таджиковеды, изучавшие согласование подлежащего со сказуемым, связывают с категорией лица и не-лица у имён существительных и утверждают, что с существительными, обозначающими не-лицо, согласование сказуемого с таким словом в функции подлежащего происходит либо в форме единственного, либо в форме множественного числа. А с существительными-подлежащими, выраженными существительными, обозначающими лицо всегда согласуется форма множественного числа. Однако, этому правилу противоречит наш первый пример, где подлежащее, выраженное существительным *бемор* (больной человек) согласуется сказуемым *мехобид* в форме единственного числа. Это говорит о том, что в таджикском языке нет чётких правил согласования сказуемого по лицу и числу с подлежащим в предложении.

Что касается первого, второго и третьего лиц во множественном числе, у таджикского глагола имеется три пары омонимичных морфем лица и числа, которые указывают на отнесённость действия к этим лицам и числам в двух временных сферах. Например: 1) *Мо ба район кас фиристодем* (161, с. 214). – *We have sent a person to the center of the region*

(перевод информантов). 2) *Мо бо босмачиҳо муомила карданро медонем* (161, с. 184). – *We know how to contact with bosmachies* (перевод информантов).

В первом примере у таджикского глагола имеется морфема *-ем*, указывающая на отнесённость действия к первому лицу множественного числа прошедшего времени. Во втором примере в словоформе *медонем* имеется омонимичная морфема *-ем*, обозначающая отнесённость действия к первому лицу множественного числа настоящего времени. В английском переводе таджикская *-ем* в первом случае соответствует слову-морфеме *have*, указывающая на отнесённость действия к первому лицу множественного числа прошедшего времени, а во втором примере таджикская *-ем* передаётся на английский язык при помощи лексического средства, т. е. личного местоимения *we*.

Следует отметить, что обычно в научном стиле изложения с целью скромности исследователи вместо первого лица единственного числа используют форму первого лица множественного числа. Такая несогласованность формы со значением лица и числа глагола наблюдается и в английском, и в таджикском языке. Например: 1) *Дар ин хусус ақида дорем, ки абзои қаавии таззод дар системаи ин категория шакли дараҷаи қиёсӣ аст, ки он ба шакли дараҷаи ҳам оддӣ ва ҳам олій муқобил гузошта мешавад* (102, с. 83). 2) *We have seen* that if morphological alternation of the kinds we have been considering is to be handled submorphemically within a static model we cannot relate morphemes and phonemes directly in terms of composition (R. Huddleston).

В первом примере автор К. Усмонов вместо *ақида дорам* написал *ақида дорем*. То же самое делает американский автор Р. Гаддлстон, который вместо *I have seen* употребил оборот *we have seen*.

В таджикском языке у глагола для выражения второго лица множественного числа должна употребляться морфема *-ед*, а в английском языке у всех глаголов, кроме глагола *to be* нет показателей второго лица множественного числа. На такое значение указывает лексическое средство

– местоимение *you*. В современном таджикском языке становится тенденцией употребление данного окончания по отношению к одному лицу с целью уважительного отношения к собеседнику. Например: *Фақат шумо аз ӯҳдааш мебароед* (170, с. 206). – *Only you can do it* (перевод информантов). *Шумо чӣ гуфта будед?* (161, с. 65). – *What did you say?*

Однако, в некоторых контекстах окончание *-ем* указывает на второе лицо множественного числа: *Шумо, зан мардум, худатон, ки дурӯзгӯӣ нобовар ҳастед, мо, мардонро ҳам мисли худ гумон мекунад* (166, с. 117). ... *шумо, дӯстони мо, голиб бошед ва зафар кунед* (161, с. 235).

Такая тенденция напоминает местоимение *you* английского языка, которое обозначает второе лицо и единственного, и множественного числа. Для снятия такой двусмысленности морфемы *-ед* очень часто добавляют к этому окончанию морфему *-он*, или же местоимение *шумо* принимает эту же морфему – *он* или *-ён*: *Майлаш, набошад дар бозгаит бо Барака аспро дукаса савор шуда биёетон* ... (161, с. 123). *Шумо силоҳҳоятонро якта – якта оварда Бозор – амин сунурдан гиретон* (156, с. 347). *Шумоён ҳам аз думболи ман расида раветон* (там же, с. 456). *Шумоён маро ҳақорат додед* (168, с. 225).

В таджикском языке в качестве морфемы третьего лица множественного числа выступает *-анд* или его вариант *-янд*. В английском языке они соответствуют нулевой морфеме: *Онҳо ба рӯи низ нуқлу хӯрданӣ мениҳоданд* (176, с. 46). *Онҳо басмачихоро ... чоғибдорӣ мекунанд* (168, с. 160). *They began[Ø] to discuss in detail the various plans* (195, с. 215). – *Онҳо нақшаҳои гуногунро ба тавсир ба муҳокима сар карданд* (перевод информантов). *Here are lanes and alleys ... where they dance and game* (184, с. 94). – *Мана сабзозору гулгаитҳо ... , ки онҳо дар онҳо рақсу бозӣ мекунанд* (перевод информантов).

Следует отметить, что в таджикском языке морфема *-анд* (*-янд*) может употребляться по отношению к одному лицу для почтения какого-нибудь лица. Например: *Бой аз ин пеш надониста гоҳо ба шумоён муомилаи сахт*

карда бошанд ҳам, акнун фаҳмиданд, ки ба ятим ва хизматгорон чӣ гуна бояд муомила кард (195, с. 453).

В нашем материале имеются случаи, когда с формой единственного числа слова-подлежащего, глагол употреблён с формантом третьего лица множественного числа: *Насими форами шабона буйҳои хуши сабзаҳои навхези баҳориро меоварданд* (там же, с. 135).

Теперь хотелось бы остановиться на английском глаголе *to be*, который почти полностью выражает категорию лица и числа своими формами. Данный глагол, по крайней мере, имеет четыре функции, благодаря чему он получил широкое употребление в речи. Первая его функция – связочная. Он связывает подлежащее с именной частью сказуемого. В настоящем времени *to be* имеет две формы лица в единственном числе: *am* - показатель первого лица единственного числа, *is* – показатель третьего лица единственного числа. Например: *I am always at the captain's orders* (192, с. 63). – *Ман ҳамеша ба хизмати капитан тайёр ҳастам* (171, с. 67). “*He is nervous, I should think*” (195, с. 157) – *Ба гумонам ӯ асабонӣ аст* (158, с. 155).

Для множественного числа у этого глагола для всех трёх лиц имеется одна форма *are*, т. е. отсутствует разграничение категории лица: *Are you in danger?* (195, с. 39). – *Оё шумо дар хатар ҳастед?* (158, с. 40). *They are there, I know* (195, с. 20). – *Медонам, ки шумо дар хамочо ҳастед* (158, с. 21).

Из этих примеров следует, что во множественном числе на категорию лица указывают лексические средства, т. е. личные местоимения. Из переводов форм *to be* вытекает, что они передаются при помощи глагола связки *аст (ҳаст)*, при чем к ним в таджикском языке добавляются личные окончания *-ам, Ø, -ем, -ед, -анд*. Глагол *аст (ҳаст)* легко может опускаться и указанные личные окончания выражают категорию лица и числа. Следует отметить, что личные формы глагола *to be* образуются в английском языке супплетивным способом и вопреки таджикскому *аст (ҳаст)* эти супплетивные формы не принимают окончания лица и числа.

В сфере прошедшего времени глагол *to be* имеет две супплетивные формы *was* и *were*. *Was* служит для первого и третьего лиц единственного числа, а *were* для всех трёх лиц множественного числа. Это говорит о том, что в прошедшем времени данный глагол не разграничивает категории лица, а противопоставление форм идёт по линии числа. Например: *I even was abroad* (192, с. 134). – Ман хатто дар хорича будам (перевод информантов). *The cloud was bright and cloudless* (192, с. 134). – Осмон софу бе абр буд. *We were now close in* (192, с. 122). – Акнун мо бо ҳам наздик будем (171, с. 130). *You were fourteen in all, and all young men* (183, с. 179). – Шумо ҳамагӣ чордаҳ кас будед ва ҳама ҷавон (перевод информантов). *The houses were by this time somewhat cleared of smoke* (192, с. 149). – Хонаҳо то ин дам аз дуд як нав тоза шуда буданд (171, с. 160).

Как видно из переводов, *was* и *were* передаются на таджикский язык при помощи глагола-связки **будан** в форме прошедшего времени (**буд**) в сочетании с личными окончаниями **-ам, Ø, -ем, -ед, -анд**.

Глагол *to be* может функционировать в качестве вспомогательного глагола для образования длительных времён, другого смыслового глагола, а также для образования страдательного залога. В обоих случаях *to be* сохраняет свои вышеуказанные личные формы в форме настоящего и прошедшего времён. Например: *His left leg was cut off close by the hip* (192, с. 58). – Пой чапи ӯ то худи рон бурида шуда буд (171, с. 60). *The land is walled in with mountains* (187, с. 94). – Ин сарзамин бо кӯҳҳо ифода карда шудааст (перевод информантов). *We are disturbing the other readers* (195, с. 181) – Мо дигар хонандагонро ба таъвиш андохта истодаем (158, с. 183). *They were being condemned* (187, с. 150). – Онҳо маҳкум шуда истода буданд (перевод информантов).

Как видно из переводов, *to be* в функции морфемы пассива передаётся на таджикский язык личными формами глагола **шудан**. А в функции маркера длительных форм глагола передаётся личными формами вспомогательного глагола **истодан**. Глагол *to be* может выступать в качестве модального

глагола в качестве долженствования, и при этом он сохраняет свои соответствующие личные формы настоящего и прошедшего времён. Например: *We were to take it* (192, с. 133). – *Мо мебоист инро гирем* (171, с. 135). *I am to see you next Sunday* (192, с. 59). – *Ман бояд туро якианбеи оянда бинам* (171, с. 61).

В данной функции *to be* и его личные формы соответствуют модальному глаголу *бояд*, который не спрягается по лицам и числам, оставляя эту функцию за личными окончаниями, прибавляемыми к основному глаголу (*гирем, бинам*).

Следует отметить, что глагол *to be* в субъюнктиве II имеет только одну форму для всех лиц и чисел. О чём свидетельствуют следующие примеры: *If he were Admiral Hawke he shall pay his score* (192, с. 59). – *Агар Адмирал Гок ҳам мебуд, ӯ мебоист пули шаробро диҳад* (171, с. 61). *He wished it were vacation and Maisie back from school* (185, 56). - *Ў мехост, ки ҳоло таътил мебуду Майзи ба мактаб намерафт* (перевод информаторов).

В этом случае опять же глагол *were* для всех лиц и чисел передается на таджикский язык при помощи глагола *будан* в личной форме сослагательного наклонения, о чём свидетельствуют приведенные примеры.

Таким образом, в таджикском языке имеется чёткая система средств выражения категорий лица и числа глагола, при этом для сферы настоящего времени имеется одна группа личных окончаний, а для сферы прошедшего времени другая группа морфем. Эти две группы маркеров лица и числа совпадают, кроме морфемы третьего лица единственного числа. Однако, наблюдаются многочисленные случаи, когда форма лица и числа не соответствует его содержанию, что связано с двумя факторами: 1) отнесенность существительного к категории лиц и не-лиц, 2) стилистические цели выражения уважения, скромности и почтения. В отдельных случаях невозможно объяснить несогласованность формы лица и числа с его содержанием. В английском языке довольно скудна система

морфологических средств выражения числа и лица глагола. Поэтому, в качестве показателей этой категории часто выступают лексические средства: формы личных местоимений или имён существительных. Поэтому, маркеры лица и числа таджикского глагола передаются на английский язык в подавляющем большинстве случаев лексическими средствами.

Заключение

1. Категориальной функцией глагола является выражение признака, чем характеризуется и прилагательное. Разница между признаками, обозначаемыми этими частями речи, заключается в том, что глагол указывает на динамический признак, а прилагательное на статический признак. Однако, статика иногда проявляется и у глагола. Это происходит в синтаксических конструкциях типа N + V + adj., а также в причастных формах глагола.
2. Вопрос о детерминантах семантики глагольной лексики связан с рядом факторов. В качестве первого фактора выступает онтологический параметр. Это значит, что для каждого предмета материального мира или его группы и класса характерна определенная совокупность действий и состояний: человек думает, собаки лают, ходит и человек и собака, и поезд и т. д. Эти действия и состояния, отражаясь в сознании носителя языка, образуют понятия, содержание которых образуют значение глагольного слова. Второй фактор связан с сочетаемостью глагола с существительными различных семантических разрядов, вступающих в неоднородные смысловые отношения между действием и его актантами. Эти отношения составляют теорию глубинных падежей.
Третьим фактором выступает семантика субстантивных слов, сочетающихся с этой частью речи. Сочетаемостные потенции глаголов таджикского и английского языков зачастую не совпадают.
3. Глаголом следует считать тот разряд слов, которые обозначают понятие действия, состояния, процесса или служат для выражения модальных или различных грамматических отношений.
4. У знаменательных слов, в том числе у глагола, имеется и логическая основа. В материальном мире предметы и явления совершают тысячи действий и попадают в различные состояния. У каждого действия и состояния имеются свои существенные и различительные признаки,

которые получают своё отражение в сознании человека в виде понятия. Эти понятия лежат в основе значения глагольного слова.

5. Глаголы в сопоставляемых языках делятся на три группы: смысловые, служебные, вспомогательные, что зависит от их семантики и функции.

По способу образования форм прошедшего времени и причастия II (в англ. яз.) глаголы в обоих языках делятся на правильные и неправильные.

На основе своей потенции принимать прямое дополнение в обоих языках разграничиваются переходные и непереходные глаголы, что значимо для таджикского языка. В английском языке значимо деление глаголов на объектные и необъектные.

6. В английском и таджикском языках функционируют инфинитив, причастие и герундий (только в английском языке), а в таджикском языке имеется деепричастие. В английском языке разграничивают два причастия, тогда как в таджикском их три. Английский герундий большей частью соответствует таджикскому инфинитиву или отглагольному существительному.

7. В таджикском и английском языках у глагола имеется категория времени. В таджикском языке в парадигму этой категории входят два ряда форм, а в английском языке категория времени представляет собой трёхчленную оппозицию.

В таджикском языке отсутствует специальная грамматическая форма будущего времени у глагола, значения двух форм будущего времени английского глагола передаются на таджикский язык наречиями времени, предложными конструкциями, контекстом.

8. Категория вида представляет собой двухчленную оппозицию в английском языке, тогда как таджикский вид состоит из трёх категориальных форм. У английского глагола форма общего вида противопоставляется форме длительного вида.

В таджикском языке общий, длительный и совершенный вид противопоставлены друг другу.

9. В сопоставляемых языках залог является лексико-морфологической и синтаксической категорией, поскольку не все семантические классы глаголов обладают парадигмой данной категории. У залога имеются морфологические формы.

Категория залога связана с направленностью действия слева направо (действительный залог) или справа налево (страдательный залог). Соответственно, говорят о центробежном и центростремительном действии.

В английском и таджикском языках следует разграничивать два залога: действительный, страдательный. Действие, выраженное формой действительного залога, является центробежным. Наоборот, форма пассива указывает на центростремительность действия.

Сфера употребления пассива в таджикском языке крайне ограничена по сравнению с английским языком, так как в таджикском языке только переходные глаголы имеют две залоговые формы, а в английском и переходные, и непереходные глаголы, принимающие косвенное или предложное дополнение, могут употребляться и в активе, и в пассиве.

Форма страдательного залога непереходных глаголов английского языка передаётся на таджикский язык при помощи либо изменения порядка слов в предложении, либо неопределённо-личной формой глагола-сказуемого.

10. В английском языке перфектные формы глагола противопоставляются неперфектным формам. Такая оппозиция составляет категорию порядка глагола. Подобная категория у таджикского глагола отсутствует.
11. У английского глагола следует разграничить шесть рядов форм наклонения. Первый ряд выражает реальные действия в формах

утверждения, отрицания и вопроса. Такой ряд форм называется формами изъявительного наклонения. Данное наклонение охватывает 12 форм активного залога и 10 форм пассива. В таджикском языке также функционирует изъявительное наклонение (**сиғаи хабарӣ**), которое включает пять форм в сфере прошедшего, две формы настоящего времени и одну новообразованную форму в будущем времени. Эти формы могут употребляться и в активе, и в пассиве. Следовательно, 22-ум формам изъявительного наклонения английского языка соответствуют 16 форм таджикского глагола.

Вторым наклонением в сопоставляемых языках является форма повелительного наклонения, которая выражает приказание, просьбу и побуждение к совершению действия.

Четыре ряда форм английского глагола выражают проблематичные или нереальные действия. Ими являются формы Subjunctive I, Subjunctive II, Conditional mood, Suppositional mood.

Четыре вышеуказанные формы английского языка передаются формами условно-желательного наклонения таджикского языка.

В таджикском языке имеется условно-желательное наклонение, которое большей частью эквивалентно косвенному наклонению английского языка.

Функционируют ещё три других наклонения, куда входят формы типа **“рафтагист”** в различных видовременных формах. Эта форма называется предположительным наклонением (**сиғаи эхтимоли**). Оно передаётся на английский язык при помощи модальных слов типа “probably”, “maybe” и т. д. Второй формой наклонения является образование типа **“рафтааст”** в различных видовременных формах. Данная форма называется аудитивным наклонением, которое передаётся на английский язык лексико-синтаксическим способом типа: I came to know, It appears, They say и т. д. Третья форма таджикского наклонения называется формой желательного

наклонения (**кунад, гирад**), которая передаётся на английский язык либо сочетанием “let + основа инфинитива”, либо формой Subjunctive I типа Long live - **Зинда бод**.

12. У английского глагола разграничивается категория лица и числа. Данное морфологическое явление рассматривается в таджиковедении на синтаксическом уровне. В этом языке имеется чёткая система средств выражения лица и числа глагола, причём для глаголов в настоящем времени существует одна группа морфем лица и числа, а для обозначения действия или состояния в прошедшем времени функционирует другой ряд морфем данной категории. Эти две группы морфем являются омонимичными, кроме маркера третьего лица единственного числа глагола в прошедшем времени. Этот маркер представляет собой нулевую морфему в отличие от морфемы третьего лица единственного числа глагола настоящего времени, ею является окончание **-ad**.

В английском языке, в отличие от таджикского языка, нет чёткой системы флексий лица и числа глагола, кроме служебного глагола “to be”. В этом плане следует разграничить три группы глаголов: 1) модальные глаголы, у которых нет указателей лица и числа, кроме “need” и “dare”, 2) глагол связка “to be”, у которого есть три формы лица в единственном числе (I am, you are, he is) в настоящем времени. Им во множественном числе противостоит форма “are”, т. е. во множественном числе нет специальных форм лица. 3) Третья группа глаголов – это смысловые глаголы, у которых имеется только одна морфема лица и числа **-(e) s**. А в будущем времени у этих глаголов форма первого лица противопоставляется второму и третьему лицам, на что указывает слово-морфема “shall (should)”, которая стоит в оппозиции к слово-морфеме “will (would)”.

Поскольку у английских модальных и смысловых глаголов почти отсутствуют показатели лица и числа, эту функцию берут на себя

личные местоимения в форме именительного падежа, выступающие в синтаксической функции подлежащего. Поэтому в английском языке рассматриваемую категорию следует считать не морфологической, а лексико-грамматической, а в таджикском языке она является чисто морфологической категорией.

В целом, в плане семантики глагольных слов между таджикским и английским языками обнаруживается большой изоморфизм. А в формально-грамматическом аспекте между этими языками имеется множество различий. Таджикский глагол более синтетичен, чем английский, что связано с историей их развития.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. - М.: Наука, 1974. - 366 с.
2. Апресян, Ю.Д. Принципы семантического описания единиц языка. Семантика и представление знаний / Ю.Д. Апресян // Вып. 519.- Тарту: Тарт. гос. ун-т, - 1980. - С. 3 - 24.
3. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник / И.В. Арнольд. - 3-е изд., - М.: Высшая школа, 1986. - 295 с.
4. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования / И.В. Арнольд. - Л.: Просвещение, 1966. - 192 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1976. - 392 с.
6. Афсахзод, А. Мувофиқияти хабар бо мубтадои бо исмҳои чомаъифодаёфта / А. Афсахзод. (на тадж. яз.) // Мактаби советӣ, - 1969. - № 12. - С. 21 - 24.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 607 с.
8. Балин, Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским / Б.М. Балин. Калинин, 1969. - 167 с.
9. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. - М.: Высшая школа, 1975. - 156 с.
10. Бархударов, Л.С. Семантика связочных глаголов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бархударов Леонид Степанович. - М., 1951. - 218 с.
11. Бархударов, Л.С., Штелинг, Д. А. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. - М.: Высшая школа, 1973. - 424 с.
12. Басова, Р.В. Категория страдательного залога в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Басова Раиса Васильева. - Л., 1971. - 27 с.

13. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Текст / В.В. Богданов. - Л.: ЛГУ, 1977. - 204 с.
14. Бондарко, А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. - СПб., - 1991. - С. 125 - 141.
15. Бондарко, А.В. Временные категории (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Категоризация мира: пространство и время. - М., 1997. - С. 31 – 34.
16. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. - Л., 1976. - 248 с.
17. Бондарко, А.В. К теории поля в грамматике. Залог и залоговость / А.В. Бондарко // Вопр. языкознания. - 1972. - № 3. - С. 20 - 35.
18. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. - М.: Прогресс, 2001. - 219 с.
19. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. - М.: Высшая школа, 1981. - 186 с.
20. Васильева-Шведе, О.К., Степанов, Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка // Морфология и синтаксис / О.К. Васильева-Шведе, Г.В. Степанов. - М.: Высшая школа. 1972. - 344 с.
21. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. - М., 1972. - 476 с.
22. Винокурова, А.А. Пассивные конструкции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Винокурова Ангелина Александровна. - М., 1973. - 31 с.
23. Войшвилло, Е.К. Понятие как форма мышления / Е.К. Войшвилло. - М.: Изд. МГУ, 1989. - 293 с.
24. Воронина, Г.Б. Роль агенса при пассивной конструкции (на материале современного немецкого языка в сопоставлении с современным английским и шведским): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронина Галина Борисовна. - М., 1973. – 21 с.

25. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. - 370 с.
26. Воронцова, Г.Н. Значение перфекта (Perfect Present) в современном английском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Воронцова Галина Николаевна. - М., 1953. - 32 с.
27. Вострикова, Л. И. Структура группы связного глагола в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вострикова Лилия Ивановна. - Л., 1970. - 231 с.
28. Выгодский, Л.С. Мышление и речь. В кн.: Собр. соч. Проблемы общей психологии / Л.С. Выгодский. - М., 1982. - 2 т.
29. Гак, В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур)// Инвариантные синтаксические значения и структура предложения / В.Г. Гак. Ответств. ред. Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1969. - С. 77 - 85.
30. Гафурова, Ф.К. Отношение между категорией залога и лексико-синтаксической классификацией глаголов в английском и таджикском языках / Ф.К. Гафурова // Учёные записки. ХГУ им. акад. Б. Гафурова. - 2012. - № 1 (29). - С. 109 - 129.
31. Гафурова, Ф.К. Структурный анализ пассива личных форм английского и таджикского глагола / Ф.К. Гафурова // Учёные записки. ХГУ им. акад. Б. Гафурова. - 2012. - № 3 (31). - С. 79 - 91.
32. Гафурова, Ф.К., Зикриёев, Ф.К. Андешаҳо роҷеъ ба тарзҳои ғоилӣ ва мафбулии феълҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Ф.К. Гафурова, Ф.К. Зикриёев // Известия академии наук РТ: Филология и востоковедение. - 2013. - № 1 (13). - С. 5 - 12.
33. Гогошидзе, В.Д. Взаимодействие семантики и грамматики в системе английского глагола / В.Д. Гогошидзе. - Душанбе: Дониш, 1985. - 153 с.
34. Грамматикаи забони хозираи адабии тоҷик. қ. I. Фонетика ва морфология - Душанбе: Дониш, 1985. - 355 с.

35. Гуревич, В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского языка / В.В. Гуревич. - М.: Наука, 2003. - 168 с.
36. Гухман, М.М. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Мирра Моисеевна Гухман. - М., 1955, - С. 189 – 211
37. Гухман, М.М. Становление страдательного залога германских языков и развитие строя предложения (из истории предикативных отношений): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Мирра Моисеевна Гухман. - М.: Акад. наук СССР, 1950. - 53 с.
38. Гухман, М.М. Страдательный залог в индоевропейских языках и проблема залоговой дифференциации / М.М. Гухман. Труды ВИИЯ, 1945. - 156 с.
39. Джемшедов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках / П. Джемшедов. - Душанбе: Маориф, 1989. - 176 с.
40. Джемшедов, П. Сопоставительный анализ английских глагольных форм и таджикского Муайан / П. Джемшедов. - Душанбе: Маориф, 1973. - 175 с.
41. Дзбановская, Г.С. Глагольная и именная репрезентация в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дзбановская Галина Сергеевна. - М., 1974. - 21 с.
42. Докторевич, И.С. Грамматическое содержание структуры «BE + ED» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Докторевич Инна Сергеевна. - Одесса, 1977. – 26 с.
43. Дрожащих, А.В. О некоторых способах передачи значения пассивности в английском научном тексте / А.В. Дрожащих // ред. кол. журн.: Вестник ЛГУ. Сер.: История, яз., лит. - Л., - 1990. – С. 8-12.
44. Дрожащих, А.В. Семантика и функции английских пассивных конструкций в текстах научных документов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дрожащих Александр Владимирович. - СПб., 1991. – 16 с.

45. Ермолаева, Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ермолаева Любовь Степановна - М., 1978. - 49 с.
46. Есперсен, А. Философия грамматики / А. Есперсен. - М.: 1958. - 404 с.
47. Жигадло, В.Н. Субъектные и объектные отношения в форме страдательного залога / В.Н. Жигадло // Учёные записки Ленингр. гос. ун-та им. Жданова, т.301, вып.60. - 1961. - С. 58 - 64.
48. Жигадло, В.Н., Иванова, И.П., Иофик, Л.Л. Современный английский язык / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. - 349 с.
49. Забони адабии ҳозираи тоҷик, қ. I. - Душанбе: Ирфон, 1973. - 452 с.
50. Завражина, Е.П. Пассивные конструкции с агентивным дополнением в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Завражина Елена Петровна -Л., 1989. - 167 с.
51. Зикрияев, Ф. К., Зоҳидов, А. Таджикский язык / Ф.К. Зикрияев, А. Зоҳидов. - Душанбе, 2008. - 144 с.
52. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1973. - 250 с.
53. Ибрагимова, Р.А. Причастие в современных таджикском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ибрагимова Рано Абдушукуровна - Худжанд – Душанбе, 2010. - 178 с.
54. Иванова, И.П. Вид и время в современном английском языке / И.П. Иванова. - Л.: Изд. ЛГУ, 1961. - 197 с.
55. Иванова, И.П. Система видо-временных форм глагола, в кн: И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
56. Ильиш, Б.А. Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке. – В кн.: Вопросы германского языкознания. - М., 1961.
57. Ильиш, Б.А. Современный английский язык / Б.А. Ильиш. Изд. 2. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. - 348 с.

58. Иртеньева, Н.Ф. Грамматика современного английского языка. (теоретический курс) / Н.Ф. Иртеньева. - М., 1956. - 224 с.
59. Искандарова, Д.М. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Искандарова Дилоро Мукаддасовна. Таджикский гос. нац. ун-т.- Душанбе, 1997. - 38 с.
60. Карпенко, Т.С. Синтаксическое поле противопоставления в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Карпенко Татьяна Сергеевна. - Киев, 1982. - 24 с.
61. Киланава, Э.В. Пассивные диатезы в современном английском литературном диалоге: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Киланава Эмма Владимировна. - Тбилиси, 1981. - 22 с.
62. Корсаков, А.К. The Use of Tenses in English / А.К. Корсаков. Lvov University Press. 1969. - 214 с.
63. Корсаков, А.К. Категория вида в современном английском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Корсаков Андрей Константинович. - Тбилиси, 1970. - 26 с.
64. Крылова, И.П., Гордон, Е.М. Грамматика современного английского языка / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. 5-е изд. - М.: Университет: ГЛОССА, 2000. - 448 с.
65. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. - М., 1978. - 156 с.
66. Кузнечик, Т.А. Агенси пассивных конструкций в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кузнечик Тамара Александровна - М., 1978. - 22 с.
67. Қосимова, М. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насри ХІ / М. Қосимова. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 112 с.
68. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. - М.: Прогресс, 1978. - 544 с.

69. Левицкий, Ю.А. Пассив в системе глагольных форм. – В кн.: Проблемы теории грамматического залога / Ю.А. Левицкий. - Л., 1978. - 229 с.
70. Лекант, П.А. Типы и форма сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. - М.: Высшая школа, 1976. - 144 с.
71. Леонтьева, Н.Н. О статусе валентностей в информационном анализе текста. // Семиотика и информатика / Н.Н. Леонтьева. - М.: Школа «Языки русской культуры», - 1998. - Вып. 36. - С. 41-50.
72. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. - М.: Изд. МГУ, 1975. - 253 с.
73. Мамадназаров, А. Сравнительно-типологическое изучение условно-желательного наклонения в современных английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамадназаров Абдусалом. - Тбилиси, 1986. - 26 с.
74. Маъсумӣ, Н. А. Асарҳои мунтахаб / Н. Маъсумӣ. ҷ. II. (на тадж. яз.) - Душанбе: Ирфон, 1980. - 350 с.
75. Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка / И.И. Мещанинов. - Л.: Наука, 1975. - 352 с.
76. Носирова, Ф.Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языке: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Носирова Фируза Хашийбаевна - Душанбе, 2002. - 162 с.
77. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. 15-е стереотипное издание. - М.: Русский язык, 1984. - 900 с.
78. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. том 2. - М.: Наука. 1975. - 476 с.
79. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Под ред. Расторгуевой В.С. - М.: Наука, 1982. - 570 с.
80. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Под ред. Расторгуевой В. С. - М.: Наука, 1981. - 544 с.

81. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. - М.: Просвещение, 1968. - 580 с.
82. Почепцов, Г.Г. О принципах синтагматической классификации глаголов // Филологические науки / Г.Г. Почепцов. - 1969, № 3. - С. 8-15.
83. Расторгуева, В.С. Глагол // Предложение. Таджикско-русский словарь под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской. - М., 1954. - 571 с.
84. Расторгуева, В.С., Керимова, А.А. Система таджикского глагола / В.С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: Наука, 1964. - 292 с.
85. Резников, А.Л. Новоанглийский пассив (функционально-грамматическое исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Резников Андрей Леонидович. - Л., 1984. - 190 с.
86. Резниковская, Г.А. К вопросу о грамматическом значении вида глагола в современном английском языке // Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 64, вып. 3. - 1958. - С. 34-46.
87. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов/ Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. - М.: Просвещение, 1976. - 544 с.
88. Розенфельд, А.З. Глагол (Очерки по грамматике современного таджикского языка) / А.З. Розенфельд. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, Вып. 4. 1954. - 80 с.
89. Розенфельд, А.З. Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Розенфельд Анна Зиновьевна. - Л.: Наука, 1966. - 32 с.
90. Рустамов, Ш. Мувофиқияти хайар бо мубтадо // В его кн.: Мушкилоти синтаксис. - Душанбе: Маориф, 1988. - С. 6-54.
91. Сиёев, Б. Очерк оид ба таърихи феъли забони адабии тоҷик / Б. Сиёев. - Душанбе: Дониш, 1968. - 164 с.
92. Сильницкий, Г.Г. Глагольная валентность и залог // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Г.Г. Сильницкий. - Л., - 1974. - С. 54-73.

93. Сильницкий, Г.Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Г.Г. Сильницкий. - М., - 1981. - С. 39 - 45.
94. Сильницкий, Г.Г. Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков / Г.Г. Сильницкий. - М.: Наука, 1966. - 215 с.
95. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. - М., 1957. - 418 с.
96. Смирницкий, А.И. Значение слова/ А.И. Смирницкий // ВЯ - 1955. - № 2, - С 79-89.
97. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка/ А.И. Смирницкий. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. - 440 с.
98. Сухотин, В.П. Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе М. Ю. Лермонтова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка / В.П. Сухотин. - М.: Изд-во АН СССР, - 1953. Т. 3. - С. 200-240.
99. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. - СПб.: Наука, 1991. - 364 с.
100. Тертус, Л.Ф. Развитие пассивной конструкции к началу образования английского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тертус Л.Ф. - Днепропетровск, 1946.- 215 с.
101. Тошов, А.Ю. Сравнительно-сопоставительный анализ категории залога (страдательный) в таджикском, английском и русском языках (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тошов Айниддин Юлдашевич. - Душанбе, 2013. - 167 с.
102. Усмонов, К. Грамматикаи назарии забони англиси / К. Усмонов. - Душанбе, Худжанд: Нури марифат, 2010. - 236 с.

103. Усмонов, К. К вопросу о грамматическом значении категории залога // Совершенствование обучения языкам в условиях перестройки высшей школы / К. Усмонов - Душанбе: Дониш, - 1990. - С 47-52.
104. Усмонов, К. Видо-временная характеристика причастия в английском и таджикском языках / К. Усмонов // Учёные записки ХГУ им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки, - № 2. - 2006. - С 38-44.
105. Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К. Усмонов. - Худжанд: Нури марифат. 2015. - 230 с.
106. Усмонов, К., Гафурова, Ф.К. О коммуникативной направленности агентивного дополнения в английском и таджикском языках / К. Усмонов, Ф.К. Гафурова // Учёные записки ХГУ им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. - № 3 (36), - 2013. - С. 95-102.
107. Усмонов, К., Ибрагимова, Р.А. Генезис причастий в таджикском и английском языках / К. Усмонов, Р.А. Ибрагимова // Вестник Таджикского Национального Университета. - Душанбе: Сино, 7 (63), - 2010. - С. 82 – 85.
108. Усмонов, К., Ибрагимова, Р.А. Категория залога в системе причастий английского и таджикского языков / К. Усмонов, Р.А. Ибрагимова // Актуальные вопросы филологии. Вып. III, - Душанбе,- 2009. - С. 30-36.
109. Уфимцева, А.А. Об особенностях семантики глагольных лексем английского языка / А.А. Уфимцева // Теория языка. Кельтология. Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, - 1976. - С. 141-151.
110. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева // М.: Наука, 1974. - 280 с.
111. Халилов, А. Способы выражения субъектной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов. - Душанбе: Дониш, 1985.- 90 с.
112. Хамроалиев, Н. Глагольный вид в современном английском и таджикском языках / Н. Хамроалиев. Душанбе: Дониш, 1979. - 160 с.
113. Хлебникова, И.Б. Некоторые вопросы типологического сопоставления видо-временных систем / И.Б. Хлебникова // Текст //

Структурно-типологическое описание современных германских языков. - М.: Наука, - 1966. - С. 62 – 73.

114. Холодович, А.А. Залог (определение и исчисление) / А.А. Холодович. – В кн.: Категория залога (Материалы конференции). - Л., 1973. - С. 13-27.

115. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. - 432 с.

116. Черкасс, И.А. Функционально-семантическое поле залоговости в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Черкасс Ирина Анатольевна - Пятигорск, 1992. - 213 с.

117. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации. / Пер. с англ / Р. Шенк. - М.: Энергия, 1980. - 360 с.

118. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв - М.: Просвещение, 1977. - 336 с.

119. Штелинг, Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие / Д.А. Штелинг. - М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. - 254 с.

120. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол: в кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя / Р. Якобсон. - М., 1972, - 101 с.

121. Ярцева, В.Н. Длительные времена и проблема вида в английском языке / В.Н. Ярцева // Уч. Зап. ЛГУ, вып. 5, № 58 -Л. - 1941. - С. 138 - 147.

122. Ярцева, В.Н. Категория активности и пассивности в английском языке / В.Н. Ярцева // Ленинградский государственный университет. Труды юбилейной сессии. Секция филол. наук. - Л., - 1946. - С. 30 - 44.

123. Blokh, M. Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh. - М.: Vishaya shkola, 1983. - 384 p.

124. Bryant, M. A Functional English Grammar / M. Bryant. - Boston D. C: Health and Co., 1945. - 326 p.

125. Bryant, M.M. The Passive Construction / M.M. Bryant // College English. Vol. 21, № 4, - 1960. - Pp. 230 - 232.

126. Curme, G. The Proper Subject of a Passive Verb / G. Curme // M.L.N., - 1928. - Pp. 90 - 101.
127. Curme, G.O. Some characteristic features of aspect in English / G.O. Curme // JEGP vol. 31, № 2, Illinois, - 1928. - Pp. 378- 386.
128. Davidson, A. Peculiar Passives / A. Davidson // Language. Vol. 56. - №1. March, - 1980. - Pp. 42 - 46.
129. Deutschbein, M. System der neuenglischen Syntax / M. Deutschbein. Otto Sshulze, University of California, 1917. - 340 p.
130. Diver, W. The chronological system of the English verb / W. Diver. - Word // Vol. 19. - 1963, No. 2. - Pp. 141-181.
131. Fillmore, Ch. The Case for Case / Ch. Fillmore // Universals in linguistic theory. N. Y., 1968. - Pp. 18-63.
132. Gaaf, W. The Passive of a Verb, Accompanied by a Preposition / W. Gaaf // English Studies, XII, - 1930. - Pp. 1 - 24.
133. Ganshina, M.A., Vasilevskaya, N.M. English Grammar / M.A. Ganshina, N.M. Vasilevskaya. Ninth edition revised. Higher School Publishing House, 1964. - 540 p.
134. Granger, S. To be + Past Participle Construction in Spoken English with Special Emphasis on the Passive / S. Granger. - Amsterdam, 1983. - 336 p.
135. Ilyish, B. The Structure of Modern English / B. Ilyish. - L.: Prosvesheniye, 1971. - 368 p.
136. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles / O. Jespersen. Part IV. Lnd., 1949. - 418 p.
137. Jespersen, O. Philosophy of Grammar / O. Jeapersen. - London: Allen and Unwin, 1929. - 434 p.
138. Joos, M. The English Verb: form and meanings / M. Joos. - The University of Wisconsin Press, Madison and Milwaukee, 1964. - 251 p.
139. Juilland, A. and Macris, T. The English verb system / A. Julliand, T. Macris. - Gravenhage: Monton and Co, 1962. - 340 p.

140. Khaimovich, B.S., Rogovskaya, B.I. A Course in English Grammar / B.S. Khaimovich, B.I. Rogovskaya. - M.: Vishsaya shkola, 1967. - 301 p.
141. Kies, D. The Uses of Passivity: Suppressing Agency in "Nineteen Eighty-Four" / D. Kies // Advances in Systemic Linguistics. London. - New York: Pinter Publishers, - 1992. - Pp. 229 - 250.
142. Klaiman, M.H. The Study of Voice. Grammatical voice / M.H. Klaiman. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991. - 323 p.
143. Korsakov, A. The Use of Tenses in English / A. Korsakov. - Lvov, 1969. - 224 p.
144. Kruisinga, E.A Handbook of Present Day English / E.A. Kruisinga. Part II. - Groningen Noordhoff, 1931. - 347 p.
145. Leech, G.N., Svartvik, J.A Communicative Grammar of English / G.N. Leech, J.A. Svartvik. - M.: Prosveshenie, 1983. - 304 p.
146. Leech, G.N. Meaning and the English verb / G.N. Leech. - London: Oxford University Press, 1987. - 139 p.
147. Natanson, E.A. Oblique Moods. Modal Verbs / E.A. Natanson. - M.: Mezhdunarodniye otnoshenia, 1968. - 159 p.
148. Palmer, F.R. A linguistic study of the English verb / F.R. Palmer. - L.: Longman and Co., Ltd., 1985. - 1779 p.
149. Poutsma, H.A Grammar of Late Modern English / H.A. Poutsma. Part II, - Groningen, 1926. - 384 p.
150. Stein, G. Studies in the Functions of the Passive / G. Stein. - Tubingen, 1979. - 156 p.
151. Svartvik, J. On Voice of the English Verb / J. Svartvik. - The Hague-Paris: Mouton, 1966. - 200 p.
152. Sweet, H.A New English Grammar, Logical and Historical / H.A. Sweet. Part I, - Oxford. 1892. - 318 p.
153. Traugott, E.C. Spatial expressions of tense and temporal sequencing: A contribution to the study of semantic fields / E.C. Traugott // Semiotica. - The Hague: Mouton, 1975. Vol. 15. - № 3. - Pp. 207-230.

154. Twaddel, W.F. The English verb auxiliaries / W.F. Twaddel. - Brown University Press. 1960. - 32 p.

155. Zendwoort, R.W. A Handbook of English Grammar / R.W. Zendwoort. - London: Longman Group Ltd, 1972. - 340 p.

Источники иллюстрированного материала

156. Айнӣ, С. Куллиёт / С. Айнӣ. ҷ. 3. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. - 622 с.

157. Бобочон, А. Фарзанди Октябр / А. Бобочон. - Сб.: Лолаҳои кӯҳсор. - Душанбе: Адиб. 1987. - С. 73-87.

158. Войнич, Э. Л. Ғурмагас / Э. Л. Войнич. - Душанбе: Маориф, 1982. - 320 с.

159. Гулназар Келди. Расми Худфарсой / Гулназар Келди. – Сб.: Лолаҳои кӯҳсор. - Душанбе: Адиб, 1987. – С. 61-72.

160. Икромӣ, Ҷ. Асарҳои мунтахаб / Ҷ. Икромӣ. Ҷ 4. - Душанбе: Адиб. 1973. - 306 с.

161. Икромӣ, Ҷ. Шодӣ / Ҷомӣ Икромӣ. - Душанбе.: Адиб, 1989. - 384 с.

162. Карим, Ҳ. Оқшуда. Асарҳои мунтахаб / Ҳ. Карим. - Душанбе: Ирфон, 1965. – 368 с.

163. Муҳаммадиев Ф. Куллиёт, ҷ. II / Ф. Муҳаммадиев. - Душанбе: Адиб, 1990. - 444 с.

164. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. - М., 1961. - 912 с.

165. Начмиддинов, М. Қиссаи бародарон / М. Начмиддинов. - В кн.: Лолаҳои кӯҳсор. - Душанбе: Адиб, 1987. - С. 24 - 48.

166. Ниёзӣ, Ф. Вафо. Китоби дуюм / Ф. Ниёзӣ. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958. - 448 с.

167. Ниёзӣ, Ф. Ҳар беша гумон магар, ки холист / Ф. Ниёзӣ. - Душанбе: Ирфон, 1975. - 526 с.

168. Сайфуллоев, А.С. Бомдоди ошиқон / А.С. Сайфуллоев. - Хучанд: Нашриёти ба номи Р. Ҷалил, 1993. - 252 с.

169. Саттор, Турсун. Камони Рустам / Т. Саттор. - Душанбе: Маориф, 1982. - 176 с.
170. Содик, Ҳ. Қадри чавҳар чавҳарӣ донад / Ҳ. Содик. - Душанбе: Ирфон, 1987. – 336 с.
171. Стивенсон Р. Л. Қазираи чавохирот / Р. Л. Стивенсон. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. - 260 с.
172. Турсун-заде, М. Избранные сочинения / М. Турсун-заде. Составитель С. Бегматова. - Худжанд, 2012. - 226 с.
173. Улуғзода С. Пири ҳакимони машриқзамин / С. Улуғзода. - Душанбе: Маориф, 1980. - 198 с.
174. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. I. - М.: Советская энциклопедия, 1969. - 952 с.
175. Фарҳанги забони тоҷикӣ. ҷ. II. - М.: Советская энциклопедия, 1969. - 950 с.
176. Фирӯз, Б. Агар вай мард мебуд ... / Б. Фирӯз. - Душанбе: Адиб, 1987. - 384 с.
177. Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб, ҷ. II / Р. Ҷалил. - Душанбе: Адиб, 1988. – 466 с.
178. Ҷалил, Р. Машъали роҳи ҳаёт / Р. Ҷалил. - Сб.: Лолаҳои кӯҳсор. - Душанбе: Адиб, 1987. – С. 8 – 23.
179. Ҷалил, Р. Одамони ҷовид / Р. Ҷалил. - Сталинобод, 1954. - 346 с.
180. Abrahams, P. The Path of Thunder / P. Abrahams. - М.: Higher school publishing house, 1971. - 336 p.
181. Carruth, H. The voice that is great with us. ., Y. Winters. To the holy spirit / H. Carruth. - N. Y. 1961, - 722 p.
182. Deutscher, I. Stalin. A political biography / I. Deutscher. - N. Y., 1960. - 610 p.
183. Dickens, Ch. Martin Chuzzlewit / Ch. Dickens. - М.: Foreign languages publishing house, 1951. - 482 p.

184. Dickens, Ch. American Notes / Ch. Dickens. - M.: Foreign languages publishing house. - M., 1950. - 256 p.
185. Galsworthy, J. A Modern Comedy. Book 2 / J. Galsworthy. - M.: Progress, 1976. - 280 p.
186. Galsworthy, J. A Modern Comedy. Book 3 / J. Galsworthy. - M.: Progress publishers, 1976. - 304 p.
187. Haggard, H. King Solomon's mines / H. Haggard. - M.: Progress publishers, 1972. - 224 p.
188. Hardy, T. Far from the madding crowd / T. Hardy. - London: Smith, Elder & Co, 1874. - 308 p.
189. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. - Oxford University press, 1989. - 1578 p.
190. Kohn, H. Prophets and Peoples / H. Kohn. - N. Y. 1961 - 190 p.
191. Steinbeck, I. The Grapes of Wrath / I. Steinbeck - M.: Progress, 1978. - 530 p.
192. Stevenson, R.L. Treasure Ireland. Third edition / R.L. Stevenson. -M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. - 280 p.
193. Thackeray, W. The History of Henry Esmond / W. Thackeray. Esg. - M.: Foreign languages publishing house, 1954. - 596 p.
194. Thomson, A.J., Martinet, A.V. A Practical English Grammar, fourth edition / A.J. Thomson, A.V. Martinet. - Oxford University Press, 1986. - 384 p.
195. Voynich, E.L. The Gadfly / E.L. Voynich.- M.: Foreign Publishing House, 1954. - 332 p.
196. Waugh, E. Prose. Memories. Essays / E. Waugh. - M.: Progress publishers, 1980. - 448 p.